ISSN 2782-7321

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК СКФО: ПРАВО И ЭКОНОМИКА

Научно-практическое издание

№ 1 (37), 2026

BULLETIN OF THE NORTH CAUCASUS FEDERAL DISTRICT: LAW AND ECONOMICS

Scientific and practical publication

№ 1 (37), 2026

Нальчик – 2026
Nalchik – 2026

Учредитель: **Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова (КБГУ)**

Главный редактор **Ю.К. Альтудов**
Зам. главного редактора экономического раздела **М.В. Аликаева**
Зам. главного редактора юридического раздела **Е.М. Машукова**
Ответственный редактор **З.Н. Ягумова**

Редакционная коллегия:
Б.Б. Бидова, Л.И. Гончаренко, Ю.В. Быстрова, Н.Н. Киселева, А.Н. Маремкулов, О.К. Минева, З.А. Мустафаева, А.Б. Нагоев, Н.Н. Новоселова, М.С. Оборин, Г.С. Працко, Л.В. Пригода, И.В. Сугарова, С.И. Улезько, Т.В. Шатковская, М.Ю. Шерешева

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство ПИ № ФС 77-81471 от 03 августа 2021 г.

Зарегистрирован в национальном агентстве Российской Федерации **ISSN 2782-7321.**

Доступ к рефератам статей журнала осуществляется на сайте Научной электронной библиотеки «eLIBRARY.RU» (http://elibrary.ru).

Адрес редакции: **360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова**
Телефоны: **+7 (928) 719-40-04, +7 (928) 690-14-15**
E-mail: **vestnik.skfo@kbsu.ru**

Ó Гл. редактор Альтудов Ю.К., 2026
Ó Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, 2026
Ó Редакционно-издательское оформление, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, 2026

Founder: **Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov (KBGU)**

Editor in chief **Yu.K. Altudov**
Deputy Editor-in-chief of the economic section **M.V. Alikaeva**
Deputy Editor-in-Chief of the legal section **E.M. Mashukova**
Responsible editor **Z.N. Yagumova**

Editorial board:
B.B. Bidova, L.I. Goncharenko, Yu.V. Bystrova, N.N. Kiseleva, A.N. Maremkulov, E.V. Kazgerieva, O.K. Mineva, Z.A. Mustafaeva, A.B. Nagoev, N.N. Novoselova, M.S. Oborin, G.S. Pratsko, L.V. Prigoda, I.V. Sugarova, S.I. Ulezko, T.V. Shatkovskaya, M.Y. Sheresheva

The publication is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Communications.

Certificate PI No. FS 77-81471 dated August 03, 2021.

Access to the abstracts of the journal articles is provided on the website of the scientific electronic library «eLIBRARY.RU» (http://elibrary.ru).

Editorial address: **Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Chernyshevsky str., 173, Nalchik, 360004**
Phone numbers: **+7 (928) 719-40-04, +7 (928) 690-14-15**
E-mail: **vestnik.skfo@kbsu.ru**

Ó Authors, 2025
Ó Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, 2026
Ó Editorial and publishing design, Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА

Циканов М.М.
Нематематичность и ненаучность в контексте экономики: строгие определения ……... 7
Циканов М.М.
Энергоэффективность и устойчивость общества ……. 18
Волов М.А., Макоева Д.З.
Условия финансового обеспечения транспортных инфраструктурных проектов …… 24
Калабекова Л.И., Межгихова Л.Р.
Поведенческие факторы на финансовых рынках: психологические аспекты принятия инвестиционных решений …… 37
Калабекова Л.И., Хуранов А.Р.,Ашинов Ш.В.
Формирование и развитие банковских экосистем в условиях цифровизации: теоретические аспекты ……. 44
Кузьминов П.А., Муртазова Л.З.
Современные вызовы развития горнорудного комплекса Кабардино-Балкарской Республики в контексте национального технологического лидерства …… 59
Мамбетова Ф.М., Пшукова Р.М.
Кадровый кризис в туриндустрии КБР: пути преодоления …. 68
Мамбетова Ф.М., Гузоев А.А.
Цифровые технологии безопасности горнолыжных трасс КБР: экономические аспекты и перспективы развития …… 77
Мамышева Ф.М.
Закономерности развития сферы медицинских услуг в условиях ускоренного внедрения инноваций …….. 85
Тенова З.Ю., Бегидов И.Х., Гучаева М.З.
Адаптация гостиничного сектора к новым формам туризма: гибридные форматы и инклюзивные услуги …… 95
Шумахова К.С., Шумахов Д.А., Шумахов Р.А.
Роль технологического предпринимательства в развитии экономики …… 102

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Дышеков М.В., Бецуков А.А.
Учение С.Е. Десницкого о суде и правосудии в контексте адаптации западноевропейских идей в России XVIII века …. 119
Улезько И.С., Волова А.А.
Взаимосвязь особой жестокости и смежных конкурирующих категорий …….. 132
Улезько И.С., Длужицкий В.К.
Сущность молодежного экстремизма: структура, противоречия и отграничение ……. 139
Улезько И.С., Макогонова Е.В.
Разбой: уголовно-правовой и криминологический анализ …. 145
Улезько И.С., Окишев Н.Ю.
История развития уголовной ответственности за вандализм в России …… 150
Эттеев Д.К.
Эволюция форм военных санкций: от тотальной блокады к кибероружию и операциям по принуждению к миру …….. 156

CONTENT

ECONOMY

Tsikanov M.M.
Why economics is not mathematical and therefore not scientific: strict definitions ……. 8
Tsikanov M.M.
Energy Efficiency and Sustainability …… 18
Volova M.A., Makoeva D.Z.
Financial provision conditions for transport infrastructure projects ……. 25
Kalabekova L.I., Mezhgikhova L.R.
Behavioral factors in financial markets: the impact of cognitive bias and psychology on investment decisions ……... 38
Kalabekova L.I., Khuranov A.R., Ashinov Sh.V.
Formation and development
of banking ecosystems in the context of digitalization: theoretical foundations ……. 45
Kuzminov P.A., Murtazova L.Z.
The Kabardino-Balkarian Tourism Industry Crisis: Causes, Consequences, and Solutions ……. 60
Mambetova F.M., Pshukova R.M.
The Kabardino-Balkarian Tourism Industry Crisis: Causes, Consequences, and Solutions ……. 69
Mambetova F.M., Guzoev A.A.
Digital technologies for the safety of ski slopes in the Kabardino-Balkarian Republic: economic aspects and development prospects 78
Mamayshteva E.M.
Development of Medical Services in the Context of Accelerated Innovation …….. 85
Tenova Z.Yu., Begidov I.Kh., Guchaeva M.Z.
Adaptation of the Hospitality Sector to New Forms of Tourism: Hybrid Formats and Inclusive Services ……. 96
Shumakhova K.S., Shumakhov D.A., Shumakhov R.A.
The role of technological enterpreneurship in economic development ……... 103

JURISPRUDENCE

Dyshekov M.V., Betsukov A.A.
S.E. Desnitsky's doctrine of the court and justice in the context of the adaptation of Western European ideas in XVIIIth-century Russia …… 120
Ulezko I.S., Volova A.A.
Interrelation of special cruelty with related and competing categories: torture, torment, suffering, abuse, mockery, sadism ……... 133
Ulezko I.S., Dluzhitsky V.K.
The essence of youth extremism: structure, contradictions and differentiation …… 140
Ulezko I.S., Makogonova E.V.
Robbery: criminal-legal and criminological analysis …… 146
Ulezko I.S., Okishev N.Yu.
History of the development of criminal liability for vandalism in Russia …… 151
Etteev D.K.
Evolution of forms of military sanctions: from total blockade to "cyberweapons" and peace-enforcement operations ……. 156

ЭКОНОМИКА

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 1. – С. 7–17.
Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. *2026; (1):7–17.*

Экономика
Научная статья
УДК 330.131.7:620.9

НЕМАТЕМАТИЧНОСТЬ И НЕНАУЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИКИ: СТРОГИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Мухамед Мухадинович Циканов
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, tsmm@rambler.ru

Аннотация. В статье обосновывается тезис о принципиальной нематематичности экономики как социально-экономической среды. Показано, что экономика не удовлетворяет базовым предпосылкам теории динамических систем и вероятностного моделирования: она не является системой в строгом смысле, нестационарна, неэргодична, хаотична, нелинейна с исторически изменяемой степенью нелинейности, не имеет фиксированного фазового пространства, эмерджентна, разрывна, фундаментально зависит от неопределённости и не имеет материального объекта изучения. Делается вывод, что использование математического аппарата (дифференциальных уравнений, стохастических процессов) в экономике является методологической ошибкой, подменой реальной исторической и когнитивной неопределённости иллюзией формальной управляемости.

Ключевые слова: экономическая методология, динамические системы, нестационарность, неэргодичность, эмерджентность, хаос, нелинейность, разрывность, неопределённость, стохастические модели

***Для цитирования*:** Циканов М.М. Нематематичность и ненаучность в контексте экономики: строгие определения // Вестник СКФО: Право и экономика. 2026. № 1. С.7–17.

Economy
Originak article

NON-MATHEMATICAL AND NON-SCIENTIFIC IN THE CONTEXT OF ECONOMICS: STRICT DEFINITIONS

Mukhamed M. Tsikanov
Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia, tsmm@rambler.ru

Annotation. The article substantiates the thesis of the fundamental non-mathematical nature of economics as a socio-economic environment. The author shows that economics does not satisfy the basic premises of the theory of dynamical systems and probabilistic modeling: it is not a system in the strict sense, it is non-stationary, non-ergodic, chaotic (in a special non-technical sense), nonlinear with a historically changing degree of nonlinearity, has no fixed phase space, is emergent, discontinuous, fundamentally dependent on uncertainty, and has no material object of study. It is concluded that the use of mathematical apparatus (differential equations, stochastic processes) in economics is a methodological mistake - a substitution of real historical and cognitive uncertainty with the illusion of formal controllability.

Keywords: economic methodology, dynamical systems, non-stationarity, non-ergodicity, emergence, chaos, nonlinearity, discontinuity, uncertainty, stochastic models

For citation: Tsikanov M.M. Non-mathematical and non-scientific in the context of economics: strict definitions // Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026; (1):8–17.

Цель настоящего исследования заключается в анализе использования математического аппарата (дифференциальных уравнений, стохастических процессов) в экономике, которое может быть методологической ошибкой, связанной с подменой реальной исторической и когнитивной неопределённости иллюзией формальной управляемости.

Методы исследования – логический анализ и синтез, системный подход, сравнительный анализ.

Результаты и обсуждение. Попытки представить экономику как математическую дисциплину, аналогичную физике, основаны на фундаментальном заблуждении – переносе методов исследования материального мира на область социальных взаимодействий. Проведён-

ный анализ показывает, что экономика не обладает ни одним из свойств, необходимых для построения динамических или вероятностных моделей в строгом научном смысле. Она не является системой с устойчивыми причинно-следственными связями, нестационарна, неэргодична, хаотична в нетривиальном смысле, эмерджентна, разрывна и не имеет фиксированного фазового пространства. Более того, у неё отсутствует материальный объект изучения – вместо атомов или молекул здесь действуют ожидания, психологические реакции и институциональные соглашения, которые невозможно измерить объективными инструментальными методами.

Экономика в строгом научном смысле не может быть описана как динамическая система, аналогичная объектам физики или математики. Её фундаментальные свойства противоречат базовым предпосылкам теории динамических систем и вероятностного моделирования.

Экономика обладает следующими характеристиками:

– не является системой в строгом смысле, а представляет собой среду;

– нестационарна;

– неэргодична;

– хаотична, но не в техническом (лоренцевском) смысле;

– нелинейна, причём степень нелинейности изменяется непредсказуемо;

– не имеет фиксированного фазового пространства;

– эмерджентна;

– не непрерывна, она разрывна;

– принципиально зависит от случайностей и неопределённостей;

– нет материального объекта изучения;

Рассмотрим эти положения более подробно.

1. Экономика не является системой. Любая система в строгом научном смысле предполагает:

– наличие устойчивых причинно-следственных связей;

– существование количественно идентифицируемых прямых и обратных связей;

– воспроизводимость взаимосвязей при сходных условиях.

Экономика этим требованиям не удовлетворяет. Причинно-следственные связи в ней:

– нестабильны;

– контекстно зависимы;

– подвержены институциональным, политическим и психологическим сдвигам.

Экономика не обладает инвариантной структурой взаимодействий, а потому не может быть описана как система в физическом смысле. Корректнее говорить не о системе, а о социально-экономической среде, в которой непрерывно меняются правила, агенты и механизмы взаимодействия. Подробнее этот аспект будет рассматриваться нами в разделе «Экономика – это не система, а среда. Что такое система». Любая попытка редукции экономики к физике подобна мистике.

2. Экономика не является стационарной. Стационарность означает инвариантность распределений во времени:

$$P(X_t \in A) = P(X_{t+\tau} \in A) \qquad (1)$$

Для экономических процессов это условие принципиально нарушается вследствие:

– смены технологических режимов;

– институциональных разрывов (реформ, войн, кризисов);

– трансформации поведенческих правил агентов;

– изменения структуры рынков и форм денег.

Следовательно, не существует устойчивого распределения вероятностей для экономических переменных. Любые оценки параметров (среднее, дисперсия, корреляции) имеют локальный исторический смысл и не подлежат экстраполяции.

Нестационарность является не шумом, а онтологическим свойством экономики.

3. Экономика не является эргодической. Эргодичность предполагает равенство временных и ансамблевых средних:

$$\lim_{T\to\infty} \frac{1}{T} \sum_{t=1}^{T} f(X_t) = \int f(x)\, d\mu(x), \qquad (2)$$

где $f(x)$ – это наблюдаемая характеристика процесса в момент t; $\lim_{T\to\infty} \frac{1}{T} \sum_{t=1}^{T} f(X_t)$ – это временное среднее (time average); $\mu(x)$ – инвариантная мера или стационарное распределение вероятностей состояний системы; $\int f(x)\, d\mu(x)$ – математическое ожидание функции $f(X)$ по этому распределению.

Для социально-экономических процессов это условие нарушается по следующим причинам:

– историческая необратимость. Экономика развивается по уникальным траекториям, не воспроизводимым во времени;

– зависимость от пути (path dependence). Начальные условия закрепляются институционально и культурно и *не забываются*;

– режимные сдвиги. После кризисов система не возвращается к прежнему статистическому состоянию [1].

Следовательно, временной ряд не является репрезентативной выборкой всех возможных состояний. Он отражает лишь один исторический сценарий.

Экономика является неэргодической по определению.

4. Принципиальное различие типов хаоса, для которых характерны следующие особенности.

4.1. Технический (лоренцевский) хаос:

– стационарен;

– допускает инвариантную меру;

– эргодичен (в ослабленном смысле);

– имеет аттрактор;

– допускает ограниченное, но осмысленное прогнозирование.

4.2. Социально-экономический «хаос»:

– нестационарен;

– неэргодичен;

– не имеет инвариантной меры;

– не имеет аттракторов;

– делает математическое прогнозирование методологически несостоятельным.

Экономический хаос есть не хаос динамики, а хаос структуры самой среды.

5. Нелинейность как исторически изменяемое свойство. В физико-математических системах нелинейность означает чувствительность к начальным условиям при сохранении:

- фиксированной структуры уравнений;
- стационарного фазового пространства;
- постоянной степени нелинейности.

В экономике нелинейность не задана заранее, она формируется исторически:

- через финансовые инновации;
- институциональные изменения;
- политические решения;
- психологические реакции агентов.

Меняется сама степень нелинейности. Экономика переходит:

- от квазилинейных режимов (стабильные периоды);
- к сверхнелинейным (кризисы, паники, пузыри).

Нелинейность неустойчива и неинвариантна. Любое технологическое или информационное событие меняет характер связей между переменными.

Экономика – не нелинейная система, а исторически меняющаяся нелинейная среда.

6. Эмерджентность и разрушение фазового пространства. В физике эмерджентность ограничена рамками заданных уравнений. В экономике она приобретает радикально иной характер, что приводит к качественным изменениям, в результате которых:

- возникают новые типы агентов;
- формируются новые рынки;
- появляются новые формы денег;
- создаются новые институциональные режимы;
- возникают новые виды рисков.

Экономика не просто движется в фазовом пространстве – она порождает само фазовое пространство.

Каждое крупное событие изменяет:

- размерность системы;
- набор переменных;
- структуру связей;
- область допустимых состояний.

Следовательно, невозможны ни траектории в фиксированном пространстве, ни аттракторы, ни динамический хаос в строгом смысле.

7. Непрерывность в экономике – методологическая фикция. Классический математический анализ, равно как и весь аппарат дифференциальных уравнений опираются на фундаментальные предположения о непрерывности и как усиление дифференцируемости исследуемых процессов. Это предположение не является нейтральным техническим допущением: оно эквивалентно утверждению о существовании гладкого, инвариантного и воспроизводимого механизма эволюции системы.

В экономике данное предположение не просто нарушается – оно принципиально неприменимо.

Экономическая динамика не является «плохой аппроксимацией» непрерывного процесса. Она онтологически разрывна.

Разрывность экономической динамики – свойство среды, а не дефект наблюдения.

В физике разрыв – это исключение, возникающее в рамках фиксированных уравнений. В экономике – норма, отражающая изменение самой структуры каузальности.

Экономические процессы разрывны по следующим фундаментальным причинам:

7.1. Дискретность действий и решений:

- сделки совершаются или не совершаются;
- банкротство либо происходит, либо нет;
- регуляторное решение вводится одномоментно;
- ожидания меняются скачком при преодолении психологических и информационных порогов [2].

Экономическая переменная не «переходит» непрерывно – она переключается.

7.2. Структурные разрывы как смена законов, а не значений. В экономике кризис, дефолт, война, санкции, технологический прорыв или институциональная реформа не являются:

- «шумом»;
- флуктуацией;
- выбросом.

Они меняют сам механизм формирования данных, то есть уничтожают прежнюю модель.

7.3. Рефлексивность агентов. Участники экономической среды могут:

- наблюдать модель,
- реагировать на прогноз,
- менять поведение в ответ на описание.

Это означает, что любая предполагаемая «гладкая динамика» разрушается в момент её осознания. Непрерывность невозможна в среде, способной осмыслять и изменять собственное описание.

Формальный провал дифференциального подхода может возникать в различных ситуациях.

Так, для применения дифференциального аппарата необходимо выполнение условия:

$$\lim_{\Delta t \to 0} X(t + \Delta t) = X(t) \qquad (3)$$

В экономике это условие не выполняется ни эмпирически, ни концептуально, следовательно:

– производная $\frac{dX}{dt}$ не существует как физически осмысленная величина;

– «скорость изменения» экономической переменной не определена;

– траектория не является гладкой функцией времени.

Использование дифференциальных уравнений в экономике – это не описание реальности, а навязывание ей языка, заимствованного из чужой онтологии.

Переход от детерминированных моделей к стохастическим не решает проблему, а усугубляет её.

Стохастические дифференциальные уравнения предполагают:

– непрерывность траекторий;

– стационарность распределений;

– независимость приращений;

– существование инвариантной меры.

Тем самым они сохраняют все ключевые предпосылки физической динамики, лишь заменяя неизвестную причинность «шумом».

В результате происходит методологическая подмена:

- разрыв → моделируется как флуктуация;

- смена режима → интерпретируется как реализация хвоста распределения;

- изменение структуры → маскируется добавлением стохастического члена.

Это не учёт неопределённости, а её подавление формализмом.

Экономика не движется по траектории. Она переходит между режимами.

Каждый режим характеризуется собственными:

– правилами;

– пониманием причинности;

– интерпретацией данных;

– подходами к математическому моделированию.

Переход между режимами:

– не дифференцируется;

– не аппроксимируется локально;

– не описывается пределом.

Следовательно, экономика не является системой:

– непрерывной;

– стохастически непрерывной;

– динамической – в строгом смысле.

Она представляет собой разрывную, исторически переопределяемую, рефлексивную среду, в которой математический анализ используется не как инструмент познания, а как средство стилистической легитимации [3].

Таким образом, непрерывность в экономике – не эмпирически нарушаемое допущение, а категориальная ошибка.

Попытка описывать экономику дифференциальными уравнениями, стохастическими процессами, гладкими траекториями есть не упрощение сложной реальности, а подмена реальности удобной абстракцией, несовместимой с природой социально-экономической среды.

Экономика не всегда «плохо аппроксимирует» непрерывную динамику. Она никогда ею не была.

8. Случайность и неопределённость – ключевые понятия в экономике, которые тесно связаны со следующими категориями:

8.1. Формализация незнания.

В регрессии:

$$y = f(x) + \varepsilon \quad (4)$$

член ε агрегирует всё, что модель не объясняет: психологию, институты, политику, когнитивные искажения. Это не объяснение, а математизированное признание незнания.

Регрессия остаётся описанием корреляций, а не механизмов.

8.2. Стохастические дифференциальные уравнения:

$$dx = f(x,t)\,dt + g(x,t)\,dW_t, \quad (5)$$

где $f(x,t)$ – детерминированный дрейф; $g(x,t)$ – интенсивность шума; dW_t – приращение винеровского процесса (белый шум).

Винеровский процесс описывает «идеальное случайное движение» с такими свойствами:

– как независимость приращений;

– отсутствие памяти (марковское свойство);

– гауссовость;

– стационарность;

– абстракция «идеальной случайности», лишённая истории, целей, смысловой структуры.

Экономические процессы обладают памятью, асимметрией, скачками, заражением ожиданий и эффектами толпы. Использование броуновского шума подменяет социальную реальность моделью броуновской пыли.

8.3. Методологическое ограничение. Введение случайного члена не делает модель научнее. Оно лишь маскирует отсутствие законов движения.

Тип шума выбирается произвольно (обычно гауссовский), предполагается стационарность, игнорируются скачки и «толстые хвосты» распределений.

9. Нет материального объекта изучения. В физике это атом, в химии - молекула и т. д., у каждого из этих объектов есть стабильные физико-химические характеристики, изучаемые объективными инструментальными методами. В экономике потребительский спрос, потребительское поведение, производственные отношения и т. д. это не материальные объекты, следовательно, у них нет стабильных объективных характеристик.

10. Концептуальный итог. В регрессии:

$$y = f(x) + \varepsilon \tag{6}$$

случайность – это ошибка.

В стохастических уравнениях:

$$dx = f(x,t)\,dt + g(x,t)\,dW_t \tag{7}$$

случайность – это часть фиктивной динамики.

Переход от детерминированных моделей к стохастическим в экономике – не технический прогресс, а признание принципиальной непредсказуемости среды.

Таким образом экономика не является динамической системой, потому что она:

– нестационарна;

– неэргодична;

– эмерджентна;

– обладает изменяемой нелинейностью;

– не имеет инвариантных законов движения;

– не допускает аттракторов;

– разрывна;

– хаотична;

– разрушает само понятие устойчивой вероятности.

Попытка описывать её методами физического хаоса и стохастических процессов является методологической ошибкой – подменой

исторической, когнитивной и институциональной неопределённости иллюзией математической управляемости.

В заключение следует отметить, что экономика – это не система уравнений, а эволюционирующая нелинейная социальная среда, в которой неопределённость возникает не из чувствительности к начальным условиям, а из изменения самих законов её движения.

Поэтому переход от детерминированных уравнений к стохастическим в экономике и социологии является не техническим прогрессом, а признанием принципиальной непредсказуемости среды. Это не путь к законам, а способ сохранить видимость формализма там, где действуют история, эмоции, власть и иррациональные реакции людей.

Список источников

1. Арнольд В.И., Авец А. Эргодические проблемы классической механики. Ижевск: Ижевская республиканская типография, 1999. 284 с.

2. Сергиенко А.Б. Цифровая обработка сигналов. СПб.: Питер, 2006. 752 с.

3. Вильям Петти Экономические и статистические работы. Т. I–II. / пер. под ред. Смит М.Н. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940. 323 с.

List of sources

1. Arnold V.I., Avets A. Ergodic problems of classical mechanics. Izhevsk: Izhevsk Republican Printing House, 1999. 284 p.

2. Sergienko A.B. Digital signal processing. St. Petersburg: Piter, 2006. 752 p.

3. William Petty. Economic and Statistical Works. Vol. I–II . Translation edited by Smith M.N. Moscow: State Social and Economic Publishing House, 1940. 323 p.

Ó Циканов М.М., 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 1. – С. 18–23.
Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. *2026; (1):18–23.*

Экономика
Научная статья
УДК 330.131.7:620.9

ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТЬ И УСТОЙЧИВОСТЬ ОБЩЕСТВА

Мухамед Мухадинович Циканов
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, tsmm@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются структурные уязвимости современной социально-экономической системы, обусловленные подменой материальной базы абстрактной финансовой надстройкой. Обосновывается, что ключевым критерием устойчивости общества является не финансовая доходность или темпы роста ВВП, а энергоэффективность, надёжность и рациональность использования энергетических ресурсов. Анализируются парадоксальные тенденции, при которых общество направляет ограниченные энергоресурсы на энергоёмкие, но нефункциональные сферы, что системно снижает общую устойчивость и увеличивает риски коллапса при энергетических сбоях. Делается вывод о необходимости пересмотра приоритетов развития в сторону укрепления энергетической и инфраструктурной базы как реального фундамента цивилизации.

Ключевые слова: устойчивость, энергоэффективность, финансовая система, энергетическая инфраструктура, криптовалюты, дата-центры, системный риск, коллапс

***Для цитирования*:** Циканов М.М. Энергоэффективность и устойчивость общества // Вестник СКФО: Право и экономика. 2026. № 1. С. 18–23.

Economy
Originak article

ENERGY EFFICIENCY AND SUSTAINABILITY

Mukhamed M. Tsikanov
Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia, tsmm@rambler.ru

Annotation. This article examines the structural vulnerabilities of the modern socio-economic system, caused by the substitution of an abstract financial superstructure for the material base. The author argues that the key criterion for societal sustainability is not financial profitability or GDP growth rates, but energy efficiency, reliability, and resource efficiency. The author analyzes the paradoxical trends according to which society directs limited energy resources to energy-intensive but dysfunctional sectors (cryptocurrencies, data centers for speculative and advertising services), thereby systemically maintaining sustainability and reducing the risk of collapse during operational failures. The author concludes that it is necessary to revise development priorities, focusing on the energy and infrastructure base as the true foundation of civilization.

Keywords: sustainability, energy efficiency, financial system, energy infrastructure, cryptocurrencies, data centers, systemic risk, collapse

For citation: Tsikanov M.M. Energy Efficiency and Sustainability // Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026; (1):18–23.

Введение. Современное общественное устройство утратило системную устойчивость. Его уязвимость носит не частный, а структурный характер и обусловлена глубокой подменой оснований: реальная материальная база была вытеснена абстрактной финансовой надстройкой, которая в итоге превратилась в самодостаточную и автономную систему, утратив связь с физической реальностью.

Финансовая система в её текущем виде, на наш взгляд, представляет собой перевёрнутую пирамиду. В её основании находятся фондовые рынки, значительная часть которых сформирована государственными облигациями. Эти, в свою очередь, являются формализованным отражением хронических бюджетных дефицитов. Таким образом, фундамент финансовой системы – не накопленное богатство и не производственный потенциал, а институционализированный долг. Экономика при этом всё чаще рассматривается как производная от финансовых рынков, а не наоборот. Финансовая система перестала быть надстройкой над реальным производством и превратилась в замкнутый контур, существующий по собственной логике.

Цель исследования – анализ парадоксальных тенденций, при которых общество направляет ограниченные энергоресурсы на энергоёмкие, но нефункциональные сферы, связанные с криптовалютами, дата-центрами для спекулятивных и рекламных сервисов), что системно снижает общую устойчивость и увеличивает риски коллапса при энергетических сбоях.

Методы исследования. В процессе исследования использовались методы логического анализа и синтеза, методы сравнительного анализа, положения концепции системного подхода.

Результаты и обсуждение. Устойчивость финансовой системы поддерживается в значительной степени рейтинговыми механизмами. Однако рейтинги по своей природе не могут быть точными: они строятся на неполной информации, экстраполяции прошлых данных и субъективных допущениях. Исторически они неоднократно демонстрировали систематические ошибки, запаздывание и процикличность. Тем не менее именно рейтинги используются как квазиобъективная основа для принятия решений, распределения капитала и оценки рисков в глобальном масштабе.

Из этой логики вытекает и система критериев эффективности. Практически все показатели оптимальности редуцированы к финансовым метрикам: кратчайший срок окупаемости, максимизация текущей доходности, минимизация запасов. Принцип just in time, отсутствие складских резервов, отказ от избыточности и резервирования рассматриваются как признаки эффективности, несмотря на то, что они радикально снижают устойчивость систем снабжения. Проекты с долгим горизонтом окупаемости, инфраструктурные и энергетические инвестиции систематически проигрывают краткосрочным финансовым стратегиям.

Принципиально важно подчеркнуть, что при серьёзном нарушении энергетической устойчивости разрушается не только «реальная экономика», но и сама финансовая система как таковая. Банковский сектор, платёжная инфраструктура, фондовые биржи и кредитные рынки не обладают собственной автономией и не могут функционировать без непрерывного энергоснабжения и телекоммуникаций. Банки – это не хранилища денег в физическом смысле, а вычислительные и учётные центры; банкоматы – терминалы доступа к цифровым записям; биржи – распределённые вычислительные системы с жёсткими требованиями к задержкам, синхронизации и бесперебойной связи [1].

При отключении электроэнергии прекращается работа дата-центров, платёжных шлюзов и расчётных систем. Банкоматы становятся неработоспособными, безналичные платежи невозможны, клиринг и расчёты останавливаются; биржевые торги прекращаются не по решению регуляторов, а по физической невозможности их проведения. Кредитные обязательства, деривативы, депозиты и балансовые оценки теряют операционную определённость: они существуют лишь в виде записей, доступ к которым невозможен. В этих условиях финансовая система не

«испытывает кризис», а просто исчезает как функционирующая структура, независимо от формальной юридической силы обязательств.

Это означает, что финансовая система не только не является фундаментом экономики, но и сама полностью производна от энергетической и инфраструктурной базы. Она не способна служить якорем стабильности в условиях системных сбоев, поскольку разрушается быстрее и полнее, чем материальное производство. Следовательно, ориентация на финансовые показатели как на универсальный критерий эффективности и устойчивости представляет собой не просто методологическую ошибку, а опасную иллюзию: в момент реального кризиса оказывается, что именно та система, которой приписывалась регулирующая и стабилизирующая роль, первой выходит из строя.

При этом полностью игнорируется фундаментальный факт: вся эта конструкция функционирует исключительно при наличии стабильного и непрерывного энергоснабжения. Именно энергетическая инфраструктура, а не финансы, образует реальное основание любой сложной социальной системы.

Современная цивилизация функционально опирается прежде всего на энергию как универсальный базовый фактор. Без неё невозможна реализация ни одной ключевой функции общества: водоснабжения и канализации, продовольственного производства и логистики, медицины, связи, транспорта, управления и безопасности. Эти системы не просто используют энергию – они существуют исключительно при её постоянном наличии.

Даже кратковременное отключение энергоснабжения в крупном мегаполисе мгновенно выявляет подлинную иерархию зависимостей. Прекращается подача воды, поскольку насосные станции и очистные сооружения полностью зависят от электричества; выходит из строя канализация, что в течение считаных дней приводит к санитарной катастрофе; разрушаются торговые и логистические цепочки – магазины не могут принимать платежи, холодильные мощности складов теряются, транспорт останавливается. Современная медицина, формально считающаяся одной из наиболее развитых сфер, оказывается функционально беспомощной без лабораторной диагностики, визуализации, автоматизированных систем мониторинга и жизнеобеспечения. Клинические протоколы утрачивают применимость, а квалификация врача без технологической поддержки резко ограничивается. В этих условиях финансовые активы, цифровые счета и формальные права собственности теряют практический смысл: они не конвертируются ни в воду, ни в пищу, ни в лечение. Имея значительные средства

на счету, человек не сможет купить хлеб или воду, оплатить операцию, например, аппендицита. Может умереть или от голода, или от перитонита, или от заразных болезней (из-за неработющей канализации).

Из этого следует принципиальный вывод: ключевым критерием устойчивости и эффективности социально-экономической системы должны быть не финансовая доходность, не темпы роста ВВП и не объёмы цифровых транзакций, а энергоэффективность, энергетическая надёжность и рациональность использования доступных энергетических ресурсов. Общество устойчиво ровно настолько, насколько оно способно с минимальными энергетическими затратами поддерживать жизненно важные функции.

Однако реальная траектория развития современной экономики демонстрирует противоположную тенденцию. Существенная часть ресурсов направляется в сферы, обладающие высокой энергоёмкостью при минимальной общественной полезности с точки зрения жизнеобеспечения. Наиболее наглядным примером является криптовалютная индустрия и сопутствующая ей инфраструктура вычислительных ферм и дата-центров.

Криптовалюты представляют собой предельный случай энергетической неэффективности. Огромные объёмы электроэнергии расходуются на криптографические вычисления, которые не создают ни материального продукта, ни услуг первой необходимости, ни технологических улучшений в реальном секторе. В экономическом смысле эти вычисления не решают задачи распределения ресурсов, не обеспечивают расчёты эффективнее существующих платёжных систем и не устраняют фундаментальных проблем доверия. Их функция сводится к поддержанию искусственного дефицита цифровых токенов и симуляции ценности, основанной на самих энергетических затратах.

С точки зрения экономической логики это означает подмену производительных издержек бесполезными. Энергия, которая могла бы быть направлена на водоочистку, транспорт, производство удобрений, модернизацию электросетей или повышение энергоэффективности зданий, расходуется на поддержание спекулятивных цифровых активов, существующих исключительно внутри финансово-информационного контура и полностью обнуляющихся при нарушении энергетической стабильности [2].

Аналогичную проблему представляет и экспансия дата-центров, обслуживающих преимущественно рекламные, развлекательные и спекулятивные цифровые сервисы. За внешней «нематериальностью» цифровой экономики скрывается жёсткая физическая реальность: потребление электроэнергии, воды для охлаждения, редкозе-

мельных металлов, сложная логистика и постоянное обновление оборудования. При этом значительная часть вычислительных мощностей используется для алгоритмической торговли, таргетированной рекламы и перераспределения внимания, а не для роста производительности труда или технологического развития базовых отраслей.

В результате формируется парадоксальная и опасная ситуация. Общество, располагающее ограниченными энергетическими ресурсами и сталкивающееся с износом инфраструктуры, направляет всё больше энергии на процессы, не повышающие его устойчивость, а зачастую прямо её снижающие. Чем выше доля таких энергоёмких, но нефункциональных сфер, тем более хрупкой становится система в целом. Любой энергетический сбой мгновенно обнажает иллюзорность значительной части «современной экономики», тогда как реальные жизнеобеспечивающие отрасли оказываются хронически недоинвестированными.

Таким образом, современная модель развития систематически подрывает собственную материальную основу, подменяя фундаментальные энергетические приоритеты абстрактными финансово-информационными конструкциями. Это не частная ошибка распределения ресурсов, а структурное снижение устойчивости всей системы. В долгосрочной перспективе такая логика неизбежно ведёт к росту уязвимости, деградации инфраструктуры и увеличению вероятности системных коллапсов, при которых становится очевидно, что цифровое богатство не способно заменить ни электричество, ни воду, ни функционирующую энергетическую сеть.

Список источников

1. Киндлбергер Ч., Алибер Р. Мировые финансовые кризисы: мании, паники и крахи. СПб.: Питер, 2010. 544 с.

2. Канеманн Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности. Харьков, 2014. 39 с.

List of sources

1. Kindleberger C., Aliber R. Global Financial Crises. St. Petersburg: Piter 2010. 544 p.

2. Kahnemann D., Slovik P., Tversky A.Decision making under uncertainty. Kharkov, 2014. 39 p.

Ó Циканов М.М., 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 1. – С. 24–36.
Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026; (1):24–36.

Экономика
Научная статья
УДК 338.47

УСЛОВИЯ ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫХ ИНФРАСТРУКТУРНЫХ ПРОЕКТОВ

Мурат Анатольевич Волов[1], Даяна Зурабовна Макоева[2]
[1,2]Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
[1]volov77@bk.ru
[2]makoevaad@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется трансформация условий финансового обеспечения проекта высокоскоростной железнодорожной магистрали Москва – Казань в период 2013–2025 гг. В процессе исследования проведена оценка влияния макроэкономической волатильности и бюджетных ограничений на устойчивость финансовой модели объекта. Методология включает сравнительный анализ динамики ключевой ставки Банка России, инфляционных процессов и институциональных изменений. На основе оценки чувствительности затрат к стоимости заемного капитала показано, что рост ключевой ставки более чем в три раза (с 5,5 до 15,5 % и выше) критически изменил параметры окупаемости, сделав классическую модель государственно-частного партнерства неэффективной. Установлено, что совокупность санкционных ограничений, валютных рисков и бюджетного правила обусловила необходимость переноса сроков начала строительства на 2028 год и перехода к модели усиленного государственного финансирования.

Ключевые слова: транспортная инфраструктура, высокоскоростная магистраль, финансовая модель, бюджетная политика, государственно-частное партнерство

Для цитирования: Волов М.А., Макоева Д.З. Условия финансового обеспечения транспортных инфраструктурных проектов // Вестник СКФО: Право и экономика. 2026. № 1. С. 24–36.

Economy
Originak article

FINANCIAL PROVISION CONDITIONS FOR TRANSPORT INFRASTRUCTURE PROJECTS

Murat A. Volov[1], Dayana Z. Makoeva[2]
[1,2]Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia
[1]volov77@bk.ru
[2]makoevaad@mail.ru

Annotation. The article analyzes the transformation of financial provision conditions for the Moscow – Kazan high-speed railway (HSR) project between 2013 and 2025. The aim is to assess the impact of macroeconomic volatility and budget constraints on the sustainability of the project's financial model. The methodology includes a comparative analysis of the Bank of Russia key rate dynamics, inflation processes, and institutional changes. Based on the sensitivity assessment of costs to the cost of borrowed capital, it is shown that the increase in the key rate by more than three times (from 5.5 to 15.5 % and above) critically changed the payback parameters, making the classic public-private partnership model ineffective. It is established that the combination of sanction restrictions, currency risks, and the budget rule necessitated postponing the construction start date to 2028 and transitioning to a model of enhanced state financing.

Keywords: transport infrastructure, high-speed railway, financial model, budgetary policy, public-private partnership

For citation: Volov M.A., Makoeva D.Z. Financial provision conditions for transport infrastructure projects // Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026; (1):25–36.

Введение. Реализация крупных транспортных инфраструктурных проектов в современной глобальной и национальной экономике определяется не только уровнем технологического развития, но и состоянием финансовой среды, формирующей систему долгосрочных обязательств участников. Для капиталоёмких проектов с длительным инвестиционным циклом, превышающим 10–15 лет, устойчивость финансовой модели критически зависит от совокупности макроэкономических и бюджетных условий, действующих на протяжении всего периода реализации – от проектирования до выхода на операционную стадию. Любое существенное изменение этих внешних параметров

способно привести к необходимости радикального пересмотра структуры финансирования, изменению долей участия государства и частного бизнеса, либо к полному переносу сроков реализации проекта, даже если проектная документация уже прошла государственную экспертизу и получила утверждение.

В период с 2013 по 2025 г. российская экономика столкнулась с рядом последовательных этапов глубокой трансформации денежно-кредитной и бюджетной политики. Этот процесс сопровождался значительными колебаниями параметров инфляции, волатильностью ключевой ставки Банка России, изменением структуры расходов федерального бюджета и фундаментальным пересмотром правил закрепления долгосрочных государственных обязательств [1, 2]. В данных условиях финансовое обеспечение сопряжено с высокой неопределенностью, вызванной дисбалансом между затратами на привлечение инвестиционных ресурсов и прогнозными показателями окупаемости проекта.

Показательным примером влияния указанных процессов на реализацию транспортных инфраструктурных планов стал проект создания высокоскоростной магистрали (ВСМ) Москва – Казань. Данная инициатива, утвержденная в 2013 году, рассматривалась как ключевой проект технологического обновления транспортной отрасли [3]. Однако текущий статус данного масштабного объекта наглядно показал зависимость крупных инвестиционных программ от условий финансового обеспечения.

Цель исследования – проанализировать влияние изменений макроэкономических условий на финансовую устойчивость проекта ВСМ Москва – Казань в 2013–2025 гг. Реализация поставленной цели предполагает последовательный разбор трансформации условий финансирования, оценку влияния макроэкономических факторов на модель ВСМ Москва – Казань.

Объектом исследования выступают условия финансового обеспечения инфраструктурных проектов как комплексная система внешних и внутренних ограничений, а ***предметом*** – динамическая трансформация этих условий в период 2013–2025 гг. и её влияние на финансовые параметры ВСМ Москва – Казань.

Методологической основой работы послужили методы системного, структурно-функционального и сравнительного анализа. В работе используется подход, позволяющий сопоставить динамику ключевой ставки Банка России и официальных данных по инфляции с прогнозными показателями финансовой модели проекта. Теоретический ана-

лиз бюджетной политики Российской Федерации проводился на основе нормативно-правовых актов и аналитических материалов Банка России [1, 2].

Результаты и дискуссия. Система условий финансового обеспечения транспортного инфраструктурного проекта представляет собой многофакторную модель, в которой макроэкономические индикаторы, регуляторные нормы и параметры бюджетного планирования находятся в состоянии динамического взаимодействия. В отличие от краткосрочных коммерческих инвестиций, крупные транспортные инфраструктурные проекты характеризуются низкой эластичностью спроса на начальных этапах и крайне высокой чувствительностью к стоимости заёмного капитала. Реализация капиталоемких инфраструктурных проектов предполагает комплексную структуру финансирования. Сегодня разработаны и используются такие инструменты, как инфраструктурные облигации, казначейские инфраструктурные кредиты, списание задолженности регионов по бюджетным кредитам, субсидии, тарифные источники ресурсоснабжающих организаций, а также инструменты государственно-частного партнерства (ГЧП) [5].

Финансовое обеспечение инфраструктурного проекта базируется на принципе сбалансированного распределения рисков и доходности между государственным и частным секторами. Ключевая ставка, будучи основным инструментом денежно-кредитной политики, оказывает прямое и опосредованное влияние на стоимость заимствований, поведение банковского сектора, доступность кредитных ресурсов и общее инвестиционное поведение субъектов корпоративного сектора [6]. Для проекта масштаба ВСМ Москва – Казань, где объем необходимых инвестиций на этапе старта оценивался более чем в 1 трлн рублей, даже незначительное отклонение стоимости обслуживания долга на 1–1,5 % приводит к возникновению дефицита ликвидности, исчисляемого десятками миллиардов рублей ежегодно.

Для количественной оценки влияния денежно-кредитной политики на устойчивость финансовой модели проекта производится расчет годовых затрат на обслуживание привлеченного капитала, исходя из объема заимствований в 1 трлн рублей. В качестве расчетного параметра используется значение ключевой ставки Банка России [7], являющейся базисным показателем стоимости денежных ресурсов в экономике. Рассчитывается по формуле:

$$Z = V \times R_{cb}, \quad (1)$$

где Z – годовые затраты на обслуживание долга; V – объем привлеченного капитала; R_{cb} – ключевая ставка Банка России.

1. *Расчет для базовых условий 2013 года*. При значении ключевой ставки 5,5 % затраты на обслуживание долга в расчете на 1000 млрд руб. (1 трлн руб.) составляют:

$$Z = 1000 \times 0{,}055 = 55 \text{ млрд руб.}$$

2. *Расчет для актуальных условий*. При значении ключевой ставки 15,5 % затраты на обслуживание долга в расчете на 1000 млрд руб. (1 трлн руб.) составляют:

$$Z = 1000 \times 0{,}155 = 155 \text{ млрд руб.}$$

Дополнительная финансовая нагрузка на проект по сравнению с первоначальной моделью составляет 100 млрд руб. ежегодно. При этом, необходимо отметить, что данный расчет является упрощенным и показывает лишь чувствительность проекта к изменению ставки. В реальности стоимость обслуживания долга зависит от графика выборки кредита и индивидуальных условий, но даже такая оценка демонстрирует масштаб проблемы.

Важнейшим условием является также стабильность инфляционных ожиданий. Инфляция в строительном секторе (индекс цен производителей) зачастую опережает потребительскую инфляцию, что может привести к значительному росту капитальных затрат. В условиях ВСМ Москва – Казань, где доля импортных технологий и высокотехнологичного оборудования (подвижной состав, системы автоматизации) изначально была высока, к инфляционным рискам добавляется валютная составляющая, которая в 2014–2025 гг. демонстрировала высокую волатильность (*рисунок 1*).

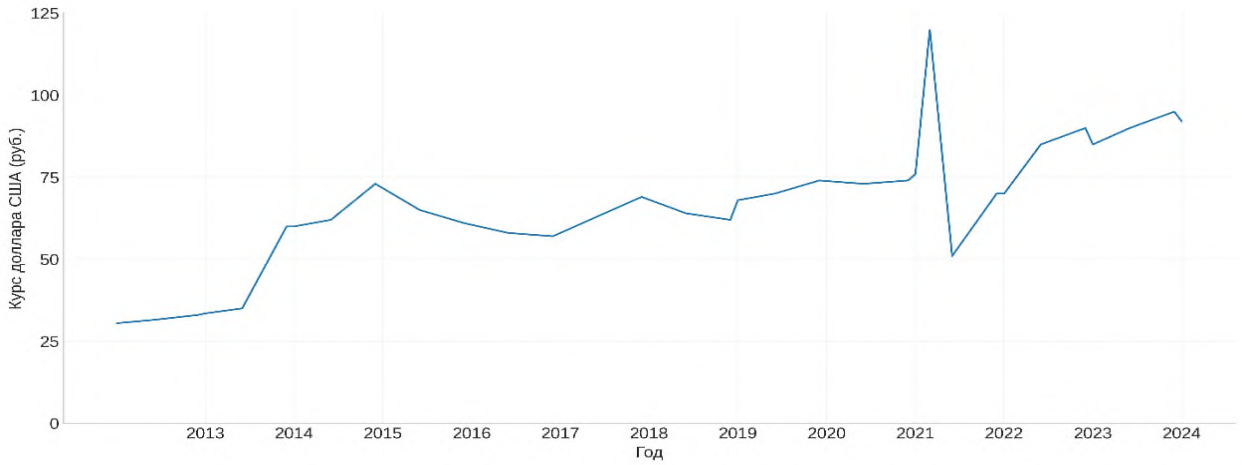

Рисунок 1 – Динамика курса валюты в период с 01.01.2014 по 31.12.2025

На этапе зарождения проекта ВСМ Москва – Казань внешние условия финансового обеспечения выглядели относительно благоприятными для привлечения институциональных инвесторов. Денежно-кредитная политика Банка России в этот период была направлена на поддержание экономического роста при умеренном таргетировании инфляции. Ключевая ставка находилась в диапазоне 5,5–8,25 %. При заданных параметрах финансовая модель проекта могла базироваться на эмиссии инфраструктурных облигаций, предполагающих премию к инфляции в размере 2–3 %. Это обеспечивало инвестиционную привлекательность актива для размещения резервов негосударственных пенсионных фондов и страховых компаний.

Бюджетные условия того периода характеризовались наличием значительных резервов в Фонде национального благосостояния и готовностью государства финансировать масштабные инфраструктурные инициативы [8], направленные на диверсификацию экономики и поддержку темпов роста несырьевого сектора. Предполагалось, что государство возьмет на себя капитальные затраты в размере 50–60 % от общей стоимости, а остальная часть будет привлечена через механизмы ГЧП и кредитные линии международных финансовых институтов.

Однако уже к середине 2014 года геополитические факторы и изменение вектора глобальной экономики начали оказывать давление на российскую финансовую систему, создавая условия для масштабной дестабилизации финансового и валютного рынков. Декабрь 2014 года ознаменовал вынужденный пересмотр модели финансового обеспечения проекта ВСМ Москва – Казань [7]. Резкое повышение ключевой ставки до 17 % в ответ на валютный кризис привело к фактической остановке рынка долгосрочного долгового финансирования (*рисунок 2*).

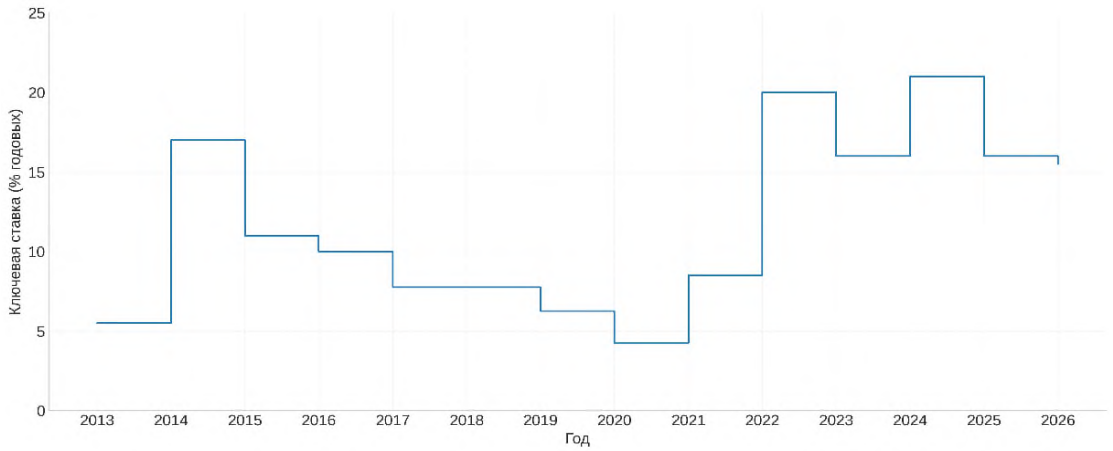

Рисунок 2 – Динамика ключевой ставки Банка России в период с 01.10.2014 по 01.06.2015

Для проекта ВСМ Москва–Казань это означало одномоментное изменение расчетных параметров:

1. *Стоимость заимствований*. Ставки по коммерческим кредитам для инфраструктурных проектов подскочили до 20–22 %, что сделало невозможным обслуживание долга за счет будущей выручки.

2. *Валютный риск*. Поскольку часть технологических решений предполагалась к закупке за рубежом (в частности, сотрудничество с китайскими и европейскими партнерами), девальвация привела к существенному удорожанию импортной составляющей

В этот период дискуссия вокруг проекта сместилась от вопросов экономической эффективности к вопросам выживаемости финансовой модели. Было выявлено, что классическая схема ГЧП в условиях двузначных значений процентной ставки теряет смысл, так как частный партнер не может обеспечить приемлемую норму доходности на вложенный капитал без экстремального повышения тарифов на перевозки, что, в свою очередь, приводит к резкому сокращению спроса.

Основные макроэкономические факторы и механизмы их влияния на финансовую устойчивость представлены на *рисунке 3*.

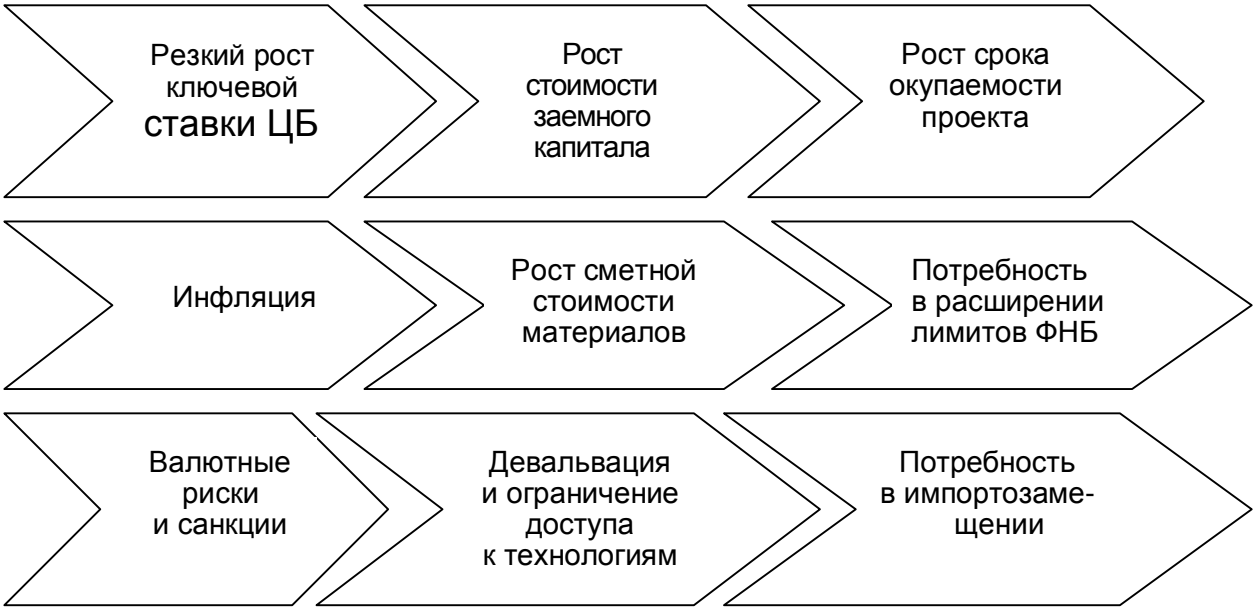

Рисунок 3 – Влияние внешних факторов на параметры реализации ВСМ Москва – Казань

Последовавшее в 2016–2018 гг. постепенное снижение ключевой ставки до 7,25–7,75 % создало видимость возврата к докризисным параметрам. Однако институциональная среда уже претерпела необра-

тимые изменения. В этот период вступила в силу обновленная редакция бюджетного правила, установившая системные ограничения на использование дополнительных нефтегазовых доходов для финансирования внутренних инвестиционных программ. Переход государства к политике строгой бюджетной консолидации существенно сузил возможности прямого государственного участия в реализации масштабных объектов.

Для проекта ВСМ Москва – Казань это означало усиление конкуренции за ресурсы. Условия обеспечения стали требовать более глубокой и детальной аргументации вклада проекта в развитие смежных отраслей [9]. Появились требования по локализации производства (до 70–80 %), что, хотя и снижало валютные риски в будущем, требовало значительных опережающих инвестиций в создание новых производственных мощностей внутри страны. К 2018 году в финансовой модели проекта был сделан выбор в пользу поэтапной реализации отдельных участков. Это рассматривалось как способ снизить единовременную нагрузку на бюджет, однако привело к усложнению системы управления рисками.

К началу 2019 года условия финансового обеспечения транспортных проектов начали адаптироваться к новому механизму реализации – системе национальных проектов. Предельные объемы бюджетных ассигнований на развитие магистралей были законодательно закреплены в Комплексном плане модернизации до 2024 года [8]. Для проекта ВСМ Москва – Казань это означало необходимость синхронизации с государственными целевыми показателями. Однако именно в этот период проявилось противоречие между стратегическими целями развития и критериями текущей бюджетной эффективности.

2020 год внес в систему условий обеспечения фактор, который ранее не учитывался в долгосрочных прогнозных сценариях, – глобальную пандемию COVID-19. С точки зрения финансового обеспечения влияние пандемии было двояким. С одной стороны, Банк России снизил ключевую ставку до исторического минимума в 4,25 % [7]. Теоретически это создало возможности для рефинансирования инфраструктурных долгов и привлечения дешевого капитала. Однако на практике этот потенциал не был реализован для ВСМ по ряду следующих фундаментальных причин:

1. *Кризис спроса и доходности*. Введение карантинов и переход на удаленные форматы коммуникаций поставили под сомнение базовые прогнозы пассажиропотока. Финансовая модель ВСМ Москва –

Казань характеризуется высокой чувствительностью к показателям пассажирооборота и платежеспособному спросу на услуги скоростных перевозок. Снижение мобильности населения в период пандемии привело к пересмотру инвестиционных оценок частных партнеров: в обновленных стратегиях кредиторов акцент сместился на полное хеджирование рисков за счет бюджетных инструментов и механизмов ГЧП.

2. *Реструктуризация бюджетных приоритетов*. Ресурсная база государства была переориентирована на экстренную поддержку сектора здравоохранения и субъектов малого предпринимательства. В условиях дефицитного исполнения бюджета 2020 года капиталоемкие проекты с длительным инвестиционным циклом были квалифицированы как избыточная финансовая нагрузка. Формат обеспечения сместился в сторону поддержания операционной деятельности: финансирование ограничивалось завершением текущих этапов проектирования без открытия лимитов на полномасштабное капитальное строительство.

К середине 2021 года ценовая конъюнктура на рынке строительных ресурсов существенно ухудшилась. Согласно данным Росстата, годовой рост цен на стройматериалы достиг 24 %, что потребовало немедленной актуализации сметной стоимости капитальных затрат. В качестве меры институциональной поддержки Правительством РФ было принято Постановление № 1315 от 09.08.2021, допустившее индексацию стоимости госконтрактов до 30 % [4]. Однако для проекта ВСМ, финансовая модель которого и без того находилась под давлением бюджетного правила, это означало необходимость очередного пересмотра параметров окупаемости и поиска дополнительных источников покрытия дефицита.

События 2022 года привели к качественной трансформации условий обеспечения проекта. Введение санкций исключило возможность участия в проекте зарубежных финансовых институтов и технологических партнеров. Это обусловило необходимость полного перехода на отечественную инженерно-техническую базу. В финансовом плане данный период характеризовался высокой нестабильностью рыночных показателей, в том числе:

1. *Трансформация денежно-кредитных условий* – резкий подъем ключевой ставки до 20 % в 2022 году и её сохранение на высоком уровне в последующие периоды сделали классическую модель долгового финансирования неэффективной [7]. Стоимость привлечения капитала стала существенно превышать рентабельность проекта, что сделало рыночные заимствования экономически неоправданными.

2. *Импортозамещение и капитальные затраты* – разработка собственного высокоскоростного состава потребовала масштабных вложений в научно-исследовательские работы, которые требовали прямого государственного финансирования.

В период 2023–2025 гг. условия финансирования ВСМ Москва – Казань окончательно трансформировались из инвестиционных в мобилизационные. Главным барьером стала невозможность сформировать устойчивую модель в условиях высокой стоимости кредитов и дефицита лимитов ФНБ, необходимых для импортозамещения технологий. Традиционные механизмы ГЧП оказались неэффективными, так как требовали от бюджета чрезмерных компенсаций за обслуживание долга.

С учетом сложившейся экономической ситуации и изменения подходов к реализации крупных объектов, планы по проекту были актуализированы: возведение ВСМ Москва – Казань планируется начать в 2028 году. Сначала будет построен отрезок до Нижнего Новгорода, а в 2032 – приступят к возведению дороги Нижний Новгород–Казань [10].

Таким образом, опыт 2013–2025 гг. подтвердил системный разрыв между долгосрочным планированием и реальностью. Приостановка проекта стала следствием невозможности совместить три фактора: дорогую стоимость капитала, жесткие рамки бюджета и необходимость форсированного технологического суверенитета

Заключение. Проведенный анализ финансового обеспечения проекта ВСМ Москва – Казань в период 2013–2025 гг. выявил критическую зависимость устойчивости инфраструктурных инициатив от макроэкономической конъюнктуры. Установлено, что волатильность ключевой ставки (в диапазоне от 5,5 до 20 %) и внешнее санкционное давление сделали первоначальную модель государственно-частного партнерства экономически нецелесообразной из-за роста стоимости заемного капитала. Проект трансформировался из инвестиционно привлекательного актива в объект, требующий усиленной государственной поддержки и переноса сроков начала строительства на 2028 год. Для реализации подобных капиталоемких проектов в будущем необходима гибкая финансовая архитектура, адаптированная к изменениям бюджетной политики и денежно-кредитных условий.

Список источников

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 01.01.2025) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/12112604/ (дата обращения: 01.03.2026).

2. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2024 год и период 2025 и 2026 годов: одобрено Советом директоров Банка России 27.10.2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/about_br/publ/ondkp/on_2024_2026/ (дата обращения: 02.03.2026).

3. Об утверждении Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года: Распоряжение Правительства РФ от 27.11.2021 № 3363-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/403156321/ (дата обращения: 28.02.2026).

4. О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 09.08.2021 № 1315 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/402110814/ (дата обращения: 28.02.2026).

5. Буренков А., Тодовянская А. Финансовые условия инфраструктурного развития в Российской Федерации. 2025. 10 ноября // Росконгресс: информационно-аналитическая система. Сессия ПМЭФ-2025 «Не просто стройка: финансирование инфраструктуры как основа экономического роста» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://roscongress.org/materials/finansovye-usloviya-infrastrukturnogo-razvitiya-v-rossiyskoy-federatsii/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 03.03.2026).

6. Волков А.А. Реструктуризация долгового портфеля корпораций в условиях роста ключевой ставки // Российский экономический интернет-журнал. 2025. № 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.e-rej.ru/upload/iblock/723/q5xfuxmdg20b6g5kwxoc9bhfn2w31xbb.pdf (дата обращения: 03.03.2026).

7. Центральный банк Российской Федерации. Ключевая ставка Банка России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/hd_base/KeyRate/ (дата обращения: 01.03.2026).

8. Об утверждении комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года: Распоряжение Правительства РФ от 30.09.2018 № 2101-р (ред. от

15.08.2024) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https:// www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71975292/ (дата обращения: 28.02.2026).

9. Бычкова А.А. Инвестиции в транспортную инфраструктуру России // Вестник университета. 2022. № 2. С. 151–159 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/investitsii-v-transportnuyu-infrastrukturu-rossii (дата обращения: 01.03.2026).

10. Возведение ВСМ Москва–Казань планируется начать в 2028 году // БИЗНЕС Online: деловая электронная газета. 2024. 14 марта [Электронный ресурс]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https:// www.business-gazeta.ru/news/626235 (дата обращения: 03.03.2026).

List of sources

1. Budget Code of the Russian Federation of July 31, 1998, No. 145-FZ (as amended on January 1, 2025) [Electronic resource]. – Access mode: https://base.garant.ru/12112604/ (accessed on March 1, 2026).

2. Main directions of the unified state monetary policy for 2024 and the period 2025-2026: approved by the Board of Directors of the Bank of Russia on 27.10.2023 [Electronic resource]. – Access mode: https://cbr.ru/ about_br/publ/ondkp/on_2024_2026/ (date of access: 02.03.2026).

3. On approval of the Transport Strategy of the Russian Federation until 2030 with a forecast for the period until 2035: Order of the Government of the Russian Federation of 27.11.2021 No. 3363-r [Electronic resource]. – Access mode: https://base.garant.ru/403156321/ (date of access: 28.02.2026).

4. On amendments to certain acts of the Government of the Russian Federation: RF Government Resolution No. 1315 of August 9, 2021 [Electronic resource]. – Access mode: https://base.garant.ru/402110814/ (accessed on February 28, 2026).

5. Burenkov A., Todovyanskaya A. Financial conditions for infrastructure development in the Russian Federation. 2025. November 10 // Roscongress: information and analytical system. – SPIEF-2025 Session "Not just construction: infrastructure financing as the basis for economic growth" [Electronic resource]. – Access mode: https://roscongress.org/ materials/finansovye-usloviya-infrastrukturnogo-razvitiya-v-rossiyskoy-federatsii/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (date of access: 03.03.2026).

6. Volkov A.A. Restructuring of Corporate Debt Portfolios in the Context of Key Rate Growth // Russian Economic Internet Journal. 2025. No. 3 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.e-rej.ru/upload/iblock/723/q5xfuxmdg20b6g5kwxoc9bhfn2w31xbb.pdf (date of access: 03.03.2026).

7. Central Bank of the Russian Federation. Key rate of the Bank of Russia [Electronic resource]. – Access mode: https://cbr.ru/hd_base/KeyRate/ (date of access: 01.03.2026)

8. On approval of the comprehensive plan for the modernization and expansion of trunk infrastructure for the period until 2024: Order of the Government of the Russian Federation of 30.09.2018 No. 2101-r (as amended on 15.08.2024) [Electronic resource]. – Access mode: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71975292/ (date of access: 28.02.2026).

9. Bychkova A.A. Investments in Russia's Transport Infrastructure // University Bulletin. 2022. No. 2. P. 151–159 [Electronic resource]. – Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/investitsii-v-transportnuyu-infrastrukturu-rossii (accessed: 01.03.2026).

10. Construction of the Moscow-Kazan high-speed railway is planned to begin in 2028 // BUSINESS Online: business electronic newspaper. 2024. March 14 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.business-gazeta.ru/news/626235 (date of access: 03.03.2026).

Ó Волов М.А., Макоева Д.З., 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 1. – С. 37–43.
Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026; (1):37–43.

Экономика
Научная статья
УДК 336.76

ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ НА ФИНАНСОВЫХ РЫНКАХ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИНЯТИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫХ РЕШЕНИЙ

Лейла Ибрагимовна Калабекова[1], Ляна Руслановна Межгихова[2]
[1,2] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
[1]7369132@mail.ru
[2]e-mail:moomidoll@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется влияние психологических факторов на процесс принятия инвестиционных решений в условиях современных финансовых рынков. Рассматриваются причины отклонения поведения участников рынка от классической модели «рационального инвестора». Анализируются основные эмоции и когнитивные искажения, приводящие к иррациональным действиям. Особое внимание уделено роли средств массовой информации и социальных сетей в формировании эффекта «эхо-камеры» и стадного поведения. Представлены практические методы минимизации влияния поведенческих искажений на результаты инвестиционной деятельности.

Ключевые слова: поведенческие финансы, психология инвестора, когнитивные искажения, финансовые рынки, иррациональное поведение, принятие решений, информационный фон, инвестиционная стратегия

***Для цитирования*:** Калабекова Л.И., Межгихова Л.Р. Поведенческие факторы на финансовых рынках: психологические аспекты принятия инвестиционных решений // Вестник СКФО: Право и экономика. 2026. №1. С. 37–43.
Economy

Originak article

BEHAVIORAL FACTORS IN FINANCIAL MARKETS: PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF INVESTMENT DECISIONS

Leyla I. Kalabekova[1], Lyana R. Mezhgikhova[2]
[1,2]Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia
[1]7369132@mail.ru
[2]moomidoll@mail.ru

Annotation. This article examines the influence of psychological factors on investment decision-making in modern financial markets. It examines the reasons why market participants deviate from the classical "rational investor" model. It analyzes key emotions and cognitive biases that lead to irrational behavior. Special attention is given to the role of mass media and social networks in fostering the echo chamber effect and herd behavior. The conclusion offers practical methods for minimizing the impact of behavioral biases on investment performance.

Keywords: behavioral finance, investor psychology, cognitive biases, financial markets, irrational behavior, decision making, information environment, investment strategy

For citation: Kalabekova L.I., Mezhgikhova L.R. Behavioral factors in financial markets: psychological aspects of investment decisions // Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026. No. 1. P. 38–43.

Введение. В современном мире финансовые рынки становятся все более быстрыми, волатильными и непредсказуемыми. Торговые решения принимаются за доли секунды, а их экономические последствия могут растянуться на годы. На первый взгляд кажется, что все действия инвесторов основаны на строгом анализе данных и математической логике. Однако на самом деле ключевую роль в ценообразовании играет человеческая психология. Инвесторы – такие же люди, подверженные эмоциям, стрессу и системным ошибкам мышления.

Согласно классической теории, инвестор долгое время считался «рациональным существом», способным принимать абсолютно взвешенные решения исключительно с целью максимизации прибыли. Однако эмпирические данные показали, что реальная рыночная практика значительно сложнее [1]. Именно для объяснения этих несоот-

ветствий сформировалось направление финансовой теории – поведенческие финансы. За последние десятилетия оно объединило подходы экономики, психологии и нейробиологии, чтобы объяснить, почему участники рынка совершают ошибки, какие механизмы мышления влияют на восприятие риска и как эти факторы отражаются на макродинамике рынка.

В рамках данного направления фундаментальное значение приобретает психология инвестора – сфера, изучающая влияние эмоций и психологических особенностей на инвестиционное поведение.

Главная причина влияния человеческого фактора на движение цен заключается в том, что участники рынка систематически отклоняются от идеальной рациональности, а ряд эмоций, таких как жадность и страх, напрямую влияют на спрос и предложение.

Эти поведенческие волны часто являются самоусиливающимися: рост цен привлекает новых покупателей, а падение усиливает пессимизм, нарушая баланс спроса и предложения.

Методы исследования. В процессе исследования применялись общенаучные методы: теоретический анализ научной литературы в области поведенческой экономики и психологии, методы синтеза и обобщения. Для выявления связи между индивидуальными когнитивными искажениями и макроэкономической динамикой фондовых рынков использовались методы дедукции и индукции, а также описательный *метод.*

Результаты и обсуждение. Инвестор крайне редко принимает решения исключительно рационально. На его поведение непрерывно воздействуют эмоциональный фон, предшествующий опыт, личные ожидания и индивидуальный уровень толерантности к риску. В научной практике выделяют четыре доминирующие эмоции, оказывающие наиболее сильное влияние на рыночных игроков: страх, жадность, излишнюю самоуверенность и панику.

1. *Страх*. Данная эмоция проявляется во время спада рынка, заставляя инвесторов продавать активы, фиксировать убытки и упускать возможность восстановления портфеля. Целесообразно выделить три формы данного состояния:

– первичный страх – то, что испытывает новичок, совершая первую сделку на новом рынке или активе;

– вторичный страх – характерен для тех, кто уже понес финансовые потери: в свете предыдущих неудач каждая новая сделка психологически воспринимается как потенциально убыточная;

– страх открытой сделки – возникает, когда инвестор, видя минимальное отрицательное отклонение котировок сразу после входа в рынок, немедленно закрывает позицию с убытком из-за непереносимости риска.

2. *Жадность*. Противоположностью страха выступает иррациональное стремление к максимальной прибыли. Под влиянием данного фактора инвесторы игнорируют правила риск-менеджмента и направляют средства в высокорисковые проекты либо увеличивают кредитное плечо, чтобы не упустить потенциальную доходность.

3. *Излишняя самоуверенность.* Наряду с базовыми эмоциями серьезной проблемой является переоценка знаний, способностей и навыков прогнозирования. Это приводит к частой торговле, отказу от диверсификации и концентрации портфеля на нескольких активах.

4. *Паника*. Она возникает при реализации шоковых сценариев на рынке. Например, если рынок резко снижается, а негативный информационный фон свидетельствует о глобальном кризисе, у неподготовленного инвестора срабатывает инстинкт самосохранения [2]. Желая спасти оставшийся капитал, он распродает активы на ценовом дне. Спустя время котировки начинают восстанавливаться, и становится очевидным, что убыток был детерминирован не фундаментальным падением актива, а решением под влиянием страха.

Значительную роль также играет и психологический дискомфорт от неопределённости. Рынок по своей природе не может дать гарантии результата. Поэтому инвестор постоянно балансирует между стремлением к прибыли и опасением ошибки. В условиях информационной перегрузки, когда ежедневно публикуются десятки новостей, отчётов и аналитических прогнозов, решение нередко принимается импульсивно, а не на основе глубокого анализа.

Описанный эмоциональный фон является благоприятной средой для возникновения искажений. Следует различать когнитивные и поведенческие искажения. Когнитивные искажения – это систематические ошибки мышления, мешающие адекватно воспринимать информацию. В свою очередь, поведенческие искажения – это модели поведения, основанные на когнитивных ошибках.

Когнитивные искажения проявляются в виде ложных выводов или стереотипов. Они появляются в силу сугубо субъективных убеждений, эмоций, социальных воздействий или ограниченных способностей мозга по обработке информации. К основным когнитивным искажениям в инвестиционной среде относятся [3]:

1) эффект подтверждения – означает, что инвестор склонен искать информацию, подтверждающую его мнение, и игнорировать данные, свидетельствующие об обратном. Это создает замкнутую информационную среду, в которой собственные взгляды кажутся абсолютно верными, что может привести к катастрофическим ошибкам;

2) эффект якоря – тенденция принимать решения на основе первой полученной информации, даже после изменения рыночной ситуации. Первоначальная точка отсчета продолжает определять решения, даже если в этом больше нет объективного смысла;

3) эффект ореола – тенденция формировать общее впечатление об объекте на основе одной положительной или отрицательной характеристики;

4) стадное поведение – когда актив активно растёт, многие вкладываются лишь потому, что «все покупают». Аналогично массовые распродажи в кризисы усиливают падение – инвесторы боятся остаться в меньшинстве и совершают действия, противоречащие собственным стратегиям и логике.

Если когнитивные искажения затрагивают восприятие, то поведенческие искажения напрямую выражаются в ошибочных действиях. Наиболее показательным примером является отвращение к потерям. Психологически инвестор воспринимает убытки значительно острее, чем эквивалентную по размеру прибыль. Это приводит к парадоксу: субъект удерживает убыточные активы в надежде на их восстановление, но при этом слишком быстро продает прибыльные активы, ограничивая потенциал роста. Также распространена персонализация – это предрасположенность субъекта воспринимать события и действия на свой счет, видеть себя причиной внешних событий, за которые не несет ответственности [1].

Описанные индивидуальные психологические реакции неизбежно масштабируются, оказывая влияние на весь финансовый рынок. Массовая уверенность в бесконечном росте создаёт условия для возникновения экономических пузырей. Когда эмоции достигают критической точки, пузырь неизбежно лопается, и те же психологические механизмы – уже страх и паника – приводят к обвалам.

Следовательно, повышенная волатильность часто является прямым следствием эмоциональных решений. Панические распродажи искусственно ускоряют падение котировок, а ажиотажный спрос разгоняет цену быстрее, чем это обусловлено реальной стоимостью бизнеса. Именно коллективная психология определяет качество распределения капитала

в экономике: под влиянием эмоций капитал перетекает в перегретые сектора, лишая финансирования фундаментально надежные компании.

Важнейшим катализатором описанных выше рыночных процессов выступает информационное поле. Средства массовой информации освещают мировые события, напрямую влияя на настроения частных участников фондового рынка [3]. Появление позитивной информации побуждает массы к скупке акций, тогда как негативные заголовки генерируют страх, который вирусно распространяется среди трейдеров.

При этом если традиционные средства массовой информации формируют общий фон, то социальные сети полностью изменили модель потребления финансовой информации. Инвестирование стало социальным явлением, породившим два специфических эффекта:

1. Спрос на позитив. Поскольку большинство розничных инвесторов зарабатывают на долгосрочном росте, их потребность в оптимистичных прогнозах выше, чем в объективной критике. Поэтому настроения в финансовых блогах обычно более позитивны, чем в классических медиа.

2. Эффект «эхо-камеры». В социальных сетях алгоритмы и сами пользователи формируют ленту так, чтобы видеть мнения, совпадающие с их собственными. Это усугубляет эффект подтверждения: инвесторы находятся в информационном пузыре, где их убеждения только подкрепляются, но никогда не подвергаются сомнению [4].

Масштабное влияние психологических факторов на результаты торговли актуализирует необходимость в методах противодействия им. Полностью искоренить эмоциональные предубеждения невозможно, поскольку они заложены в человеческой природе, однако инвестор способен существенно минимизировать их деструктивное воздействие.

Одним из самых эффективных методов является формирование чёткой стратегии и неукоснительное следование ей.

Когда заранее определены правила входа, выхода, уровень риска и цели, импульсивные решения встречаются реже.

Помимо стратегии, огромную роль играет ведение дневника сделок. Фиксация причин входа в сделку, сопутствующих эмоций и итогового результата позволяет инвестору отследить собственные поведенческие паттерны и вовремя скорректировать их. Наконец, фундаментальное значение имеет непрерывное обучение. Понимание механизмов поведенческой экономики позволяет замечать собственные когнитивные искажения в момент их зарождения и сохранять объективность.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что психология инвестора – это ключевой элемент динамики финансовых рынков. Рыночные процессы движимы не только экономическими показателями, но и коллективными человеческими эмоциями, ожиданиями и страхами. Понимание поведенческих искажений, а также природы информационного влияния позволяет участникам рынка принимать более взвешенные решения, избегать массовых ошибок и выстраивать устойчивую долгосрочную стратегию. Осознанное отношение к психологическим реакциям и системный контроль над эмоциями становятся конкурентным преимуществом, которое отличает профессионального инвестора от эмоционального игрока.

Список источников

1. Слесаренко С.Д., Кладиева А.И., Бардаков В.С. Поведенческие искажения на российском фондовом рынке: эмпирический анализ когнитивных биасов индивидуальных инвесторов // Прогрессивная экономика. 2025. №. 8. С. 221–233.

2. Безсмертная Е.Р. Поведение частных инвесторов на фондовом и срочном рынках в 2022–2023 годах: возможная реакция на изменения денежно-кредитной политики // Экономика. Налоги. Право. 2022. Т. 15. №. 1. С. 63–71.

3. Каримов Э.О. Когнитивные искажения как фактор снижения доходности портфеля // Вектор экономики. 2020. №. 5. С. 62–62.

4. Илькевич С.В. Эффективное принятие инвестиционных решений на финансовых рынках в условиях нарративной экономики // Экономика, предпринимательство и право. 2025. Т. 15. №. 4. С. 2827–2844.

List of sources

1. Slesarenko S.D., Kladieva A.I., Bardakov V.S. Behavioral Biases in the Russian Stock Market: An Empirical Analysis of Cognitive Biases of Individual Investors // Progressive Economics. 2025. No. 8. P. 221–233.

2. Bezsmertnaya E.R. Behavior of private investors in the stock and derivatives markets in 2022-2023: possible reaction to changes in monetary policy // Economy. Taxes. Law. 2022. Vol. 15. No. 1. P. 63–71.

3. Karimov E.O. Cognitive Biases as a Factor in Reducing Portfolio Returns // Vector of Economics. 2020. No. 5. P. 62–62.

4. Ilkevich S.V. Effective investment decision-making in financial markets in the context of narrative economics // Economy, entrepreneurship and law. 2025. Vol. 15. No. 4. P. 2827–2844.

Ó Калабекова Л.И., Межгихова Л.Р., 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 1. – С. 44–58.
Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026; (1):44–58.

Экономика
Научная статья
УДК 336.71

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ БАНКОВСКИХ ЭКОСИСТЕМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Лейла Ибрагимовна Калабекова[1], Астемир Русланович Хуранов[2], Шамиль Владимирович Ашинов [3]

[1,2]Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

[1]7369132@mail.ru
[2]khuranov2003@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические аспекты формирования и развития банковских экосистем как ключевого направления трансформации современного финансового сектора. На основе анализа подходов зарубежных и отечественных ученых раскрыто экономическое содержание дефиниции «банковская экосистема», выделены основные компоненты, характеризующие ее сущность. Выявлены предпосылки и факторы, обусловливающие переход кредитных организаций к экосистемной модели ведения бизнеса, включая технологические, экономические, социальные и регуляторные аспекты. Особое внимание уделено влиянию санкционных ограничений на развитие банковских экосистем в России. Представлена многокритериальная классификация банковских экосистем, учитывающая тип создаваемой ценности, отраслевую направленность, способ построения, целевой сегмент, используемые технологии и модель допуска участников. Определены ключевые принципы функционирования современных банковских экосистем. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения экосистемного подхода к организации банковской деятельности.

***Ключевые слова*:** банковская экосистема, цифровая трансформация, экосистемный подход, финтех, классификация экосистем, банкоцентричная экосистема, открытый банкинг, санкционные ограничения

***Для цитирования*:** Калабекова Л.И., Хуранов А.Р. Формирование и развитие банковских экосистем в условиях цифровизации: теоретические аспекты // Вестник СКФО: Право и экономика. 2026. № 1. С. 44–58.

Economy
Originak article

FORMATION AND DEVELOPMENT OF BANKING ECOSYSTEMS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION: THEORETICAL FOUNDATIONS

Leyla I. Kalabekova[1], Astemir R. Khuranov[2]
[1,2]Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia
[1]7369132@mail.ru
[2]khuranov2003@mail.ru

Annotation. The article examines the theoretical aspects of the formation and development of banking ecosystems as a key direction for the transformation of the modern financial sector. Based on the analysis of approaches of foreign and domestic scientists, the economic content of the definition of «banking ecosystem» is revealed, the main components characterizing its essence are identified. The prerequisites and factors determining the transition of credit institutions to the ecosystem business model are identified, including technological, economic, social and regulatory aspects. Special attention is paid to the impact of sanctions restrictions on the development of banking ecosystems in Russia. A multi-criteria classification of banking ecosystems is proposed, taking into account the type of value created, industry focus, method of construction, target segment, technologies used and the model of participant admission. The key principles of functioning of modern banking ecosystems are determined. The results of the study can be used for further study of the ecosystem approach to the organization of banking activities.

Keywords: banking ecosystem, digital transformation, ecosystem approach, fintech, ecosystem classification, bank-centric ecosystem, open banking, sanctions restrictions

For citation: Kalabekova L.I., Khuranov A.R. Formation and development of banking ecosystems in the context of digitalization: theoretical foundations // Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026. No. 1. P. 45–58.

Введение. Современный этап развития банковского сектора характеризуется фундаментальными структурными изменениями, обу-

словленными стремительной цифровизацией экономики, трансформацией потребительских предпочтений и усилением конкуренции со стороны технологических компаний. В этих условиях традиционная модель банковского посредничества, ориентированная преимущественно на предоставление стандартизированных финансовых продуктов, теряет свою актуальность, уступая место новым, более гибким и клиентоориентированным подходам, среди которых особое место занимают банковские экосистемы [1].

Феномен экосистем в банковской сфере представляет собой не просто актуальный тренд, а закономерный этап эволюции финансовых институтов, обусловленный объективными процессами цифровой трансформации. Банковские экосистемы, интегрирующие финансовые и нефинансовые сервисы в рамках единой цифровой платформы, позволяют кредитным организациям выходить за традиционные границы своей деятельности, создавая для клиентов принципиально новый уровень удобства и персонализации.

Понятие «экосистема» было заимствовано в экономическую науку из биологии, которое в 1930-х гг. было введено ботаником и экологом Артуром Тенсли в целях обозначения локальных сообществ организмов, взаимодействующих как с внешней средой, так и между собой, что позволяет им совместно пройти эволюционный путь, адаптируясь при необходимости к неблагоприятным внешним условиям [2]. В экономической среде понятие «экосистема» как новая модель развития бизнеса, базирующаяся на межотраслевом взаимодействии, цифровизации и создании общей ценности получило свое развитие в 90-е годы XX века. Данный термин в экономику ввел Джеймс Мур, определивший экосистему как «динамичные и совместно развивающиеся сообщества, состоящие из разнообразных субъектов, создающих и получающих новое содержание в процессе как взаимодействия, так и конкуренции» [2, 3].

Катализатором развития банковских экосистем выступает цифровизация, предоставляющая инструментарий для интеграции, аналитики, обеспечения персонализированного клиентского опыта и построения эффективных партнерских отношений. В условиях растущей конкуренции со стороны финтех-компаний и технологических гигантов банки вынуждены переосмысливать свою роль, переходя от роли простого поставщика финансовых услуг к роли надежного партнера, интегрирующего различные аспекты жизни клиента.

Актуализация исследования теоретических основ формирования и развития банковских экосистем обусловлена:

- отсутствием единого общепризнанного определения банковской экосистемы, что затрудняет формирование целостного теоретического базиса для дальнейших исследований;

- стремительным развитием экосистемных моделей, что опережает разработку теоретических конструкций, описывающих их сущность, структуру и принципы функционирования;

- необходимостью изучения предпосылок и факторов формирования банковских экосистем в целях прогнозирования дальнейших траекторий развития финансового сектора и выработки адекватных регуляторных подходов.

Цель исследования – анализ различных концептуальных подходов к формированию и развитию банковских экосистем как нового явления в финансовом секторе.

Материалы и методы исследования. Теоретической и методологической основой исследования послужили научные труды отечественных и зарубежных ученых в области теории экосистем, цифровой экономики, банковского дела и финансовых технологий.

В процессе исследования были использованы следующие методы: теоретический анализ и синтез (обобщение существующих подходов к определению банковской экосистемы); системный подход (выявление структурных элементов и взаимосвязей внутри экосистемы); исторический метод (анализ эволюции банковских структур); классификационный метод (систематизация типов банковских экосистем); сравнительный анализ (выявление особенностей различных моделей экосистем).

Результаты и дискуссия. Анализ экономической литературы по исследуемой проблематике позволил сделать вывод об отсутствии единого подхода к определению понятия «банковская экосистема». Исследователи и практики фокусируют свое внимание на различных аспектах, что приводит к многообразию подходов к ее определению. На *рисунке 1* представлены подходы к определению банковской экосистемы.

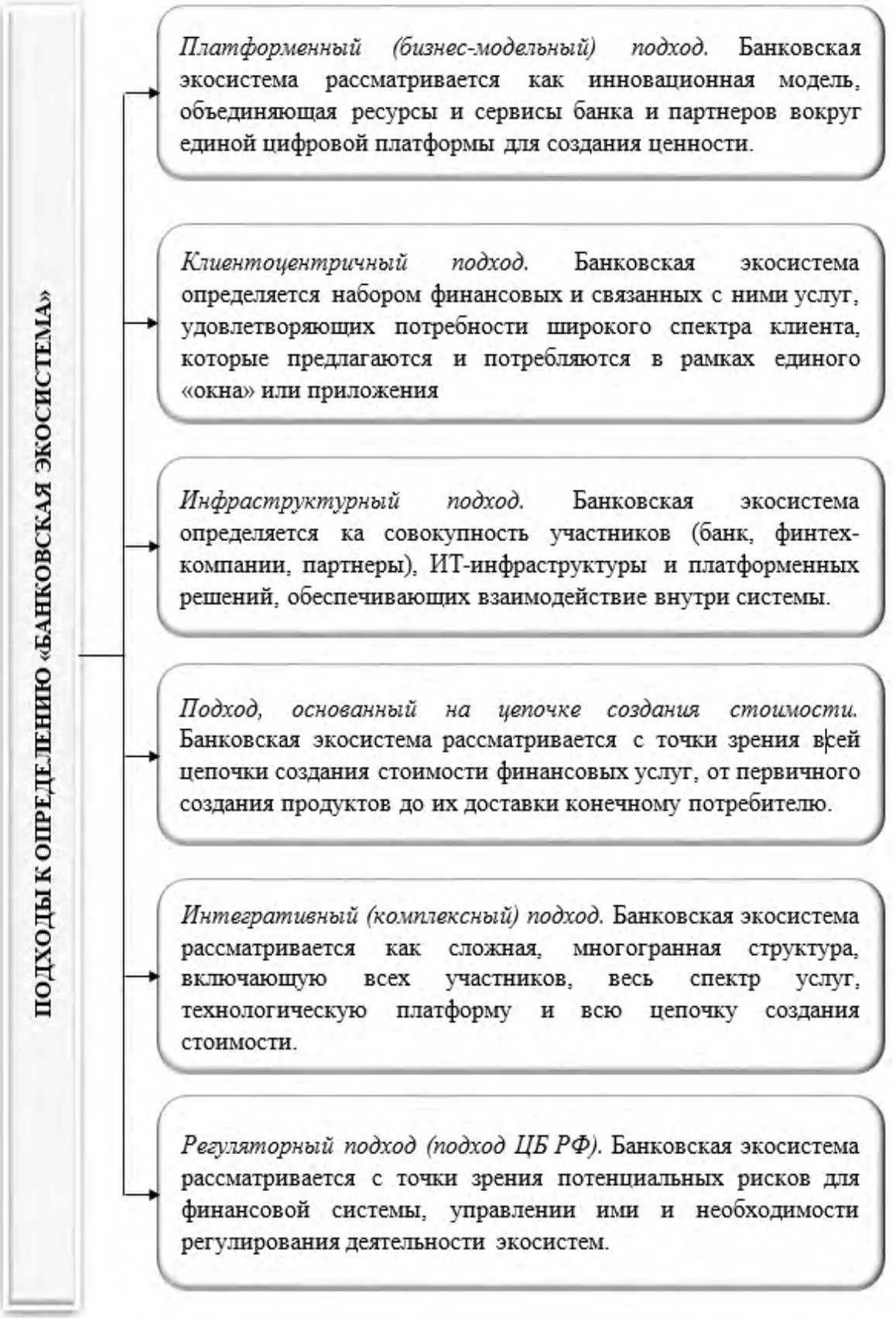

Рисунок 1 – Подходы к определению понятия «банковская экосистема»

Источник: составлено автором по материалам исследования

Динамичность процесса цифровизации и стремительные изменения, происходящие в финансовом секторе под его воздействием, подчеркивают, что формирование единого исчерпывающего определения банковской экосистемы остается сложной задачей. Однако подходы, представленные на *рисунке 1*, позволяют выявить ключевые характеристики, присущие банковским экосистемам в современных реалиях. К ним относятся:

- интеграция и партнерство. Банк перестает быть изолированным игроком, а становится центральным узлом, связывающим разнообразных поставщиков услуг – как финансовых, так и нефинансовых. Эта взаимосвязь строится на основе открытых технологий, в первую очередь API, обеспечивающих технологию автоматизированного взаимодействия между системами (бесшовный обмен данными) и функциональностью;

- клиентоориентированность. Центральное место в стратегии банковской экосистемы занимает удовлетворение комплексных потребностей клиента. Банк предлагает персонализированные и проактивные решения, интегрированные в повседневную жизнь клиента. Это обуславливает смещение фокуса с транзакций на построение долгосрочных доверительных отношений;

- технологическая платформа. Именно развитая цифровая инфраструктура позволяет реализовать гибкость, масштабируемость и открытость, необходимые для функционирования экосистемы. Это позволяет создавать основу для непрерывных инноваций и развития новых сервисов;

- сетевые эффекты. Расширение сети участников – как клиентов, так и партнеров – приводит к росту общей ценности системы, создавая мощный барьер для входа новых игроков. Это позволяет банковским экосистемам повысить конкурентное преимущество;

- единое ценностное предложение. Создание синергетического эффекта от объединения различных сервисов, обеспечивающего уникальное конкурентное преимущество.

Проведенный анализ позволил представить банковскую экосистему как динамичную синергетическую структуру, ориентированную на клиента, построенную на технологической платформе, развитие которой осуществляется на основе сетевых эффектов.

Структурными элементами банковской экосистемы выступают: оркестратор (банк, задающий стратегическое направление и координирующий взаимодействие), комплементаторы (участники, предоставляющие дополняющие продукты и услуги), потребители (клиенты, использующие сервисы экосистемы), а также цифровая платформа как технологическая основа взаимодействия [4]. Важно подчеркнуть, что банковская экосистема не является иерархической структурой с жестким подчинением – ее участники сохраняют относительную независимость, действуя в рамках согласованных правил и стандартов.

Формирование банковских экосистем не является случайным процессом, а представляет собой закономерный результат действия комплекса факторов, сложившихся в финансовом секторе под влиянием технологических, экономических и социальных изменений. Эволюция банковских структур прошла несколько этапов, каждый из которых характеризовался расширением функциональности и трансформацией роли банка в экономике.

В России формирование банковских экосистем имеет свои особенности и специфику. Основным драйвером развития финансовых технологий и экосистем здесь выступают крупнейшие банки [5]. В целях четкого определения и классификации банковских экосистем Банк России в своем докладе для общественных консультаций предлагает делит экосистемы по критерию публичности допуска на открытую, закрытую и гибридную модели [6]. Открытая модель предполагает максимальный допуск для внешних участников, соответствующих определенным требованиям. Данная модель позволяет повысить степень инновационности, увеличить выбор для потребителя. При этом она имеет высокие риски в части безопасности данных, управления качеством услуг и потенциальной фрагментации предложения.

Для закрытых моделей характерен жесткий контроль над составом участников. В этих моделях доминирует банк, самостоятельно разрабатывающий и предлагающий большинство сервисов. Такой подход позволяет обеспечить высокий уровень безопасности, контроля качества. Недостатком данной модели является ограничение инновационного потенциала и уменьшение спектра предлагаемых услуг.

В российской практике преобладает гибридная модель, особенностью которой является стремление найти баланс между публичностью и контролируемым доступом. Данная модель предполагает наличие ядра из собственных сервисов банка и доверенных партнеров, при одновременном предоставлении ограниченной возможности под-

ключения для внешних игроков, возможно, через песочницы для тестирования или по специальным соглашениям. Элементы закрытой модели используются в основных видах деятельности организации, а открытой модели – в других, создавая некую конкуренцию, вследствие чего повышается качество товаров или услуг [7].

Санкционные ограничения стали одним из значимых факторов, повлиявших на развитие банковских экосистем в России. С одной стороны, введение санкций привело к ограничению доступа к зарубежным технологиям, партнерам и финансовым инструментам. В данной ситуации российские банки должны были искать внутренние ресурсы и пути цифровизации. С другой стороны, введение санкционных ограничений выступило катализатором импортозамещения, стимулируя процесс создания отечественных платформ и развитие национальной экосистемы финансовых услуг [1]. На *рисунке 2* представлены последствия от введения санкционных ограничений, оказавших влияние на развитие банковских экосистем.

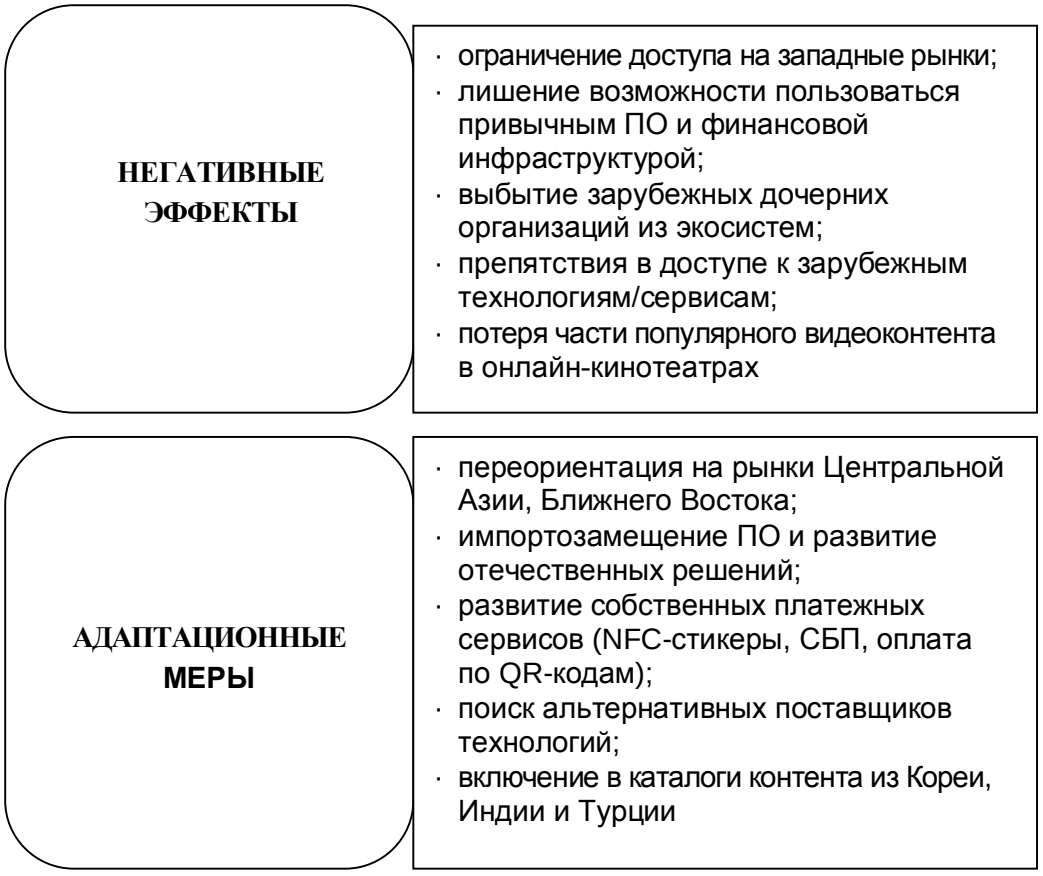

Рисунок 2 – Санкционные эффекты, повлиявшие на развитие банковских экосистем

В условиях санкционных ограничений российские банки активизировали внутренние инвестиции в IT-инфраструктуру, облачные решения и развитие отечественного ПО. Это привело к ускоренному формированию закрытых и гибридных моделей экосистем, где акцент сделан на контроле данных, безопасности и независимости от иностранных вендоров. Так, по данным Банка России, доля банков, развивающих экосистемные проекты, выросла с 15 % в 2021 году до 45 % к 2024 году, что отражает стратегическую адаптацию к новым реалиям [8].

Однако, несмотря на ограничения, российские экосистемы развиваются. Они находят необходимые решения для тех продуктов и рынков, которые оказались недоступны, а также инвестируют средства в направления, популярные на российском рынке. Ушедшие с российского рынка западные компании позволили отечественным экосистемам переключиться и активнее развивать свою деятельность на рынках Центральной Азии, Ближнего Востока. Ограничение доступа к иностранным сервисам и продуктам, уход с российского рынка крупных западных игроков привели к освобождению различных сегментов и открытию новых возможностей для отечественных компаний [7].

Многообразие существующих банковских экосистем требует их систематизации и классификации. В научной литературе представлены различные подходы к типизации экосистем. Анализ существующих подходов позволяет предложить классификацию банковских экосистем по нескольким классификационным признакам (*таблица 1*).

Таблица 1 – Классификация банковских экосистем

Классификационный признак	Тип экосистемы	Характеристика
1	2	3
Тип создаваемой ценности (BCG)	Экосистемы решений	Координация участников для создания продукта/услуги
	Транзакционные	Связывание участников двустороннего рынка через платформу

Продолжение таблицы 1

1	2	3
Отраслевая направленность	Банк + ретейл	Интеграция с магазинами, сервисами доставки, общепитом
	Банк + путешествия	Партнерство с авиакомпаниями, отелями, сервисами бронирования
	Банк + телеком	Сотрудничество в области мобильной связи, интернета, телевидения
	Банк + e-commerce	Финансовые сервисы для онлайн-торговли (платежи, кредитование)
	Банк + здоровье	Интеграция с медицинскими учреждениями, аптеками
Способ построения	Органический рост	Самостоятельное развитие экосистемных сервисов
	Партнерская модель	Кооперация с существующими провайдерами услуг
	Слияния и поглощения	Приобретение компаний из нефинансовых секторов
	Смешанная модель	Комбинирование различных подходов
Целевой сегмент	Ориентированные на физических лиц	Сервисы для повседневных потребностей населения
	Ориентированные на бизнес	B2B-сервисы (ERP-интеграция, факторинг, эквайринг)
	Ориентированные на конкретные возрастные группы	Молодежные, пенсионные и др. специализированные экосистемы

Окончание таблицы 1

1	2	3
Используемые технологии	На базе искусственного интеллекта	Персонализация, чат-боты, скоринг, управление рисками
	На базе блокчейн-технологий	Криптовалютные сервисы, смарт-контракты, токенизация активов
	На базе IoT	Интеграция с «умными» устройствами, автоматизированные платежи
Модель допуска участников (ЦБ РФ)	Открытая модель	Допуск конкурирующих поставщиков на базе публично раскрываемых критериев
	Закрытая модель	Отсутствие публичных правил допуска участников
	Гибридная модель	Сочетание элементов открытой и закрытой моделей

Также можно выделить несколько типов российских банковских экосистем [2]:

1) экосистема с отраслевой направленностью (экосистема Россельхозбанка);

2) платформенный (Т-Банк);

3) «партнерский» (Банк ВТБ, предполагающий строить открытую экосистему по принципу партнерства с другими компаниями);

4) «конгломератный» (экосистема Сбера).

Как показывает практика, банки редко придерживаются одного типа экосистемы. Преобладает смешанный подход, комбинирующий различные типы и модели. Наиболее развитые из них такие как экосистема Сбера, являются комплексными, охватывающими множество направлений деятельности: от традиционных банковских услуг до медицины, образования, доставки продуктов, каршеринга и других сервисов. Экосистема Сбера включает в себя более 60 компаний и 140 сервисов различных отраслей [9].

В *таблице 2* представлена сравнительная характеристика экосистем (на примере лидеров банковской системы РФ).

Таблица 2 – Сравнительная характеристика ключевых банковских экосистем РФ

Признак	ПАО Сбербанк	АО «Т-Банк»	АО «Альфа-Банк»	Банк ВТБ (ПАО)
1	2	3	4	5
Банковские продукты	Стандартные банковские продукты. Домклик (сервис для онлайн-подачи заявки на ипотеку)	Стандартные банковские продукты. Продукт «Кубышка» для микрокредитования	Стандартные банковские продукты. Платформа А-Токен для операций с цифровыми финансовыми активами	Стандартные банковские продукты. Маркетплейс финуслуг «Юником-24», цифровая ипотека
Инвестиционные продукты	Открытие брокерского счета и ИИС, покупка облигаций	Брокерское обслуживание, ПИФы и ETF, финансовые инструменты для торговли на рынках	Инвестирование в акции, облигации, фонды; услуги по управлению активами	Инвестиции в реальный бизнес и облигации, персональное инвестиционное консультирование
Технологические продукты	Нейросеть Kandinsky 2.1, графовая платформа, роботы-консультанты, суперкомпьютер «Кристофари»	Виртуальный помощник Oleg, робосоветник ИИС-портфеля, Tinkoff VoiceKit, речевая аналитика	Приложение «Мобильный сканер», 180 цифровых помощников; бот, распознающий два запроса одновременно	Голосовой антифрод в работе контакт-центра, биометрическая идентификация по голосу, технологии NFC

Окончание таблицы 2

1	2	3	4	5
Страхование	Страхование жизни и здоровья, имущества, питомцев, финансов, автострахование, «Фармстрахование», страхование путешествий	Автострахование, страхование имущества, ипотеки, от несчастных случаев в путешествиях	Страхование в сферах здоровья, имущества, автомобилей, путешествий	Страхование физических и юридических лиц, финансов
Нефинансовые услуги	Электронная коммерция, фудтех и мобильность, развлечения, здоровье, B2B-сервисы, цифровые непрофильные активы	Life-style продукты и сотрудничество с партнерами из различных сфер, мобильная связь	Блокчейн-платформа для расчетов в строительной отрасли	Сервисы для юрлиц (Юрист 24, конструктор документов, цифровая бухгалтерия), мобильная связь, «Метр квадратный»

Источник: составлено автором по материалам исследования

Важным направлением классификации является выделение моделей экосистем в зависимости от роли банка в их построении. Исследователи выделяют:

1. Банкоцентричные экосистемы – банк выступает главным оркестратором, определяющим стратегию развития и координирующим деятельность остальных участников. Это наиболее распространенная модель на российском рынке (Сбер, ВТБ, Т-Банк).

2. Партнерские экосистемы – банк выступает равноправным участником наряду с другими игроками (например, технологическими

компаниями, ретейлерами), а координация осуществляется на основе согласованных правил и стандартов.

3. Интегрированные экосистемы крупных технологических компаний – финансовые сервисы являются частью более широкой экосистемы, созданной Big Tech (например, Яндекс, AliBaba, Amazon).

В условиях цифровизации приобретают особое значение экосистемы, ориентированные на конкретные технологии. Особого внимания заслуживают экосистемы на базе искусственного интеллекта, которые обеспечивают высокий уровень персонализации, автоматизацию принятия решений и управление рисками, а также блокчейн-экосистемы, открывающие возможности для децентрализованных финансов (DeFi), токенизации активов и смарт-контрактов.

Заключение. Формирование банковских экосистем обусловлено комплексом технологических, экономических, социальных и регуляторных предпосылок. Основными драйверами выступают цифровая трансформация, усиление конкуренции со стороны финтех-компаний, изменение потребительских предпочтений и политика открытого банкинга. Российская модель развития банковских экосистем характеризуется высокой концентрацией и доминированием системно значимых банков в качестве платформенных архитекторов, а также гибридной моделью допуска участников. Санкционные ограничения, несмотря на созданные препятствия, стимулировали развитие импортозамещения и поиск альтернативных решений, включая переориентацию на новые рынки и создание собственных платежных сервисов.

Список источников

1. Бубнов В.А. Финансовая безопасность домашних хозяйств через призму цифрового рубля // Известия Байкальского государственного университета. 2023. Т. 33, № 2. С. 209–219.

2. Жилан О.Д., Мамонтова Е.В. Банковские экосистемы: сущность и факторы развития// Управленческий учет. 2024. № 5. С. 102–109.

3. Дорошенко С.В., Шеломенцев А.Г. Предпринимательская экосистема в современных социоэкономических исследованиях // Журнал экономической теории. 2017. № 4. С. 213.

4. Мамедов М.А., Мамедов Т.Ф. Становление и развитие цифровых экосистем на базе технологических и телекоммуникационных компаний в России // Финансы и управление. 2022. № 3. С. 1–19.

5. Клейнер Г.Б., Рыбачук М.А., Карпинская В.А. Развитие экосистем в финансовом секторе России // Управленец. 2020. Т. 11, № 4. С. 2–15.

6. Экосистемы: подходы к регулированию. Доклад для общественных консультаций // Центральный банк РФ. Москва, 2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/Content/Document/File/119960/Consultation_Paper_02042021.pdf

7. Андрюшин С.А., Григорьев Р.А. Экосистемные банки: формы, риски и методы регулирования // Пространство экономики. 2021. № 4. С. 51–65.

8. Информационное агентство «Банки.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.banki.ru/

9. Михеева И.Е. Банковские экосистемы в России: понятие и предпосылки появления // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2023. № 1 (101). С. 42–49.

List of sources

1. Bubnov V.A. Financial Security of Households through the Prism of the Digital Ruble // Bulletin of the Baikal State University. 2023. Vol. 33, No. 2. P. 209–219.

2. Zhilan O.D., Mamontova E.V. Banking ecosystems: essence and development factors // Management accounting. 2024. No. 5. P. 102–109.

3. Doroshenko S.V., Shelomentsev A.G. Entrepreneurial Ecosystem in Modern Socioeconomic Research // Journal of Economic Theory. 2017. No. 4. P. 213.

4. Mamedov M.A., Mamedov T.F. Formation and development of digital ecosystems based on technology and telecommunications companies in Russia // Finance and Management. 2022. No. 3. P. 1–19.

5. Kleiner G.B., Rybachuk M.A., Karpinskaya V.A. Development of ecosystems in the financial sector of Russia // Manager. 2020. Vol. 11, No. 4. P. 2–15.

6. Ecosystems: Approaches to Regulation. Report for Public Consultations // Central Bank of the Russian Federation. Moscow, 2021. [Electronic resource]. – Access mode: https://cbr.ru/Content/Document/File/119960/Consultation_Paper_02042021.pdf

7. Andryushin S.A., Grigoriev R.A. Ecosystem Banks: Forms, Risks, and Regulation Methods // Economic Space. 2021. No. 4. P. 51–65.

8. Information agency "Banki.ru" [Electronic resource]. – Access mode: http://www.banki.ru/

9. Mikheeva I.E. Banking ecosystems in Russia: concept and prerequisites for their emergence // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2023. No. 1 (101). P. 42–49.

Ó Калабекова Л.И., Хуранов А.Р., 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 1. – С. 59–67.
Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026; (1):59–67.

Экономика
Научная статья
УДК 332.1

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ РАЗВИТИЯ ГОРНОРУДНОГО КОМПЛЕКСА КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА

Петр Абрамович Кузьминов[1], Лана Зелимхановна Муртазова[2]
[1,2]Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
[1]petrakis_hist@bk.ru
[2]lanamurtaz@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы развития горнорудного комплекса Кабардино-Балкарской Республики в условиях национального технологического лидерства. Анализируются факторы, влияющие на реализацию проектов, связанных с горнорудным кластером в Приэльбрусье. Обосновывается модель комплексного освоения одного из крупнейших в России и мире Тырныаузского вольфрамо-молибденового месторождения.

Ключевые слова: история Кабардино-Балкарии, история Приэльбрусья, горнодобывающая промышленность, вольфрам, молибден, комбинат, рациональное природопользование, стратегия, право, экология, экономика, эффективность

***Для цитирования*:** Кузьминов П.А., Муртазова Л.З. Современные вызовы развития горнорудного комплекса Кабардино-Балкарской Республики в контексте национального технологического лидерства // Вестник СКФО: Право и экономика. 2026. № 1. С. 59–67.

Economy
Originak article

THE KABARDINO-BALKARIAN TOURISM INDUSTRY CRISIS: CAUSES, CONSEQUENCES, AND SOLUTIONS

Petr A. Kuzminov[1], Lana Z. Murtazova[2]
[1,2]Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia
[1]petrakis_hist@bk.ru
[2]lanamurtaz@gmail.com

Annotation. The article discusses the problems of developing the mining complex of the Kabardino-Balkarian Republic in the context of national technological leadership. It analyzes the factors affecting the implementation of projects related to the mining cluster in the Elbrus region. The article substantiates a model for the integrated development of the Tyrnyauz tungsten-molybdenum deposit, one of the largest in Russia and the world.

Keywords: history of Kabardino-Balkaria, history of the Elbrus region, mining industry, tungsten, molybdenum, combine, environmental management, development, strategy, law, ecology, economy, efficiency

For citation: Kuzminov P.A., Murtazova L.Z. Modern Challenges of the Development of the Mining Complex in the Kabardino-Balkarian Republic in the Context of National Technological Leadership // Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026. No. 1. P. 60–67.

Введение. Национальные проекты по обеспечению технологического лидерства направлены на внедрение передовых разработок и инноваций в промышленное производство с целью достижения прорывного развития отраслевого развития экономики Российской Федерации, а также достижения ключевых показателей и задач национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года.

Цель НП «Новые материалы и химия» – создание более 130 новых современных производств химической отрасли и рост объема продукции на 3,5 трлн руб. Ключевая задача инициативы – формирование устойчивых цепочек добычи и переработки редких и редкоземельных металлов с выходом на производство высокотехнологичной продукции. Производство крупнотоннажных металлов, таких как литий, вольфрам, молибден, ниобий и цирконий, превысит 50 тыс. тонн.

Выпуск малотоннажных металлов, включая тантал, бериллий, германий, галлий и гафний, достигнет 80 тонн.

По предварительным оценкам, к 2026 г. объёмы производства достигнут 5000 тонн оксида вольфрама и 1500 тонн оксида молибдена и покроют потребности отечественной промышленности.

Распад СССР, прекращение единого государственного планирования регионального и отраслевого развития привели к прекращению деятельности комбината. В настоящее время, по экспертным оценкам до 10 % молибдена и порядка 50 % вольфрама импортируется в объеме порядка 65–70 млн долларов.

В Кабардино-Балкарской Республике располагается самое крупное в России и одно из крупнейших в мире месторождение вольфрамово-молибденовых руд, расположенное в Эльбрусском районе.

С 2018 г. Эльбрусский горнорудный комбинат (входит в ГК «Ростех») ведет работы по возобновлению отработки подземным способом Тырныаузского месторождения, формируя новые резервы достижения показателей нацпроекта «Новые материалы».

Цель исследования. Обосновать модель и направления трансформации горнорудного кластера Приэльбрусья в среднесрочной и долгосрочной перспективе на основе результатов комплексной оценки современного состояния и условий вовлечения Тырныаузского вольфрамово-молибденового месторождения в природопользование на основе принципов устойчивого развития.

Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи, а именно:

- дана краткая характеристика месторождения в современных условиях и общая оценка балансовых запасов;
- определены применяемые технологии добычи и обогащения продукции;
- обоснованы современные подходы к снижению эколого-производственных рисков на новом этапе эксплуатации исходного сырья и последовательной утилизации ранее накопленных отходов.

Материалы и методы. Теоретическую базу научного исследования в области формирования модели составили нормативно-правовые акты РФ и Кабардино-Балкарской Республики [1; 2]. В работе применялись методы моделирования, анализа и обобщения; сравнительно-географический, статистический, ландшафтный методы, ретроспективный и перспективный анализ.

Результаты и дискуссия. Основные барьеры развития – устаревшие перерабатывающие мощности и высокая себестоимость добычи. Единственный производственный комплекс в Хакасии работает

на базе собственно молибденовых руд и сильно зависит от рыночной конъюнктуры. Другие объекты с попутным молибденом (например, Михеевское месторождение) не обеспечивают полноценную переработку и отгрузку концентрата.

Тырныаузское вольфрамово-молибденовое месторождение локализовано в восточной части выклинивания геосинклинальной области Передового хребта и находится на пересечении двух тектонических структур – Тырныауз-Пшекишского тектонического 150-километрового шовного участка и субмеридиональной тектонической зоны. На нем во второй половине XX в. базировалась металлургическая отрасль Кабардино-Балкарии. Она ежегодно перерабатывала 6,6 млн т металлической руды и производила около 14 тыс. т концентратов. Комплекс представлял пространственно разорванное производственное объединение Тырныаузского горно-обогатительного комбината и гидрометаллургического завода в г. Нальчике.

В России разработка осуществляется подземным способом, который гораздо дороже и менее производителен, чем открытый способ добычи.

Одна из причин – сложные природно-климатические условия в местах расположения ресурсов. В европейской части РФ – это высокогорье, в частности Приэльбрусье. Дальний Восток и Северо-Восток (Чукотка, Магадан, Якутия, Хабаровский край и др.) – это северные и арктические территории [3].

Сложный комплекс вызовов развития территории Приэльбрусья представлен на *рисунке 1*.

Рисунок 1 – Вызовы развития территории Приэльбрусья

Постепенное истощение запасов легкодоступных полезных ископаемых требует глубокой переработки существующих месторождений и поиска новых. Потребность в технологическом переоснащении отрасли, снижении зависимости от импортного оборудования и развитии отечественного машиностроения для горнодобывающей промышленности – проблемы национального уровня. Горнодобывающая промышленность оказывает значительное воздействие на окружающую среду, включая загрязнение атмосферы и водных ресурсов, нарушение почвенного покрова. Решение этих проблем требует внедрения современных, экологически безопасных технологий. Недостаток высококвалифицированных специалистов сдерживает внедрение инноваций [4].

Транспортная инфраструктура в некоторых отдаленных горных районах также является серьезным препятствием для эффективной разработки месторождений.

Экономический потенциал месторождения основан на оценке объемов вольфрама и молибдена и их концентрации в породе. Рудное тело потенциально оценивается в объеме 530 тыс. т балансовых запасов триоксида вольфрама, что оценивается как существенные значения при условии применения экологичных способов добычи и обогащения руды. Экологический потенциал основан на применении инновационных технологий добычи и переработки сырья, а также на использовании техногенных отходов хвостохранилищ на площади 31 га суммарным объемом в 25 млн тонн, что повысит индекс экологической безопасности территории, уровень качества жизни населения.

Ожидаемые эффекты внедрения инновационных технологий представлены в *таблице 1*.

Таблица 1 – Эффекты внедрения инновационных технологий

№ п/п	Инновация и технология	Результаты и эффекты
1	2	3
1.	Совмещение гидрометаллургического и пирометаллургического способов обработки руды	Исходная концентрации вольфрама и молибдена (0,13–0,85 %); обогащенная концентрация вольфрама – 69 %
2.	Повторное вовлечение ранее потерянного сырья	Дополнительное производство: вольфрама – $23 млн, молибдена – $8 млн, меди – $2 млн ежегодно

Окончание таблицы 1

1	2	3
3.	Оптимизация пространственной организации технологических процессов – складирование вскрышных пород открытых разработок в заранее подготовленном уже выработанном пространстве	Снижение издержки на измельчение, обогащение сырья и затраты на содержание хвостохранилищ в среднем до 1,5 раз
4.	Использование имеющегося перепада высот между верхним и нижним рудопроявлениями (3250 и 1850 м соответственно) месторождения, который составляет 1400 м	Снижение себестоимости добычи единицы сырья
5.	Создание благоприятной геохимической среды в отвальном массиве с помощью минералов-стабилизаторов	Сохранность исходного состояния складируемых редкоземельных руд
6.	Кооперация с АО «Терекалмаз» и производство новых видов продукции	Рост рентабельности
7.	Трансформация системы электроснабжения комбината за счет использования гидроресурсов	Снижение затрат путем использования внутренних резервов и рост конкурентоспособности
8.	Перенос токсичного производства Нальчикского гидрометаллургического комбината в г. Тырныауз	Размещение токсичного производства в одной локации и комплексное использование экологически безопасного оборудования

Социальный потенциал реализации амбициозного проекта развития Тырныаузского месторождения основан на восстановлении инфраструктуры моногорода Тырныауза, создании не менее одной тысячи рабочих мест, в том числе квалифицированных. Стратегия социаль-

но-экономического развития КБР до 2040 года направлена на выявление и раскрытие проблем, определение долгосрочных целей и создание условий для устойчивого функционирования промышленного комплекса на основе использования конкурентных преимуществ региона, в том числе, в горных районах Приэльбрусья.

Заключение. Согласно докладу Минприроды РФ «О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации» за 2023 год, подтверждённые запасы молибдена в России составляют порядка 2,2 миллиона тонн [5]. Однако реально вовлечённые в промышленную переработку объёмы значительно скромнее. При текущем темпе добычи – менее 2 тыс. тонн в год – вовлечённых запасов может хватить более чем на сто лет, однако в реальности большинство месторождений не эксплуатируются. Часть запасов молибдена локализована в труднодоступных районах или требует значительных инвестиций.

Это ставит под вопрос устойчивость целого ряда высокотехнологичных производств, особенно в условиях санкционного давления.

Запуск ГОКа на Тырныаузском месторождении запланирован на 2028 год, его мощности должны обеспечить переработку до 3,5 млн тонн руды ежегодно. Суммарная добыча может достичь лишь 10–12 тыс. тонн в год – не более 4–5 % мирового объёма. Без масштабных инвестиций в инфраструктуру, переработку и внутренний спрос отрасль останется зависимой от одного актива.

По мнению экспертов, «глобальный рынок редких металлов характеризуется монополизацией со стороны Китая и устойчивым профицитом».

При этом вольфрамовый концентрат преимущественно экспортируется в Китай, а молибденовый – частично перерабатывается в ферромолибден (сплав железа и молибдена) с последующим экспортом готового продукта.

Восстановление горно-металлургического комплекса на базе Тырныаузского вольфрамово-молибденового месторождения, безусловно, может стать фактором социально-экономического роста в горной зоне Кабардино-Балкарии.

Новое вовлечение месторождения в природопользование позволит отказаться от дорогостоящего импорта вольфрама и молибдена в Россию, обеспечив устойчивое снабжение традиционных отечественных потребителей продукции на долговременную перспективу.

Подводя итог, отметим, что за первые три квартала 2025 года химическими продуктами-лидерами по отгрузке стали удобрения и азотные соединения, изделия из пластмасс, а также сами пластмассы и синтетические смолы. За этот же период стартовал 21 инвестиционный проект на общую сумму 57,28 млрд рублей. Важным трендом года стал переход от выпуска простой продукции к производству сложных химических материалов. За первое полугодие 2025 года объем инвестиций в основной капитал отрасли превысил 1,15 трлн рублей, тогда как за весь 2024 год – 1,9 трлн рублей. Это должно способствовать снижению доли импорта химической продукции с 35 до 30 %.

Развитие горнорудного комплекса КБР тесно связано с реализацией стратегических проектов и национальных приоритетов научно-технологического развития России, к которым относятся ресурсосберегающая энергетика, цифровизация и новые технологии.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №25-28-20355).

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» / Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// www.kremlin.ru/acts/bank/50542 (дата обращения 14.12.2025).

2. Приказ Роснедр от 29.12.2025 № 854 «Об утверждении Перечня участков недр для геологического изучения недр, предлагаемых для предоставления в пользование в 2026 году» / Официальный сайт Федерального агентства по недропользованию «Роснедра». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosnedra.su/activity/documents/ prikaz-rosnedr-ot-29-12-2025-854-ob-utverzhdenii-perechnya-uchastkov-nedr-dlya-geologicheskogo-izuch/ (дата обращения 12.12.2025).

3. Анализ изменения гидрогеологических условий на вольфрамо-молибденовом месторождении Тырныауз // Хаустов В.В. [и др.]. Журнал «Горный журнал», 2021, № 8 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rudmet.ru/ journal/2041/article/34222/ (дата обращения 18.12.2025).

4. Калов Р.О., Кокова В.М., Бекаров Г.А. Оценка постэксплуатационного состояния вольфрамово-молибденового месторождения и возможности нового его вовлечения в природопользование // Журнал «Горная Промышленность», № 6 2020, стр.80 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mining-media.ru/ru/article/economics/16283-

otsenka-posteksploatatsionnogo-sostoyaniya-vol-framovo-molibdenovogo-mestorozhdeniya-i-vozmozhnosti-novogo-ego-vovlecheniya-v-prirodopol-zovanie (дата обращения: 15.12.2025).

5. Государственный доклад о состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2023 году. / Официальный сайт Федерального агентства по недропользованию «Роснедра». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https:// rosnedra.gov.ru/activity/documents/gosudarstvennyy-doklad-2023/

List of sources

1. Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2024 No. 309 "On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030 and for the Future Up to 2036" / Official website of the President of Russia [Electronic resource]. – Access mode: http:// www.kremlin.ru/acts/bank/50542 (date of access: December 14, 2025).

2. Order of Rosnedra of December 29, 2025 No. 854 "On Approval of the List of Subsoil Plots for Geological Survey of Subsoil Proposed for Use in 2026" / Official website of the Federal Subsoil Use Agency "Rosnedra" [Electronic resource]. – Access mode: https://rosnedra.su/activity/documents/prikaz-rosnedr-ot-29-12-2025-854-ob-utverzhdenii-perechnya-uchastkov-nedr-dlya-geologicheskogo-izuch/ (date of access 12.12.2025)

3. Analysis of changes in hydrogeological conditions at the Tyrnyauz tungsten-molyb-denum deposit // Khaustov V.V. [et al]. Mining Journal. 2021. No. 8 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.rudmet.ru/ journal/2041/article/34222/ (accessed 12.18.2025).

4. Kalov R.O., Kokova V.M., Bekarov G.A. Assessment of the Post-Operation State of a Tungsten-Molybdenum Deposit and the Possibility of Its Re-Involvement in Nature Management // Mining Industry Magazine. 2020. No. 6. P. 80 [Electronic resource]. – Access mode: https://mining-media.ru/ru/article/economics/16283-otsenka-posteksploatatsionnogo-sostoyaniya-vol-framovo-molibdenovogo-mestorozhdeniya-i-vozmozhnosti-novogo-ego-vovlecheniya-v-prirodopol-zovanie (accessed: 15.12.2025).

5. State report on the state and use of mineral resources of the Russian Federation in 2023 / Official website of the Federal Agency for Subsoil Use "Rosnedra" [Electronic resource]. – Access mode: https://rosnedra.gov.ru/ activity/documents/gosudarstvennyy-doklad-2023/

Ó Кузьминов П.А., Муртазова Л.З., 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 1. – С. 68–76.
Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026; (1):68–76.

Экономика
Научная статья
УДК 338.48

КАДРОВЫЙ КРИЗИС В ТУРИНДУСТРИИ КБР: ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Фуза Магометовна Мамбетова[1], Рената Муратовна Пшукова[2]
[1,2]Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
[1]Fuzam@mail.rum
[2]renata.pshukova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема острой нехватки кадров в индустрии туризма и гостеприимства Кабардино-Балкарской Республики. Анализируются системные причины кадрового кризиса, его негативные последствия для экономики региона, включая факторы низкой мотивации персонала и миграционные настроения молодежи. Дается описание комплексной модели, связанной с модернизацией образовательных программ, созданием системы наставничества, повышением престижа профессии, а также внедрением региональных мер кадровой поддержки. Представлены практические рекомендации по преодолению кадрового кризиса.

Ключевые слова: кадровый кризис, туриндустрия, дефицит персонала, подготовка кадров, рынок труда, человеческий капитал, Кабардино-Балкарская Республика, гостеприимство

***Для цитирования*:** Мамбетова Ф.М., Пшукова Р.М. Кадровый кризис в туриндустрии КБР: пути преодоления // Вестник СКФО: Право и экономика. 2026. № 1. С. 68–76.

Economy
Originak article

PERSONNEL CRISIS IN THE TOURISM INDUSTRY OF KBR: WAYS TO OVERCOME IT

Fuza M. Mambetova[1], Renata M. Pshukova[2]
[1,2]Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia
[1]Fuzam@mail.rum
[2]renata.pshukova@mail.ru

Annotation. The article examines the problem of acute personnel shortage in the tourism and hospitality industry of the Kabardino-Balkarian Republic. The relevance of the topic is due to the rapid growth of tourist flow to the region and the inability of the existing system of training and retention to meet the increased needs of the industry. The purpose of the study is to identify the systemic causes of the personnel crisis, analyze its negative consequences for the region's economy, and develop practical recommendations to overcome it. The paper analyzes the gaps between employer requirements and graduates' competencies, factors of low staff motivation, and migration sentiments among young people. A comprehensive model for solving the problem is proposed, including the modernization of educational programs, the creation of a mentoring system, enhancing the prestige of the profession, and the introduction of regional personnel support measures.

Keywords: personnel crisis, tourism industry, staff shortage, personnel training, labor market, human capital, Kabardino-Balkarian Republic, hospitality

For citation: Mambetova F.M., Pshukova R.M. Personnel crisis in the tourism industry of KBR: ways to overcome it // Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026; (1):69–76.

Введение. В течение ряда последних лет туристический поток в КБР демонстрирует устойчивую положительную динамику. Это обусловлено развитием курортов, а также растущим интересом к характерному культурному и историческому наследию региона. Однако

стремительный рост отрасли выявил ее «узкое горло» – системный кадровый кризис. Индустрия туризма как сфера услуг предъявляет высокие требования к качеству человеческого капитала, но сегодня в КБР ощущается нехватка квалифицированных специалистов: от линейного персонала (горничных, официантов) до менеджеров среднего и высшего звена. Сложившаяся ситуация требует комплексного научно-обоснованного подхода к решению кадровой проблематики. Как известно, без высококвалифицированного персонала дальнейшее развитие туристического направления невозможно, снижается качество обслуживания, конкурентоспособность региона, а инвестиции в инфраструктуру не приносят ожидаемой отдачи [1].

Целью данного исследования является анализ стратегических и тактических подходов к преодолению кадрового кризиса в сфере туризма КБР на основе анализа причинно-следственных связей и лучших практик.

Материалы и методы. Исследование опирается на анализ научных трудов зарубежных и российских авторов, а также материалов открытых источников по вопросам подготовки и повышения квалификации кадров в туристической отрасли. В ходе исследования были применены общенаучные и экономические методы: описательный, сравнительный, структурно-функциональный, логический и системный анализ. Использован метод контент-анализа для изучения содержания документов и публикаций.

Результаты и дискуссия. Кадровый кризис в регионе носит системный характер и вызван сочетанием факторов, которые можно разделить на три группы: социально-экономические, образовательные и управленческие.

1. *Социально-экономические факторы*. В их основе лежит дисбаланс между ожиданиями работников и реальными условиями труда. Наблюдается «утечка мозгов» рабочей силы в другие регионы Российской Федерации (Москву, Краснодарский край, Сочи) и за рубеж, где уровень заработной платы в сфере услуг значительно выше. Сезонность занятости (особенно в Приэльбрусье) приводит к нестабильности доходов, что отпугивает соискателей, ищущих постоянную работу и социальные гарантии. Низкий престиж рабочих профессий (горничной, официанта, шеф-повара) в общественном сознании; а также отсутствие четких возможностей карьерного роста в отдельно взятом отеле или предприятии также способствуют оттоку персонала.

2. *Факторы, связанные с образованием*. Существует большой разрыв между академическими знаниями, полученными в университетах и колледжах, и практическими навыками, востребованными в промышленности. Учебные программы часто не успевают за быстро меняющимися тенденциями в сфере гостиничного бизнеса, цифровизации и стандартов обслуживания. Слабая материально-техническая база учебных заведений, а также отсутствие систематического наставничества при трудоустройстве приводят к тому, что выпускники прибывают в отели без реальных компетенций, что увеличивает время их адаптации и разочаровывает работодателей.

3. *Управленческие и институциональные факторы*. На корпоративном уровне часто отсутствуют эффективные системы мотивации (кроме заработной платы), программы лояльности для сотрудников, а также возможности обучения за счет компании. На региональном – нет целевых программ привлечения и удержания туристических кадров, аналогичной программам для врачей или учителей (жилье, повышение зарплаты). Кроме того, среди школьников слабо развита система профориентации, которая призвана ознакомить учащихся с перспективами работы в их родном регионе [2].

Последствия нехватки квалифицированного персонала напрямую сказываются на экономике и имидже региона.

1. Снижение качества обслуживания. Нехватка персонала приводит к перегрузке существующих сотрудников, эмоциональному выгоранию и, как следствие, снижению уровня сервиса. Негативные отзывы туристов на платформах (Ostrovok.ru, Tripadvisor) создают неблагоприятный имидж Центрального делового района как места назначения.

2. Сдерживание развития бизнеса. Инвесторы, вкладывающие средства в строительство новых гостиничных комплексов, сталкиваются с проблемой нехватки персонала. Это снижает инвестиционную привлекательность региона. Существующие объекты размещения работают не на полную мощность из-за нехватки персонала.

3. Торможение инноваций. Нехватка квалифицированных менеджеров и маркетологов препятствует внедрению новых технологий продаж, автоматизации и обслуживания клиентов, сохраняя отрасль на устаревшем уровне развития.

4. Рост социальной напряженности. Невозможность найти достойную работу с возможностями карьерного роста увеличивает миграционный отток молодежи из республики, что приводит к депопуляции и старению населения в сельской местности [3].

В целях преодоления кризиса необходима консолидация усилий бизнеса, образования и государства, которая реализуется на разных уровнях.

1. Микроуровень (уровень предприятия индустрии гостеприимства). Бизнесу следует перестать быть пассивным потребителем персонала и стать активным участником его «выращивания». Рекомендуемый алгоритм действий:

– создание ценности бренда работодателя. Необходимо создать имидж отеля или туристического агентства как места, где ценят сотрудников. Сюда входит достойная «белая» зарплата, социальный пакет (питание, униформа, частичная компенсация за арендованное жилье для иногородних), а также общественное признание достижений;

– разработка программ адаптации и наставничества. Внедрение института наставничества, когда опытный сотрудник руководит новичком в течение испытательного срока. Создание «школы общественного питания» в крупном отеле для обучения основным стандартам;

– построение карьерной лестницы. Четкое представление о перспективах роста: от рядового сотрудника до старшего менеджера смены. Сотрудник должен понимать, что работа в отеле – это не временная подработка на неполный рабочий день, а долгосрочная карьера.

2. Мезоуровень (уровень сотрудничества между бизнесом и образованием). Наиболее важным звеном является создание отраслевого консорциума или ассоциации владельцев отелей и туроператоров КБР, которые возьмут на себя функции по взаимодействию с образованием:

– развитие практико-ориентированного обучения. Создание базовых классов на предприятиях. Разработка учебных планов в сотрудничестве с работодателями (участие бизнеса в определении до 30–40 % дисциплин). Проведение мастер-классов действующими специалистами;

– организация системы ученичества. Введение обязательной годичной стажировки выпускников профильных предприятий с наставником, а также частичной компенсации от государства или предприятия;

– открытый промышленный чемпионат. Для популяризации профессий регулярно проводятся конкурсы профессионального мастерства среди студентов и молодых специалистов (например, «Лучший администратор гостиницы», «Лучший шеф-повар национальной кухни»).

3. Макроуровень (уровень органов государственной власти региона). Региональные власти должны создать институциональные условия, стимулирующие приток кадров в отрасль, например:

– разработать региональную программу «Кадры для туризма», которая предусматривает целевой набор в колледжи и университеты на туристические специальности с гарантированным трудоустройством; программы поддержки работодателей, создающих лучшие условия труда; льготного ипотечного кредитования или предоставления офисных зданий для молодых специалистов, которые работают в сельской местности (Приэльбрусье, Черекский район) в сфере туризма [4];

– продвижение отрасли как места работы. Запуск информационной кампании в социальных сетях и СМИ «Работаем в КБР, отдыхаем в КБР», направленной на возвращение специалистов из других регионов и удержание местной молодежи;

– создание Центра оценки квалификации (CQC). Независимая оценка профессиональных навыков, которая позволяет повышать уровень специалистов и создавать открытый кадровый реестр для работодателей [5].

Кадровый кризис в сфере туризма Кабардино-Балкарской Республики – объективная реальность, которая сдерживает развитие одной из ключевых отраслей экономики региона. Причины кризиса лежат в плоскости низких зарплат и престижа профессий, отрыва образования от реальных потребностей бизнеса и отсутствия системной государственной политики по закреплению кадров [6].

Для подтверждения теоретических выводов эмпирическими данными был проведен опрос руководителей 30 предприятий туриндустрии КБР (включая отели, гостевые дома, туроператоры) в период с июня по август 2025 года. Цель опроса заключалась в выявлении основных барьеров при подборе персонала и оценка уровня удовлетворенности компетенциями молодых специалистов.

Результаты опроса представлены в *таблице 1*.

Таблица 1 – Оценка кадровых проблем предприятиями туриндустрии КБР (результаты опроса, % от числа респондентов)

Проблема / критерий оценки	Доля респондентов, отметивших проблему как критическую, %
Острый дефицит линейного персонала (горничных, официантов, поваров)	86,7
Высокая текучесть кадров в течение первого года работы	73,3
Несоответствие уровня практической подготовки выпускников требованиям бизнеса	80,0
Отсутствие мотивации у молодых сотрудников к долгосрочной работе в отрасли	63,3
Миграция квалифицированных кадров в другие регионы (Москву, Сочи, Краснодар)	76,7
Сложность в поиске руководящего состава (менеджеров, управляющих)	56,7
Слабое владение выпускниками современными цифровыми инструментами (CRM, системами бронирования)	60,0
Низкая эффективность взаимодействия с учебными заведениями при прохождении практики	70,0

Источник: разработано автором.

Как видно из данных таблицы, наиболее острой проблемой является дефицит линейного персонала (86,7 %), что подтверждает тезис о «кадровом голоде» на начальном уровне. Более 80 % работодателей не удовлетворены практической подготовкой выпускников, а 76,7 % сталкиваются с оттоком специалистов за пределы республики. Высокая текучесть кадров (73,3 %) и проблемы с организацией практики (70 %) указывают на системный разрыв в звене «образование – биз-

нес». Эти данные обосновывают необходимость применения комплексной трехуровневой модели, представленной выше.

Заключение. Проведенное исследование подтверждает, что решение проблемы требует комплексного подхода, который осуществляется одновременно на уровне конкретного предприятия, промышленного сообщества и регионального правительства. Только переход от разрозненных мер к системной модели, включающей модернизацию образования, повышение привлекательности рабочих мест и создание социальных лифтов в промышленности, позволит преодолеть нехватку кадров. Реализация предложенных рекомендаций поможет не только насытить рынок труда квалифицированными специалистами, но и улучшить качество туристических услуг, повысить конкурентоспособность КБР на национальном и международном уровнях, а также улучшить социально-экономическое положение региона за счет сохранения и приумножения человеческого капитала.

Список источников

1. Клейман А.А. Актуальные проблемы подготовки кадров для сферы туризма в условиях цифровой экономики // Вестник Национальной академии туризма. 2023. № 1 (61). С. 22–27.

2. Морозов М.А. Кадровое обеспечение туристской индустрии: вызовы нового времени // Современные проблемы сервиса и туризма. 2022. Т. 16, № 2. С. 5–14.

3. Джанджугазова Е.А. Человеческий капитал в туризме: проблемы формирования и развития // Российские регионы: взгляд в будущее. 2022. № 3. С. 56–68.

4. Мамбетова Ф.М., Байсултанова Л.Б., Аттоева З.Х. Современные проблемы подготовки кадров с высшим образованием в сфере туризма и индустрии // Экономика и предпринимательство. 2024. № 1 (171). С. 1341–1346.

5. Волкова Т.А. Кадровая политика в индустрии туризма и гостеприимства. СПб.: Троицкий мост, 2021. 250 с.

6. О состоянии рынка труда в сфере туризма и гостеприимства в Российской Федерации: аналитический доклад. М.: Ростуризм, 2023. 80 с.

List of sources

1. Kleiman A.A. Actual Problems of Training Personnel for the Tourism Sector in the Context of the Digital Economy // Bulletin of the National Academy of Tourism. 2023. No. 1 (61). P. 22–27.

2. Morozov M.A. Staffing of the Tourism Industry: Challenges of the New Era // Modern Issues of Service and Tourism. 2022. Vol. 16. No. 2. P. 5–14.

3. Dzhandzhugakova E.A. Human Capital in Tourism: problems of Formation and Development // Russian Regions: A Look into the Future. 2022. No. 3. P. 56–68.

4. Mambetova F.M., Baysultanova L.B., Attoeva Z.Kh. Modern Problems of Training Personnel with Higher Education in the Sphere of Tourism and Industry // Economy and Entrepreneurship. 2024. No. 1 (171). P. 1341–1346.

5. Volkova T.A. HR Policy in the Tourism and Hospitality Industry. Saint Petersburg: Troitsky Most, 2021. 250 p.

6. On the State of the Labor Market in the Sphere of Tourism and Hospitality in the Russian Federation: Analytical Report. Moscow: Rostourism, 2023. 80 p.

Ó Мамбетова Ф.М., Пшукова Р.М., 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 1. – С. 77–84.
Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026; (1):77–84.

Экономика
Научная статья
УДК 338.48

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ БЕЗОПАСНОСТИ ГОРНОЛЫЖНЫХ ТРАСС КБР: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Фуза Магометовна Мамбетова[1], Амаль Абасович Гузоев[2]
[1,2]Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
[1]Fuzam@mail.rum
[2]guzoev.1@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются современные цифровые технологии, используемые в целях безопасности горнолыжных трасс Кабардино-Балкарской Республики. Анализируются системы мониторинга, прогнозирования лавинной опасности и цифровые сервисы для туристов. Особое внимание уделено экономическим аспектам внедрения таких решений и их влиянию на развитие регионального туризма. Определены перспективы цифровизации горнолыжной инфраструктуры.

Ключевые слова: горнолыжный туризм, безопасность, цифровые технологии, КБР, лавины, экономика туризма, Приэльбрусье

Для цитирования: Мамбетова Ф.М., Гузоев А.А. Цифровые технологии безопасности горнолыжных трасс КБР: экономические аспекты и перспективы развития // Вестник СКФО: Право и экономика. 2026. № 1. С. 77–84.

Economy
Originak article

DIGITAL TECHNOLOGIES FOR THE SAFETY OF SKI SLOPES IN THE KABARDINO-BALKARIAN REPUBLIC: ECONOMIC ASPECTS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Fuza M. Mambetova[1], Amal A. Guzoev[2]
[1,2]Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia
[1]Fuzam@mail.rum
[2]guzoev.1@mail.ru

Abstract. This article examines modern digital technologies used to ensure the safety of ski slopes in the Kabardino-Balkarian Republic. Systems for monitoring, avalanche risk forecasting, and digital services for tourists are analyzed. Special attention is paid to the economic aspects of implementing these technologies and their impact on the development of regional tourism. The prospects for the digitalization of ski infrastructure are identified.

Keywords: ski tourism, safety, digital technologies, Kabardino-Balkarian Republic, avalanches, tourism economics, Elbrus region

For citation: Mambetova F.M., Guzoev A.A. "Digital technologies for ski slope safety in the Kabardino-Balkarian Republic: economic aspects and development prospects"// Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026; (1):78–84.

Введение. Кабардино-Балкарская Республика занимает сегодня одну из лидирующих позиций на рынке горнолыжного туризма в России, и ее визитной карточкой является Приэльбрусье. Ежегодный рост туристического потока, расширение инфраструктуры актуализирует вопрос о безопасности прибывающих гостей. Разработка мер, позволяющих обеспечить высокий уровень безопасности снижает риски несчастных случаев и формирует положительный имидж Республики как курорта, а также способствует дальнейшему развитию и привлечению туристов. Климат меняется, нагрузки на трассы увеличиваются, а спрос на зимний отдых неуклонно растет, ставя перед горнолыжными курортами Кабардино-Балкарии новые вызовы. Это

обуславливает необходимость адаптации методов управления к изменяющимся условиям на основе внедрения передовых решений в целях поддержания высокого уровня безопасности и комфорта. Решение данной проблемы возможно на основе внедрения и совершенствования цифровых технологий, которые позволят поднять уровень безопасности горнолыжных трасс, снизить риски происшествий и обеспечить устойчивое развитие туристической отрасли [1; 2].

Цель исследования – проанализировать цифровые системы безопасности горнолыжных трасс КБР, оценить их эффективность с экономической точки зрения и также возможность их масштабирования.

Методы исследования. Теоретико-методической основой работы послужили научные труды и прикладные исследования специалистов в области развития туристической отрасли, а также нормативно-правовые документы в области цифровизации горнолыжных курортов в России и КБР. В ходе исследования авторами использовались системный и сравнительный анализ, а также элементы экономического обоснования эффективности внедрения цифровых решений.

Результаты и дискуссия. Современное развитие горнолыжного туризма в Кабардино-Балкарии – это не только новые подъёмники и гостиницы, но и постоянно растущее число гостей. Такая популярность создаёт серьёзную нагрузку на природную среду и требует грамотного управления рисками [3].

Уровень безопасности в горах складывается из многих составляющих, а именно: физических, экологических, информационных. Основные угрозы – лавины, резкие изменения погоды, скопление людей на трассах. Старые методы предупреждения уже не справляются с новыми масштабами, и здесь на помощь приходят цифровые технологии [1].

Одной из ключевых технологий выступают интеллектуальные системы видеонаблюдения. Современные камеры с программным обеспечением не просто фиксируют происшествия, но и помогают их предсказывать. Например, постоянно отслеживая, как распределяются лыжники по склонам, системы видеонаблюдения могут вовремя выявить зоны чрезмерной концентрации лыжников и оперативно принять превентивные меры в целях предотвращения аварии.

Особого внимания заслуживают системы прогнозирования лавинной опасности. Они собирают данные с автоматических метеостанций, датчиков толщины и плотности снежного покрова, спутников, а затем с

помощью искусственного интеллекта строят детальные модели движения снежных масс. Достоверность прогнозов становится высокой, и это позволяет своевременно принимать решения: закрыть опасный участок или провести контролируемый спуск лавины [2; 4]. Мобильные приложения кардинально изменили общение с туристами. Теперь человек может в любой момент узнать о состоянии трасс, погоде, уровне лавинной опасности, найти оптимальный маршрут, а также мгновенно связаться со спасателями. Это не только удобно, но и повышает уровень ответственности самих отдыхающих за свою безопасность.

Большие данные и искусственный интеллект помогают управлять потоками туристов. Анализируя плотность посещений, погоду, загрузку подъёмников, можно предсказать, где возникнут очереди или перегрузки, и вовремя перераспределить гостей. В итоге – меньше толкотни на склонах, выше качество отдыха.

Экономический эффект от внедрения таких решений тоже очевиден. Когда туристы чувствуют себя в безопасности, они охотнее приезжают, дольше остаются и больше тратят. Снижается число несчастных случаев, а значит, и расходы на ликвидацию последствий [1]. Кроме того, цифровизация помогает экономить на эксплуатации: умное управление подъёмниками, рациональное распределение ресурсов снижают издержки и повышают прибыльность [5].

Современный инвестор особое внимание уделяет развитию уровня «цифровой зрелости» территории. Чем выше технологическая база, тем привлекательнее регион для вложений. Появляются новые проекты, создаются рабочие места. Это фундаментальный принцип, ярко проявляющийся в сфере развития горнолыжного туризма в Кабардино-Балкарии. Как показывает практика современные курорты нуждаются не только в живописных пейзажах и качественных трассах, но и в передовых решениях, обеспечивающих безопасность, комфорт и эффективность управления. Однако переход к цифровым решениям требует серьёзных затрат на оборудование и программное обеспечение. Необходимы инвестиции в современные серверы, сетевое оборудование, облачные технологии, а также в разработку и поддержку специализированного программного обеспечения, которое будет интегрировано с существующими системами. Это может включать в себя как капитальные вложения в покупку нового оборудования, так и операционные расходы на лицензирование, подписку на

облачные сервисы и услуги по настройке и обслуживанию. Важным моментом является и подготовка современных специалистов, обладающих новыми навыками работы с цифровыми системами, анализа данных и управления технологическими процессами.

Ещё одна сложность состоит в объединении разрозненных систем в единый интерфейс. В настоящее время практически во многих регионах инфраструктура туристической отрасли представлена комплексом разрозненных информационных систем, включая отдельные программы для управления гостиницами, системы бронирования билетов на подъемники, программы для учета посещаемости, сервисы для предоставления информации о погоде и состоянии трасс, а также системы безопасности. Каждая из этих систем функционирует изолированно, что создает трудности для оперативного управления и предоставления комплексной услуги клиенту.

Важным аспектом является и обеспечение кибербезопасности. Как известно, чем выше удельный вес цифровых данных и процессов, тем выше риск утечки информации, хакерских атак и сбоев в работе систем. Минимизация рисков требует комплексного подхода к обеспечению кибербезопасности, включающего внедрение многоуровневых систем защиты, использование современных протоколов шифрования данных, регулярное обновление программного обеспечения и антивирусных баз, а также проведение регулярных аудитов безопасности.

Перспективным направлением выступает использование дронов в целях постоянного контроля трасс и оперативного выявления опасных участков. Ещё более интересное направление – цифровые двойники курортной инфраструктуры. Они позволяют просчитывать последствия разных сценариев и принимать взвешенные управленческие решения.

Создание единой цифровой платформы, объединяющей все сервисы позволит целостно управлять туристическим кластером. В конечном счёте всё это ведёт к формированию интеллектуальных туристических экосистем, безопасных, удобных и готовых к вызовам времени.

Международный опыт. В мире ведущие горнолыжные курорты уже давно активно внедряют цифровые технологии для повышения безопасности и эффективности. Некоторые из них представлены в *таблице 1*.

Таблица 1 – Примеры применения цифровых технологий на зарубежных горнолыжных курортах

Курорт (страна)	Цифровое решение	Основной эффект
Whistler Blackcomb (Канада)	Интеллектуальное видеонаблюдение, датчики метеоусловий, платформы анализа данных	Непрерывный мониторинг загрузки трасс, быстрое реагирование на угрозы
Zermatt, St. Moritz (Швейцария)	Системы оценки лавиноопасности на базе метеостанций, спутникового мониторинга и математического моделирования; удалённый запуск управляемых лавин	Снижение риска для посетителей
Sölden (Австрия)	Мобильные приложения с актуальной информацией о склонах, погоде, опасностях; отслеживание местоположения туристов, связь со спасателями	Повышение информированности и безопасности гостей
Les Trois Vallées (Франция)	Технологии больших данных для управления потоками посетителей	Снижение перегруженности трасс, равномерное распределение гостей
Vail (США)	RFID-ски-пасы (пропуски со встроенными чипами), алгоритмы ИИ для прогноза загрузки и предотвращения ЧС	Улучшение управления трафиком, повышение безопасности

Курорт (страна)	Цифровое решение	Основной эффект
Курорты Японии	Беспилотные летательные аппараты (дроны) для контроля снежного покрова, оценки лавинной опасности, поиска пострадавших	Сокращение времени реагирования при ЧС, повышение эффективности спасательных работ

Источник: составлено авторами

Представленные в таблице технологии позволяют получить конкретный результат: от повышения безопасности до более эффективного управления потоками гостей. На наш взгляд, внедрение подобных цифровых технологий в Кабардино-Балкарии способно вывести местные курорты на качественно новый уровень и сделать их конкурентоспособными на мировом рынке.

Таким образом, цифровые технологии меняют подход к безопасности на горнолыжных трассах. В Кабардино-Балкарии их применение уже сегодня помогает снижать риски, налаживать управление курортами и повышать качество сервиса.

Экономический эффект цифровизации выражается в росте туристического потока, уменьшении операционных затрат и повышении инвестиционной привлекательности региона [4].

В перспективе дальнейшее развитие цифровых инструментов позволит создать туристическую инфраструктуру, отвечающую современным требованиям безопасности и качества.

Список источников

1. Алексеев В.С. Экономика туризма. М.: Кнорус, 2022.

2. Бабкин А.В. Специальные виды туризма. СПб.: Питер, 2021.

3. Министерство курортов и туризма КБР. Официальные материалы. Нальчик, 2024.

4. Мамбетова Ф.М., Байсултанова Л.Б., Тавкешева М.А. Роль искусственного интеллекта в адаптации и оптимизации туристического

и гостиничного секторов // Экономика и предпринимательство. 2025. № 11 (184). С. 805–808.

5. Мамбетова Ф.М., Лигидов Р.М., Шадова З.Х. и др. Интеграция инновационных изменений в индустрии туризма и гостеприимства // Экономика и предпринимательство. 2025. № 9 (182). С. 1161–1165.

List of sources

1. Alekseev V.S. Tourism Economics. Moscow: KNORUS, 2022.

2. Babkin A.V. Special Types of Tourism. St. Petersburg: Piter, 2021.

3. Ministry of Resorts and Tourism of the Kabardino-Balkarian Republic. Official Materials. Nalchik, 2024.

4. Mambetova F.M., Baysultanova L.B., Tavkesheva M.A. The role of artificial intelligence in the adaptation and optimization of the tourism and hotel sectors // Economy and Entrepreneurship. 2025. No. 11 (184). P. 805–808.

5. Mambetova F.M., Ligidov R.M., Shadova Z.Kh. et al. Integration of Innovative Changes in the Tourism and Hospitality Industry // Economy and Entrepreneurship. 2025. No. 9 (182). P. 1161–1165.

Ó Мамбетова Ф.М., Гузоев А.А., 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 1. – С. 85–94.
Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026; (1):85–94.

Экономика
Научная статья
УДК 332.1

ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ СФЕРЫ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ В УСЛОВИЯХ УСКОРЕННОГО ВНЕДРЕНИЯ ИННОВАЦИЙ

Фатима Магометовна Мамышева
Министерство здравоохранения Кабардино-Балкарской Республики, Нальчик, Россия, fotya66@mail.ru

Аннотация. В статье проводится анализ закономерностей развития сферы медицинских услуг в условиях стремительного внедрения инновационных процессов. Представлены важнейшие тенденции, формирующие новую парадигму развития здравоохранения, а именно персонализация, цифровизация, конвергенция медицинских и IT-технологий.

Ключевые слова: медицинские услуги, инновации, цифровизация, конвергенция, персонализация, здравоохранение

***Для цитирования*:** Мамышева Ф.М. Закономерности развития сферы медицинских услуг в условиях ускоренного внедрения инноваций// Вестник СКФО: Право и экономика. 2026. № 1. С. 85–94.

Economy
Originak article

PERHAPS THE DEVELOPMENT OF MEDICAL SERVICES IN THE CONTEXT OF ACCELERATED INNOVATION

Fatima M. Mamysheva
Ministry of Health of the Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Russia, fotya66@mail.ru

Annotation. This article analyzes the development patterns of medical services in the context of the rapid implementation of innovative proc-

esses. The article presents the most important trends shaping a new paradigm for healthcare development, namely, personalization, digitalization, and the convergence of medical and IT technologies.

Keywords: medical services, innovation, digitalization, convergence, personalization, healthcare

For citation: Mamysheva F.M. Pathologies of Medical Services Development in the Context of Accelerated Innovation// Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026. No. 1. P. 85–94.

Введение. В современных условиях, характеризующихся ускоренными темпами научно-технологического развития (инновационных трансформаций), важное значение отводится качеству жизни человека. Это отражено в национальном проекте «Продолжительная и активная жизнь», основным вектором которого выступает сохранение здоровья населения, снижение смертности и увеличение продолжительности жизни. Решение данной проблемы возможно на основе внедрения инновационных технологий, методов диагностики и лечения, а также изменения управленческих процессов в здравоохранении. Сфера медицинских услуг является одной из наиболее активных отраслей, в которой инновации проявляют себя наиболее динамично и осязаемо. Повышение эффективности, доступности медицинских услуг, адаптация к меняющимся вызовам современности (старение населения, появление новых эпидемиологических угроз) актуализирует необходимость исследования закономерностей развития сферы медицинских услуг. Данные исследования позволят прогнозировать дальнейшие тенденции, разрабатывать действенные стратегии развития, обеспечивать высокий уровень качества здоровья населения и удовлетворять потребности населения в качественной и доступной медицинской помощи.

В условиях ускоренной цифровизации развитие сферы медицинских услуг во многом обусловлено фундаментальными научными прорывами. Так, детальное изучение генома человека, развитие клеточной биологии и молекулярной медицины позволяют разрабатывать высокоточные персонализированные подходы к лечению человека.

Развитие IT-технологий, включая искусственный интеллект (ИИ) и большие данные (Big Data) выступает одним из мощных драйверов трансформационных процессов в здравоохранении.

Цель исследования – анализ закономерностей развития сферы медицинских услуг и факторов ускорения внедрения инноваций.

Методы исследования. Основой работы послужили системный и комплексный подходы. В процессе исследования использовались общенаучные и специальные методы, а именно: анализ и синтез, индукция и дедукция, методы экономического анализа, метод систематизации содержательных характеристик изучения предмета исследования, что позволило выявить закономерности изучаемых явлений.

Теоретическую и методическую основу исследования составили научные труды российских и зарубежных ученых, отражающие проблематику социально-экономического развития сферы медицинских услуг под влиянием ускоренного внедрения инноваций.

Результаты и дискуссия. В настоящее время сфера медицинских услуг претерпевает фундаментальные изменения, формируя новую парадигму здравоохранения в которой фокус смещается с болезни на здоровье, а пациент находится в центре внимания. Происходит трансформация от реактивного лечения к проактивному управлению здоровьем пациента [1], базисом которой выступают четыре принципа, получившие название «4П-медицина» (*рисунок 1*).

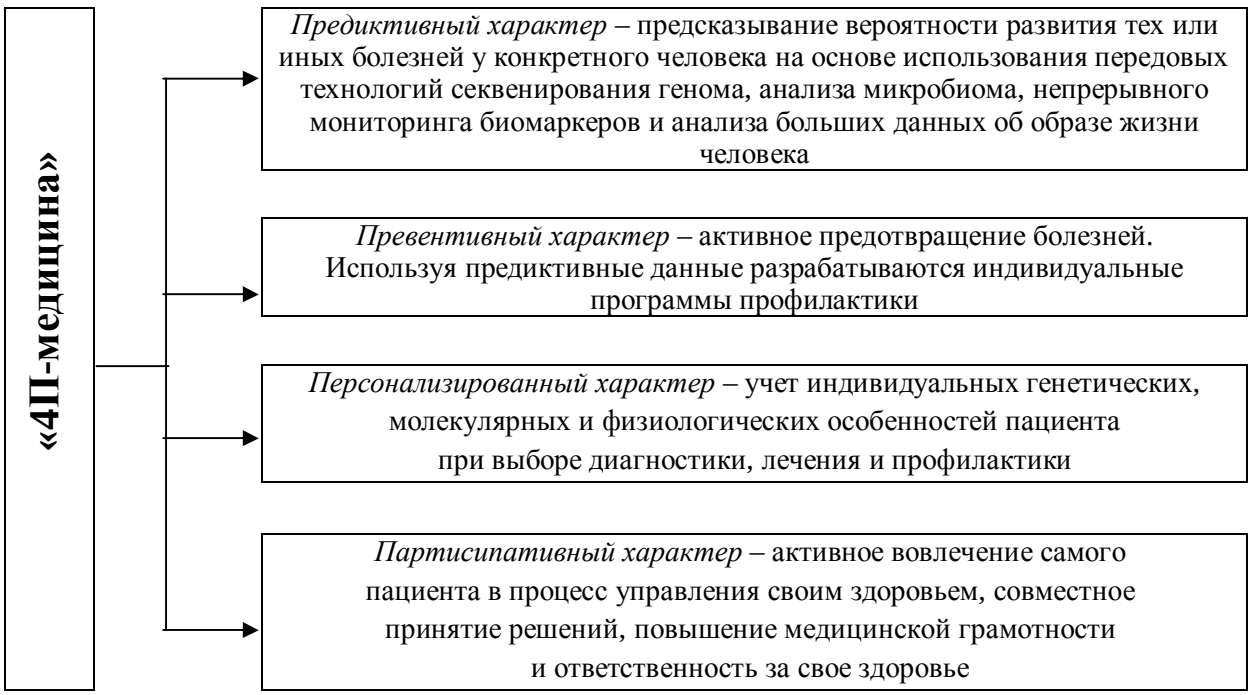

Рисунок 1 – Принципы медицинских услуг будущего

Источник: составлено автором на основе данных [1, 2, 3].

Закономерности развития сферы медицинских услуг с учётом принципов будущего во многом определяются стремительным внедрением инноваций, трансформирующих традиционные модели здравоохранения. Ключевыми драйверами становятся повсеместная персонализация и партнёрство, цифровизация, большие данные (Big Data), искусственный интеллект (ИИ) и геномика, конвергенция медицинских и смежных технологий.

Раскроем представленные закономерности развития сферы медицинских услуг.

1. Повсеместная персонализация и активное партнерство в уходе за здоровьем. Инновационные методы диагностики, такие как геномное секвенирование и анализ микробиома, позволяют с высокой точностью выявлять индивидуальные предрасположенности к заболеваниям и подбирать таргетную терапию. Это ведет к переходу от универсальных протоколов лечения к максимально адаптированным схемам, повышая их эффективность и минимизируя побочные эффекты. Профилактика становится правилом. Обеспечение и эффективная персонализация во многом обусловлены использованием инновационных технологий. Как показывает практика, предиктивная (прогнозная) аналитика, сформированная с использованием ИИ, позволяет повысить степень (уровень) точности прогнозирования рисков развития заболеваний, давая возможность заблаговременно принимать превентивные меры. Индивидуальные программы питания, физической активности и медикаментозной терапии разрабатываются с учетом уникального профиля каждого пациента, максимизируя эффективность и минимизируя побочные эффекты. Носимые устройства и датчики непрерывно собирают информацию о жизненно важных показателях, предоставляя врачам актуальные данные для своевременной коррекции лечебных стратегий. Параллельно с персонализацией, происходит смещение в сторону партисипативной модели здравоохранения, где пациенты становятся полноправными участниками процесса принятия решений, обладая доступом к полной информации о своем состоянии и возможных вариантах лечения. Образовательные платформы, интерактивные приложения и телемедицинские решения способствуют повышению медицинской грамотности населения, позволяя людям осознанно подходить к вопросам сохранения и восстановления здоровья. Такое партнерство укрепляет доверительные отношения между пациентом и врачом, формируя единую команду, ра-

ботающую на достижение наилучших результатов в области здравоохранения. Фундаментальным компонентом персонализированной медицины является стандартная оценка риска для здоровья (HRA) с целью оценки вероятности развития у человека наиболее распространенных хронических заболеваний (или событий заболевания) [1]. Использование HRA, основанные на фактических данных, во взаимосвязи с прогностическими моделями позволяют облегчить проведение оценки риска заболевания пациента и определить приоритеты клинических стратегий для их устранения [4].

2. Интеграция цифровых технологий и больших данных. Фундаментальное изменение заключается в повсеместной интеграции цифровых технологий. Телемедицина, уже ставшая неотъемлемой частью системы, продолжает развиваться, предлагая не только консультации, но и удаленный мониторинг состояния пациентов с использованием носимых устройств. Большие данные (Big Data) становятся основой для предиктивной аналитики, позволяя выявлять паттерны заболеваний, прогнозировать эпидемиологические вспышки и персонализировать подходы к профилактике. Внедрение и активное использование электронных медицинских карт позволяет формировать целостную картину здоровья пациента, доступную врачам в режиме реального времени.

Цифровая трансформация и рост объемов больших данных (Big Data) переформатируют сферу медицинских услуг, открывая новые горизонты для диагностики, лечения и профилактики заболеваний.

Телемедицина, представляющая собой медицинскую практику получения или оказания услуг при помощи информационных и телекоммуникационных технологий [5], становится неотъемлемой частью доступной медицинской помощи. Необходимо отметить, что в период пандемии коронавируса выросла роль телемедицины в системе здравоохранения. Видеоконсультации, дистанционные приемы узких специалистов и облачные платформы для обмена медицинской информацией сокращают географические барьеры и экономят время пациентов. Удаленный мониторинг состояния хронических больных, осуществляемый с помощью носимых устройств и домашних медицинских приборов, позволяет своевременно выявлять отклонения и предотвращать обострения, снижая нагрузку на стационарное звено. В целях мониторинга за пациентами с хроническими заболеваниями в

дистанционном формате используется технология m-Health, охватывающая все приложения телекоммуникационных и мультимедийных технологий для предоставления медицинской помощи [6]. В практике медицинских учреждений активно используются ID-браслеты, в которых находится чип с необходимой информацией о пациенте. Данный гаджет сложно снять самостоятельно, однако дискомфорта пациенту не доставляет, так как сделан из ткани или винила [7].

Огромные массивы данных, генерируемые в процессе диагностики, лечения и мониторинга, становятся ценнейшим ресурсом. Искусственный интеллект и алгоритмы машинного обучения позволяют извлекать из них скрытые закономерности, прогнозировать риски развития заболеваний, оптимизировать терапевтические протоколы и персонализировать подходы к каждому пациенту. Анализ больших данных способствует более глубокому пониманию этиологии и патогенеза болезней, ускоряя темпы научных открытий и разработку новых лекарств.

Цифровизация медицинских карт является основой для создания единого информационного пространства. Современные электронные системы обеспечивают не только надежное хранение и легкий доступ к истории болезни, но и позволяют интегрировать информацию из различных источников: от результатов анализов и изображений до данных экстренных служб и генетических тестов. Стандартизация форматов данных и протоколов взаимодействия (интероперабельность) критически важны для бесшовного обмена информацией между различными медицинскими учреждениями, лабораториями и специалистами, обеспечивая преемственность и безопасность оказания медицинской помощи.

3. Искусственной интеллект и геномика. Искусственный интеллект (ИИ) активно проникает во все аспекты медицинской практики. ИИ становится незаменимым инструментом в обработке и анализе массивов геномных данных. Алгоритмы машинного обучения способны выявлять сложнейшие закономерности в последовательности ДНК, которые остаются незаметными для традиционных методов анализа. Это позволяет с высокой точностью идентифицировать генетические маркеры, связанные с предрасположенностью к различным заболеваниям, включая редкие наследственные патологии и онкологические заболевания. ИИ ускоряет процесс поиска мутаций, определяя их роль в развитии болезни и подбирая наиболее эффективные таргетные терапии.

Параллельно с этим достижения в области геномики позволяют перейти по-настоящему к персонализированной медицине. Анализ генома пациента становится стандартом, позволяющим предсказывать предрасположенность к наследственным заболеваниям и подбирать наиболее эффективные терапевтические стратегии, минимизируя риски побочных эффектов.

Геномные данные обогащают возможности ИИ, делая его решения по-настоящему персонализированными. Анализируя генетический профиль пациента, ИИ может предсказывать его реакцию на различные лекарственные препараты, оптимизируя дозировки и предотвращая нежелательные побочные эффекты. Это открывает путь к революционным подходам в фармакогеномике, где лечение подбирается не только по клиническим показаниям, но и в соответствии с индивидуальной генетической конституцией.

Ключевым препятствием для перевода геномной информации в клиническую практику является отсутствие понимания геномики и ограниченный доступ к соответствующим инструментам. Несколько обзоров указывают на растущий дефицит знаний в области генетики среди средних врачей. Сотрудники первичной медико-санитарной помощи изо всех сил пытались интерпретировать семейные модели болезней и интегрировать эту информацию в практику [4].

Совместное применение ИИ и геномики позволит разработать более точные превентивные меры в медицине. Используя данные о генетической предрасположенности и текущем состоянии здоровья пациента, ИИ сможет разрабатывать индивидуальные программы профилактики, направленные на минимизацию рисков. В процессе разработки терапевтических стратегий также будут учтены малейшие биологические особенности пациента, что обеспечит максимальную эффективность лечения и приведет к значительному повышению качества и продолжительности жизни.

4. Конвергенция медицинских и смежных технологий. Этот процесс не просто ускоряет развитие отдельных направлений, но и создает принципиально новые возможности для сохранения и восстановления здоровья человека. Инновации в области биотехнологий, нанотехнологий и робототехники сливаются, создавая принципиально новые возможности для лечения и реабилитации. На стыке биотехнологий и цифровых инноваций рождаются инновационные решения. Усовершенствованные методы редактирования генома, такие

как CRISPR-Cas9, в сочетании с продвинутыми алгоритмами искусственного интеллекта позволяют разрабатывать таргетные терапии для ранее неизлечимых генетических заболеваний. Цифровые двойники органов и систем, создаваемые на основе детальных медицинских данных, помогают прогнозировать реакцию организма на лечение и моделировать ход операций с высочайшей точностью.

Интеграция нанотехнологий открывает новые горизонты в доставке лекарственных средств и диагностике. Нанороботы, способные проникать в самые труднодоступные участки организма, могут целенаправленно доставлять терапевтические агенты к пораженным клеткам, минимизируя воздействие на здоровые ткани. Квантовые сенсоры и наночастицы повышают чувствительность диагностических тестов, позволяя выявлять опасные биомаркеры на самых ранних стадиях развития болезни.

Хирургические вмешательства становятся менее инвазивными благодаря роботизированным системам, а разработка новых биоматериалов и генная терапия открывают перспективы в лечении ранее неизлечимых заболеваний. Роботизированная хирургия, управляемая хирургами с помощью систем искусственного интеллекта, обеспечивает высочайшую точность манипуляций, сокращая инвазивность вмешательств и ускоряя процесс восстановления пациентов. Экзоскелеты и роботизированные протезы, управляемые нейронными интерфейсами, возвращают мобильность людям с ограниченными возможностями, открывая для них новые перспективы в повседневной жизни и профессиональной деятельности.

Эта синергия технологий не просто улучшает качество медицинских услуг, но и формирует совершенно новый подход к управлению здоровьем, стимулирует создание комплексных экосистем здравоохранения, направленных на обеспечение непрерывности и преемственности ухода за пациентом.

Заключение. Сфера медицинских услуг, находясь под неустанным воздействием инноваций, демонстрирует явные закономерности развития, которые формируют облик современного и будущего здравоохранения. Ускоренное внедрение новых технологий, от молекулярной биологии до искусственного интеллекта не является хаотичным процессом, а подчиняется логике, направленной на повышение эффективности, доступности и персонализации медицинской помощи.

Закономерности развития сферы медицинских услуг в условиях ускоренного внедрения инноваций свидетельствуют о необратимом движении к созданию более комплексной, превентивной и ориентированной на пациента системы здравоохранения. Успешная адаптация к этим изменениям требует постоянного обучения специалистов, развития соответствующей инфраструктуры и формирования этических норм, способных адекватно регулировать применение новейших достижений науки и техники на благо здоровья человека.

Список источников

1. Старченкова О.Д., Величенкова Д.С. Анализ внедрения цифровых технологий в рамках высокотехнологичного здравоохранения // π-Economy. 2022. Т. 15, № 6. С. 18–32. DOI: https://doi.org/10.18721/JE.15602

2. Вялков А.И., Мартынчик С.А., Полесский В.А. и др. Концепция персонализированной медицины в предметной области «нейромедицина» на технологической платформе «Медицина здоровья» // Здравоохранение Российской Федерации. 2014. Т. 58, № 6. С. 4–9.

3. Евсевьева М.Е., Сергеева О.В. О подходах к формированию учебных программ по предиктивной, превентивной, персонализированной и партисипативной медицине (4П-медицине) // Современные проблемы науки и образования. 2018. № 6. С. 155.

4. Margaret A., Hamburg M.D., Francis S. et al. The Path to Personalized Medicine, The New England Journal of Medicine Downloaded from nejm.org on December 1, 2022.

5. Качнов С.А., Болдырихин Н.В. Телемедицина в системе здравоохранения // Техника и технологии: пути инновационного развития, 2019. С. 164–166.

6. Рвачева А.С., Сарангов М.Б. Цифровизация в сфере здравоохранения // Цифровизация региона: проблемы и перспективы: материалы II национальной научно-практической конференции, Элиста, 05 мая 2020 года. Элиста: Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, 2020. С. 91–92.

7. Колкарева И.Н., Дармограева Р.С. Цифровизация как инструмент преодоления коррупции в области здравоохранения // Сфера услуг: инновации и качество. 2020. № 51. С. 47–56.

List of sources

1. Starchenkova O.D., Velichenkova D.S. Analysis of the Implementation of Digital Technologies in the Framework of High-Tech Healthcare // π-Economy. 2022. T. 15, No. 6. P. 18–32. DOI: https://doi.org/10.18721/JE.15602

2. Vyalkov A.I., Martynchik S.A., Poleskiy V.A. et al. The Concept of Personalized Medicine in the Subject Area of "Neuromedicine" on the "Health Medicine" Technological Platform // Healthcare of the Russian Federation. 2014. Vol. 58, No. 6. P. 4–9.

3. Evsevyeva M.E., Sergeeva O.V. On Approaches to the Formation of Curricula in Predictive, Preventive, Personalized, and Participatory Medicine (4P-Medicine) // Modern Problems of Science and Education. 2018. No. 6. P. 155.

4. Margaret A., Hamburg M.D., Francis S. et al. The Path to Personalized Medicine, The New England Journal of Medicine Downloaded from nejm.org on December 1, 2022.

5. Kachnov S.A. Boldyrikhin N.V. Telemedicine in the Healthcare System // Engineering and Technology: Paths of Innovative Development, 2019. P. 164–166.

6. Rvacheva A.S., Sarangov M.B. Digitalization in Healthcare // Digitalization of the Region: Problems and Prospects: Proceedings of the II National Scientific and Practical Conference, Elista, May 5, 2020. Elista: Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, 2020. P. 91–92.

7. Kolkareva I.N., Darmograeva R.S. Digitalization as a Tool for Overcoming Corruption in Healthcare // Services Sector: Innovations and Quality. 2020. No. 51. P. 47–56.

Ó Мамышева Ф.М., 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 1. – С. 95–101.
Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026; (1):95–101.

Экономика
Научная статья
УДК 338.48

АДАПТАЦИЯ ГОСТИНИЧНОГО СЕКТОРА К НОВЫМ ФОРМАМ ТУРИЗМА: ГИБРИДНЫЕ ФОРМАТЫ И ИНКЛЮЗИВНЫЕ УСЛУГИ

Залина Юрьевна Тенова[1], Ислам Хасанбиевич Бегидов[2], Мадина Залимовна Гучаева[3]
[1,2,3]Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
[1]tzu79@mail.ru
[2]23232323isya@gmail.com
[3]madinaguch@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются главные направления адаптации гостиничного сектора к трансформирующимся потребностям современного туриста. Обосновывается необходимость развития гибридных форматов и инклюзивных услуг как стратегических приоритетов. Особое внимание уделяется апарт-отелям, которые внедряются в городах с высокой мобильностью населения и подходят для различных сценариев проживания.

Ключевые слова: апарт-отели, инклюзивные услуги, доступная среда, маломобильные группы населения, комфорт, гостиничный сектор

Для цитирования: Тенова З.Ю., Бегидов И.Х., Гучаева М.З. Адаптация гостиничного сектора к новым формам туризма: гибридные форматы и инклюзивные услуги // Вестник СКФО: Право и экономика. 2026. № 1. С. 95–101.

Economy
Originak article

ADAPTATION OF THE HOSPITALITY SECTOR TO NEW FORMS OF TOURISM: HYBRID FORMATS AND INCLUSIVE SERVICES

Zalina Yu. Tenova[1], Islam Kh. Begidov[2], Madina Z. Guchaeva[3]
[1,2,3]Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia
[1]tzu79@mail.ru
[2]23232323isya@gmail.com
[3]madinaguch@mail.ru

Abstract. The article discusses the main directions of adapting the hotel sector to the changing needs of modern tourists. It substantiates the need to develop hybrid formats and inclusive services as strategic priorities. Special attention is paid to apartment hotels, which are being introduced in cities with high population mobility and are suitable for various accommodation scenarios.

Keywords: apart-hotels; inclusive services; accessible environment; people with limited mobility, comfort, hotel sector

For citation: Tenova Z.Yu., Begidov I.Kh., Guchaeva M.Z. Adaptation of the Hospitality Sector to New Forms of Tourism: Hybrid Formats and Inclusive Services// Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026; (1):96–101.

Введение. Растущая популярность удаленной работы, увеличение продолжительности поездок, демографические изменения и социальные запросы на инклюзивность формируют новый ландшафт гостиничного предложения. Гостиничные предприятия, не учитывающие эти тренды, рискуют потерять конкурентоспособность. При этом системные исследования, объединяющие анализ различных форматов адаптации, остаются фрагментарными, что обусловливает актуальность исследования.

Гибридные модели объединяют офис и гостиницу. Рабочее время проходит в пространстве с высокой скоростью интернета и досками для совещаний. Работодатели видят выгоду: сотрудники остаются в городе, но находятся в режиме полной занятости, без потери време-

ни на дорогу. Инклюзивность уже не дополнение. Это обязательное условие. Барьеры убирают не только при входе, они исчезают внутри помещения (широкие проходы, лифты с тактильными кнопками, звуковые сигнализации для слабослышащих). Система адаптации должна работать без исключений. Авторская классификация выделяет три модели перехода: трансформация существующих отелей под новые требования; строительство новых объектов с нуля по гибридному принципу; создание сетей специализированных точек обслуживания для маломобильных групп населения. Продукт гостиницы больше не измеряется количеством звезд или размером бассейна. Его ценность определяется доступностью для всех категорий граждан, гибкостью условий проживания и способностью адаптироваться под меняющиеся условия жизни. Тренды реальны: цифровизация повсюду, демография меняется, люди хотят смыслового присутствия в месте пребывания. Отель должен быть местом не просто ночевки – он должен быть частью жизни гостя.

Цель исследования **–** проанализировать ключевые направления адаптации гостиничного сектора к новым формам туризма и обосновать необходимость развития апарт-отелей, гибридных форматов и инклюзивных услуг как стратегических приоритетов.

Методы исследования. В процессе исследования использованы общенаучные методы: анализ и синтез научной литературы, системный подход, сравнительный анализ, а также методы качественного исследования: изучение и обобщение передового опыта внедрения новых форматов размещения, контент-анализ отраслевых публикаций, метод экспертных оценок.

Результаты и дискуссия. Апарт-отели представляют собой гибридный формат размещения, сочетающий преимущества аренды жилья (наличие кухни, полноценные жилые зоны, возможность длительного проживания) с сервисом традиционного отеля (стойка регистрации, уборка, консьерж-сервис). Как отмечают исследователи, «развитие апарт-отелей обусловлено изменением структуры туристских потоков: увеличение продолжительности поездок, рост числа семейных путешественников и цифровых кочевников» [1].

Апарт-отели классифицируются по нескольким параметрам.

По назначению они ориентированы на туристов, нуждающихся в краткосрочном проживании; бизнесменов, совершающих длительные командировки, а также на семьи, планирующие пребывание на срок от нескольких недель. Уровень сервиса варьируется от эконом-вариантов

до премиальных резиденций с полным спектром услуг. Формат управления либо в рамках крупных гостиничных сетей, либо через независимых операторов. Гости ценят возможность готовить еду самостоятельно, наличие большего личного пространства и комфорт для долгого пребывания. Владельцы отелей получают стабильную загрузку вне сезона и привлекают арендаторов на длительный срок.

Рост популярности bleisure-туризма – сочетания командировок с отдыхом – подтверждается исследованиями. Текущая тенденция: путешественники, особенно те, кто работает удалённо, всё чаще выбирают гибридные форматы размещения, сочетающие работу и отдых. Такие решения включают оборудованные зоны для работы с эргономичной мебелью, качественным светом и высокоскоростным интернетом как в номерах, так и в общественных пространствах. Рекреационные зоны имеют фитнес-центры, спа-услуги, бассейны и зоны для релаксации после рабочего дня. Условия проживания адаптируются под потребности: разрешён ранний заезд или поздний выезд, возможно продлление пребывания при гибких тарифах. Социальные пространства коворкинги, лаунж-зоны формируют условия для неформального общения и построения деловых связей [2].

Для маломобильных групп населения предусмотрены инклюзивные услуги: обеспечение доступности среды для людей с ОВЗ, пожилых людей, семей с колясками – это не только социальная ответственность, но и ресурс для роста прибыли отрасли. По данным экспертов, отсутствие барьеров в гостиничной среде расширяет аудиторию, усиливает лояльность гостей и соответствует законодательству о доступной среде [3].

Ключевые компоненты инклюзивного гостиничного продукта: архитектурная доступность, пандусы, широкие дверные проёмы, отстуствие барьеров, входные группы, лифты с расширенным функционалом; специализированные номера: пространство для маневрирования коляски (инвалидной коляски), оборудование (поручни, откидные сиденья в душевых зонах, выключатели на уровне руки); специализированные номера: с расширенным пространством для маневрирования, специальное оборудование (поручни, откидные сиденья в душевых, пониженные выключатели); сервисные услуги: обученный персонал, возможность сопровождения, информационная поддержка [4].

В *таблице 1* представлена авторская классификация моделей адаптации гостиничных предприятий к новым формам туризма.

Таблица 1 – Модели адаптации гостиничного сектора к новым формам туризма

Модель адаптации	Ключевые характеристики	Примеры форматов	Целевая аудитория
Функционально-пространственная	Трансформация пространства номера и общественных зон для выполнения разных функций	Апарт-отели, номера с кухней, трансформируемая мебель	Семьи, цифровые кочевники, долгосрочные путешественники
Сервисно-интеграционная	Объединение рабочих и рекреационных сервисов в едином пространстве	Коворкинг-отели, гибридные пространства, bleisure-форматы	Бизнес-путешественники, удаленные сотрудники
Социально-ориентированная	Обеспечение доступности среды и сервисов для всех категорий граждан	Безбарьерные отели, номера для маломобильных гостей	Маломобильные группы населения, пожилые люди

Анализ представленных направлений адаптации позволяет выделить такие перспективные направления развития гостиничного сектора:

- как интеграция форматов. Наблюдается тенденция к объединению различных моделей адаптации в рамках одного объекта. Гостиничные предприятия все чаще предлагают гибридные решения, сочетающие элементы апарт-отелей, рабочих пространств и инклюзивных сервисов;

- технологическая поддержка. Цифровые технологии (мобильные приложения для управления проживанием, умные системы управления номерным фондом, системы бронирования с фильтрацией по доступности) становятся неотъемлемой частью адаптации [5];

- стандартизация и сертификация. Развитие отраслевых стандартов для новых форматов размещения и инклюзивных услуг способствует повышению качества и доверия потребителей [4].

Заключение. Гостиничный сектор находится в процессе активной адаптации к новым формам туризма, обусловленным изменениями в структуре занятости, демографическими сдвигами и ростом социальных ожиданий. Развитие апарт-отелей, гибридных форматов (работа + отдых) и инклюзивных услуг для маломобильных групп населения выступает стратегическим приоритетом, позволяющими гостиничным предприятиям отвечать на вызовы современности. Апарт-отели предоставляют возможность длительного комфортного проживания, сочетая преимущества аренды жилья и гостиничного сервиса. Гибридные форматы отвечают на запросы удаленных работников и bleisure-путешественников, интегрируя условия для эффективной работы и полноценного отдыха. Инклюзивные услуги делают гостиничную среду доступной для людей с разными возможностями, расширяя круг клиентов и повышая уровень социальной вовлечённости бизнеса.

Успешная трансформация требует комплексного подхода: перестройки пространства, пересмотра сервисных моделей, изменения внутренних процессов. Те отели, которые предлагают гибкие, практичные и доступные условия, выигрывают на фоне меняющейся конкуренции.

Список источников

1. Иванова М.А., Петрова Е.В. Апарт-отели как перспективный формат размещения в российской гостиничной индустрии // Гостиничное дело. 2024. № 3. С. 110–118.

2. Мамбетова Ф.М., Байсултанова Л.Б. Тавкешева М.А. Роль искусственного интеллекта в адаптации и оптимизации туристического и гостиничного секторов // Экономика и предпринимательство. 2025. № 11 (184). С. 805–808.

3. Тихомирова Е.Н., Федорова И.В. Доступная среда в гостиничном бизнесе: состояние, проблемы, перспективы // Индустрия гостеприимства: теория и практика. 2023. № 1. С. 55–63.

4. Шадова З.Х., Жерукова А.Б. Инклюзивные услуги в сфере гостеприимства: зарубежный и российский опыт // Туризм и гостиничное хозяйство. 2025. № 1. С. 28–36.

5. Смирнова О.В., Кузнецов Д.А. Bleisure-туризм: новый тренд в индустрии гостеприимства // Современные проблемы сервиса и туризма. 2024. № 2. С. 34–42.

List of sources

1. Ivanova M.A., Petrova E.V. Aparthotels as a Promising Accommodation Format in the Russian Hotel Industry // Hotel Business. 2024. No. 3. P. 110–118.

2. Mambetova F.M., Baysultanova L.B., Tavkesheva M.A. The Role of Artificial Intelligence in Adaptation and Optimization of the Tourism and Hotel Sectors // Economics and Entrepreneurship. 2025. No. 11 (184). P. 805–808.

3. Tikhomirova E.N., Fedorova I.V. Accessible environment in the hotel business: state, problems, prospects // Hospitality industry: theory and practice. 2023. No. 1. P. 55–63.

4. Shadova Z.Kh., Zherukova A.B. Inclusive services in the hospitality industry: foreign and Russian experience // Tourism and hotel industry. 2025. No. 1. P. 28–36.

5. Smirnova O.V., Kuznetsov D.A. Bleisure tourism: a new trend in the hospitality industry // Modern problems of service and tourism. 2024. No. 2. P. 34–42.

Ó Тенова З.Ю., Бегидов И.Х., Гучаева М.З., 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 1. – С. 102–118.
Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026; (1):102–118.

Экономика
Научная статья
УДК 378.4(045)

РОЛЬ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ

Карина Султановна Шумахова[1], Дамир Арсенович Шумахов[2], Ратмир Арсенович Шумахов[3]
[1]Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
[2]Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва
[3]ЧУ ВО Московская академия предпринимательства, факультет экономики и управления, г. Москва
[1]karinashumahova@mail.ru
[2]kekovkek64@gmail.ru
[3]ratmir0192@gmail.ru

Аннотация. В статье исследуется роль технологического предпринимательства как драйвера экономического развития в условиях перехода к инновационной экономике и усиления глобальной технологической конкуренции. Рассматриваются факторы экономического роста, где традиционные ресурсные и капитальные преимущества уступают место способности к генерации и коммерциализации новых технологий. Определяются ключевые направления воздействия технологического предпринимательства на структурные сдвиги в экономике, повышение производительности и формирование новых рынков. На основе проведенного анализа авторы приходят к выводу, что технологическое предпринимательство трансформируется из фактора локального успеха отдельных компаний в ключевой ресурс макроэкономической динамики. Его роль выходит за рамки чисто отраслевого эффекта: оно выступает катализатором институциональных изменений, формирует новые нормы взаимодействия в экономике и определяет траекторию долгосрочного технологического развития. Результаты исследования могут быть использованы при разработке

стратегий инновационного развития, а также для корректировки мер государственной поддержки высокотехнологичных секторов.

Ключевые слова: технологическое предпринимательство, инновации, новые технологии, DeepTech, экономическое развитие, суверенитет, наукоемкость

Для цитирования: Шумахова К.С., Шумахов Д.А., Шумахов Р.А. Роль технологического предпринимательства в развитии экономики // Вестник СКФО: Право и экономика. 2026. № 1. С. 102–118.

Economy
Originak article

THE ROLE OF TECHNOLOGICAL ENTERPRENEURSHIP IN ECONOMIC DEVELOPMENT

Karina S. Shumakhova[1], Damir A. Shumakhov[2], Ratmir A. Shumakhov[3]
[1,2]Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia
[2]Financial university under the government of the Russian Federation, Russian federation, Moscow
[3]Moscow Academy of Entrepreneurship, Moscow
[1]karinashumahova@mail.ru
[2]kekovkek64@gmail.ru
[3]ratmir0192@gmail.ru

Annotation. The article focuses on the role of technological entrepreneurship as a driver of economic development in the context of the transition to an innovative economy and the intensification of global technological competition. The relevance of this topic is driven by the need to rethink the factors of economic growth, where traditional resource and capital advantages are being replaced by the ability to generate and commercialize new technologies. The purpose of this work is to identify and systematize the key areas of impact of technological entrepreneurship on structural changes in the economy, increased productivity, and the formation of new markets. Based on the analysis conducted, the authors conclude that technological entrepreneurship is transforming from a factor of local success for individual companies into a key resource for macroeconomic dynamics. Its role goes beyond a purely sectoral effect, as it acts as a catalyst for institutional changes, shapes new norms of interaction in the economy, and determines the trajectory of long-term technological development. The

findings of this study can be used in the development of innovative development strategies and in the adjustment of government support measures for high-tech sectors.

Keywords: technological entrepreneurship, innovation, new technologies, DeepTech, economic development, sovereignty, and science intensity

For citation: Shumakhova K.S., Shumakhov D.A., Shumakhov R.A. The role of technological enterpreneurship in economic development // Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026; (1):103–118..

Введение. В условиях стремительной трансформации глобальной экономической системы, обусловленной цифровизацией и распространением искусственного интеллекта, технологическое предпринимательство приобретает принципиально новое значение. Как отмечается в современных исследованиях, подлинная трансформация, привносимая искусственным интеллектом, заключается не столько в самой технологии, сколько в тех новых бизнес-логиках, которые она делает возможными. В этих условиях технологическое предпринимательство выступает ключевым механизмом, обеспечивающим интеграцию передовых разработок в реальный сектор экономики.

В современной экономике, характеризующейся переходом к постиндустриальному укладу и доминированию знаний как ключевого фактора производства, технологическое предпринимательство приобретает роль системообразующего элемента экономического развития. В условиях укрепления технологического суверенитета и стремления к глобальному лидерству развитие данного типа предпринимательства выходит на первый план, открывая возможности для достижения двух ключевых целей – обеспечения технологической независимости благодаря новым разработкам и завоевания лидерских позиций на рынке.

Особая актуальность исследования роли технологического предпринимательства в развитии экономики обусловлена тем, что стартапы и технологические компании становятся «экспериментальными пространствами», где апробируются новые модели взаимодействия между субъектами рынка. В современной экономике формируются принципиально новые конфигурации рыночных отношений, в которых традиционные модели Business-to-Consumer (B2C) и Business-to-Business (B2B) дополняются инновационными форматами взаимодействия, требующими переосмысления предложений ценности, механизмов ценообразования и структур управления.

Для российской экономики, ориентированной на достижение технологического суверенитета, развитие технологического предприни-

мательства приобретает стратегическое значение. Исследование его сущности, функций, специфических характеристик и роли в развитии экономики позволяет не только обогатить теоретические представления о данном феномене, но и сформировать основу для разработки эффективных мер государственной поддержки и стимулирования инновационной активности.

Степень научной разработанности проблемы. В современной научной литературе проблематика технологического предпринимательства разрабатывается по ряду направлений. В области теоретического осмысления сущности и содержания технологического предпринимательства значительный вклад внесли исследования, систематизирующие подходы к определению данного экономического агента и выявляющие его ключевые характеристики.

Вопросы структуры и компонентов технологического предпринимательства рассматриваются в работах, посвященных условиям успешного развития технологических стартапов и факторам, обеспечивающим их конкурентоспособность на рынке. Исследователи уделяют внимание как внутренним характеристикам технологических проектов, так и внешним условиям их функционирования.

Проблемы финансирования и управления рисками технологических проектов являются предметом анализа работ, посвященных финансовому моделированию инновационных проектов, специфике венчурного инвестирования и механизмам привлечения капитала на различных стадиях развития технологических компаний. Аспекты государственной поддержки и развития экосистемы технологического предпринимательства находят отражение в исследованиях, анализирующих институциональные, финансово-экономические и программные механизмы поддержки высокотехнологичного сектора, а также процессы создания и развития инновационной инфраструктуры.

Вместе с тем, несмотря на значительное количество публикаций, посвященных отдельным аспектам технологического предпринимательства, недостаточно разработанными остаются вопросы, связанные с рассмотрением роли технологического предпринимательства в экономике именно как специфического экономического агента, обладающего уникальными характеристиками и выполняющего особые функции в современной экономической системе. Настоящее исследование призвано восполнить этот пробел.

Цель исследования – выявление и теоретическое обоснование роли технологического предпринимательства как ключевого фактора инновационного развития и экономического роста в современных условиях развития экономики.

Методы исследования. В процессе проведения исследования использована методология анализа и обобщения широкого круга научной литературы, периодики и электронных ресурсов. Проведен сбор информации по теме исследования из книг, журналов, материалов научно-практических конференций, сети Интернет.

Результаты и дискуссия. Понятие «технологическое предпринимательство» прошло длительную эволюцию. Теоретические основы были заложены Й. Шумпетером, который рассматривал предпринимателя как новатора, осуществляющего новые комбинации факторов производства. Однако сам термин вошел в научный оборот значительно позже – в конце XX века – в связи с ростом высокотехнологичных стартапов в Кремниевой долине и других инновационных центрах.

Анализ современной литературы позволил систематизировать существующие подходы к определению технологического предпринимательства (*таблица 1*).

Таблица 1 – Подходы к определению технологического предпринимательства

Подход	Сущность подхода и ключевые характеристики
Организационно-процессный	Деятельность по созданию нового бизнеса, организация производства, управление, выход на рынок
Инвестиционно-проектный	Процесс коммерциализации технологий, трансфер технологий, привлечение инвестиций
Инновационный	Форма инновационной деятельности, генерация и внедрение новшеств
Технократический	Деятельность на основе наукоемких идей, высокие технологии, патенты, ноу-хау

Анализ существующих подходов к определению понятия «технологическое предпринимательство» позволил сделать вывод, что оно позиционируется как базовый элемент для создания продукта интеллектуальной деятельности и управления его жизненным циклом. Сущность заключается в создании новой стоимости (добавленной стоимости) путем уникальной комбинации ресурсов – новейших технологий и рыночных возможностей.

Определяющее значение в развитии экономики играют функции технологического предпринимательства, приводящие в движение не только отдельные компании, но и целые отрасли, формируя новые рынки и трансформируя существующие. Основные функции технологического предпринимательства, представленные на *рисунке 1*, охватывают весь жизненный цикл инноваций, начиная от зарождения идеи и заканчивая коммерциализацией.

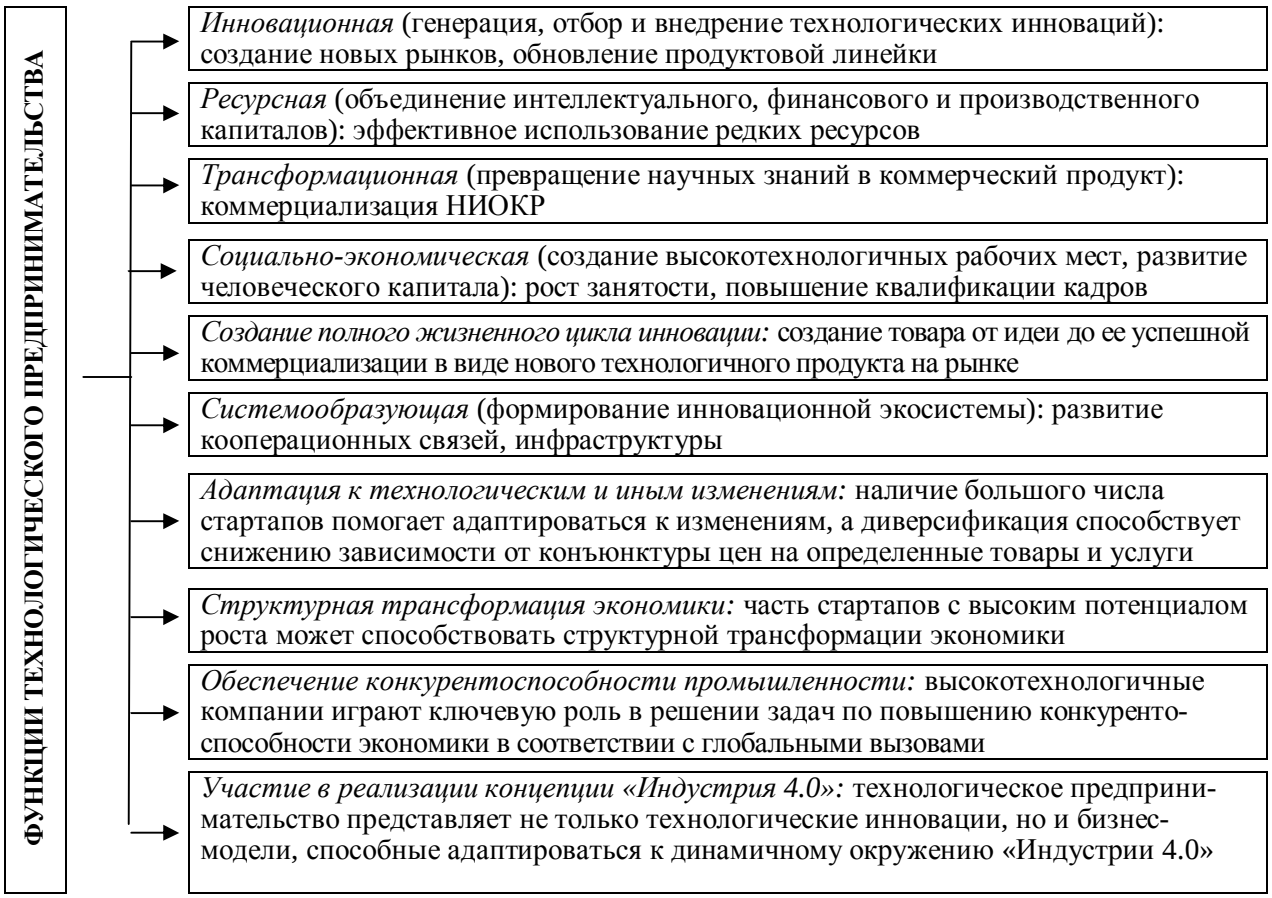

Рисунок 1 – Функции технологического предпринимательства

Развитие технологического предпринимательства является сложным, многофакторным процессом, на успех которого влияют как внутренние, так и внешние условия. Эти факторы, действуя в синергии, создают благоприятную среду для зарождения, роста и масштабирования инновационных компаний, обеспечивая тем самым динамичное развитие экономики.

Основными факторами, влияющими на развитие технологического предпринимательства, являются:

– инновационная экосистема страны. Она создаёт условия, благоприятные для развития предпринимательства на всех стадиях инно-

вационного процесса – от рождения идеи до её коммерциализации в индустрии;

– особенности региональной предпринимательской экосистемы. Уровень развития региона и специфика использования ресурсов, в том числе инновационного потенциала, определяют успех развития технологического предпринимательства;

– доступность капитала. Для высокорискованных проектов необходимы финансовые ресурсы, которые могут быть получены через грантовую поддержку или привлечение венчурных инвестиций.

Технологическое предпринимательство способствует реализации стратегического направления развития отечественной экономики, связанного с разработкой, освоением, коммерциализацией и внедрением инновационных технологий. Оно выступает движущей силой экономического роста и признано важнейшим фактором обеспечения технологического суверенитета.

Сравнительный анализ технологического и традиционного предпринимательства позволил выявить следующие специфические черты (*таблица 2*).

Таблица 2 – Сравнительный анализ технологического и традиционного предпринимательства

Критерий сравнения	Традиционное предпринимательство	Технологическое предпринимательство
1	2	3
Основа деятельности	Бизнес-идея, рыночная ниша	Инновационная высокотехнологичная идея
Источник конкурентного преимущества	Эффективность, маркетинг, цена	Уникальность технологии, патенты
Роль интеллектуального капитала	Вспомогательная	Определяющая (ключевой ресурс)
Уровень риска	Умеренный	Высокий (венчурный характер)
Источники финансирования	Собственные средства, кредиты	Венчурный капитал, гранты, бизнес-ангелы
Жизненный цикл продукта	Работа на существующий спрос	Создание нового рынка/спроса
Масштабируемость	Ограниченная	Потенциально сверхвысокая

Ключевой характеристикой технологического предпринимательства выступает наукоемкость и инновационность идеи как основа конкурентного преимущества. Технологических предпринимателей отличает высокий образовательный уровень, опыт в научной или изобретательской деятельности, креативность и нацеленность на создание нового.

Технологическое предпринимательство играет ключевую роль в достижении технологического суверенитета национальной экономики.

Экономическая сущность технологического предпринимательства раскрывается через его роль как механизма трансфера технологий из сферы науки в реальный сектор экономики. Данный тип предпринимательства выступает связующим звеном:

– между фундаментальной и прикладной наукой (апробация и доработка научных идей);

– инновационной разработкой и рыночным продуктом (превращение технологии в товар);

– интеллектуальным капиталом и финансовыми ресурсами (привлечение венчурных инвестиций).

Технологическое предпринимательство представляет собой инновационный и итерационный процесс, результатом которого становится создание востребованного продукта и ценности. Технологические проекты либо кардинально трансформируют существующий рынок, либо формируют принципиально новый. Это позволяет им демонстрировать высокие темпы роста и оперативно привлекать широкую аудиторию пользователей. Инновации в таких проектах могут касаться не только самого продукта, но и бизнес-модели, подходов к управлению или организации взаимодействия с клиентами.

Именно технологические проекты вызывают наибольший интерес у инвесторов, поскольку обладают потенциалом кратного роста благодаря своим конкурентным преимуществам. Эксперты прогнозируют существенное увеличение объёма инвестиций в технологический бизнес в ближайшей перспективе. При этом российский предпринимательский сектор располагает необходимыми условиями для развития: отечественное предпринимательство характеризуется динамичным ростом, накопленным опытом и успешными примерами реализации технологических инноваций.

В рамках обеспечения экономического развития целесообразно выделить ряд ключевых механизмов реализации технологического предпринимательства:

– это кооперация инновационного малого бизнеса с крупными корпорациями, предполагающая формирование систем поиска и отбора перспективных инновационных продуктов, а также организацию питч-сессий для презентации проектов потенциальным партнёрам и инвесторам;

– сопровождение проектов на этапах запуска и масштабирования, реализуемое через программы инкубации для начинающих проектов и акселерационные программы для успешных компаний, нуждающихся в поддержке по расширению деятельности;

– взаимодействие с организациями оборонно-промышленного комплекса (ОПК), поскольку передовые технологии зачастую концентрируются именно в этом секторе, впоследствии транслируясь в гражданские отрасли экономики.

Технологическое предпринимательство следует рассматривать как драйвер развития несырьевого сектора экономики. Оно может развиваться или на базе действующих научно-исследовательских центров, ведущих университетов страны за счет использования существующих инфраструктурных объектов и интеллектуального капитала, или на базе компаний-инноваторов.

DeepTech (от англ. deep technologies – «глубокие технологии») – это не просто очередной этап цифровизации, а принципиально иной подход к инновациям, основанный на фундаментальных научных открытиях и инженерных прорывах. В отличие от привычных IT-стартапов, которые создают новые приложения или бизнес-модели, DeepTech-компании решают сложные технологические задачи, меняющие материальный мир.

Чтобы понять суть DeepTech, необходимо взглянуть на него с разных ракурсов:

- как на науку, превращенную в бизнес: в центре DeepTech лежат результаты исследований в физике, химии, биологии или инженерии. Это не доработка существующего, а создание того, чего раньше не существовало;

- решение глобальных проблем: такие технологии направлены на фундаментальные вызовы общества и экономики – от новых источников энергии и персонализированной медицины до освоения космоса и продления срока жизни продуктов;

- создание новых рынков: DeepTech не улучшает существующие продукты, а формирует новые индустрии или кардинально трансфор-

мирует старые (например, электромобили вместо ДВС, искусственное мясо вместо традиционного животноводства).

Главное отличие DeepTech состоит в природе инновации. Обычный Tech (IT-стартап) создает ценность через алгоритмы, интерфейсы и новые способы использования данных (например, маркетплейс или мобильное приложение), его можно скопировать за несколько месяцев. DeepTech создает ценность через новое знание о материи, энергии или живых организмах. Например, новый тип аккумулятора, метод редактирования генома или квантовый чип. Скопировать это без доступа к уникальной лаборатории и патентам невозможно.

Основными драйверами роста технологического предпринимательства в России являются:

- заполнение освободившихся ниш после ухода западных компаний с российского рынка;
- популяризация экосистемных сервисов;
- цифровизация многих отраслей экономики;
- выработанная в пандемию и устоявшаяся привычка онлайн-потребления;
- рост объема M&A-сделок.

Топ российских технологических компаний по объему выручки за 2024 год [1]:

1. Яндекс (1 095 млрд руб.),
2. Т-Банк (962 млрд),
3. Wildberries (657,5 млрд),
4. OZON (615,7 млрд),
5. Ростелеком (341,4 млрд),
6. Сбер (283,3 млрд),
7. Холдинг Т+1(249,56 млрд),
8. МТС (194,65 млрд),
9. ВК (147,6),
10. ИКС Холдинг (140 млрд).

Восемь компаний из топ-10 являются экосистемами. Эти сервисы закрывают повседневные и более редкие запросы потребителей: перевод платежей, онлайн-покупки; аренду машин, самокатов; вызов такси, доставку еды, развлечения, обучение, путешествия, телемедицину.

Сбер одним из первых начал развивать направление экосистем. С этой же целью в 2020 году проводился ребрендинг и было исключено слово «банк» из названия. Компания много лет назад начала ин-

вестировать в небанковские продукты и объединила их в единую экосистему. Сейчас в нее входят десятки различных продуктов – от сервисов по доставке еды до телемедицины.

Т-Банк так же держит вектор на развитие своей экосистемы, придерживаясь концепции банка без отделений.

«Яндекс» и Ozon демонстрируют классические примеры экосистем, которые включают интеграцию финтех-компаний, таких как банки, страховые организации. Пользователи таких экосистем проявляют больше приверженности продуктам внутри системы, а банк для них выступает лишь одним из множества сервисов.

Основной фактор успешного развития подобных экосистем – быстрое и естественное внедрение финансовых услуг среди уже существующей аудитории. Приоритетами развития IT-компании являются искусственный интеллект и машинное обучение, кибербезопасность, облачные технологии, импортозамещение.

Согласно докладу Global Innovation Index 2025, опубликованному Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС), десятку лидеров возглавляют Швейцария, Швеция, США, Южная Корея, Сингапур, Великобритания, Финляндия, Нидерланды, Дания, Китай (впервые вошел в десятку, обогнав Германию). Европа остается самым инновационным регионом мира, а Китай подтвердил статус локомотива развития среди стран с развивающейся экономикой, благодаря росту патентной активности и инвестициям. Россия, несмотря на высокий научный потенциал, оказалась на 60-м месте. Доклад отмечает слабую коммерциализацию исследований, ограниченный доступ к венчурному капиталу и недостаточную интеграцию в глобальные цепочки инноваций. «Россия обладает мощной академической базой, но ей необходимо активнее трансформировать знания в рыночные продукты», – говорится в докладе [2].

Главным технологическим трендом 2025 года, по версии консалтинговой компании McKinsey, стал агентный искусственный интеллект (Agentic AI). В отличие от обычных моделей, работающих по принципу «запрос–ответ», ИИ-агенты способны самостоятельно выстраивать решения, адаптироваться к изменениям и взаимодействовать с внешними сервисами, что открывает путь к полной автоматизации многих бизнес-функций.

Консалтинговая компания McKinsey выпустила аналитический отчет, в котором представила 13 технологических трендов 2025 г.: агентный искусственный интеллект (ИИ), искусственный интеллект,

специализированные полупроводники, расширенные возможности подключения, облачные и периферийные вычисления, технологии иммерсивной реальности, цифровое доверие и кибербезопасность, квантовые технологии, будущее робототехники, будущее мобильности, будущее биоинженерии, будущее космических технологий, будущее технологий энергетики и устойчивого развития [3].

Особое внимание необходимо уделить изучению примеров успешных российских проектов в сфере технологического предпринимательства, внесших вклад в развитие экономики:

- таких как проект Basis SDN – первое российское решение для управления программно-определяемыми сетями, получившее награду «Инновация года»;

- платформа данных инновационного центра «Безопасный транспорт» ГКУ ЦОДД – консолидирует информацию из десятков источников Транспортного комплекса Москвы и делает управление городским транспортом более интеллектуальным;

- проект «Круглогодичный регулярный речной электротранспорт» – впервые реализовал концепцию устойчивого городского водного трафика.

Организаторы международной премии REFORUM AWARDS объявили победителей 2025 года. Награды получили российские компании-победители, которые меняют будущее людей через инновационные технологии, устойчивое развитие и ответственный подход к бизнесу [4]:

1. «Инновация года» – «Базис с проектом «Basis SDN», первым полностью российским решением для управления SDN-сетями.

2. «Цифровая трансформация года» – Инновационный центр «Безопасный транспорт» с проектом «Платформа данных», обеспечивающим интеллектуальное управление транспортной системой.

3. «ИИ-трансформация года» – Сбер с проектом «Нейросетевая модель GigaChat», символом технологического лидерства и национальной AI-экосистемы.

4. «Визионер года» – Сбер с проектом «Оплата улыбкой», внедрившим биометрические технологии в повседневную жизнь.

5. «Коллаборация года» – Альфа-Банк за совместный проект с Авито, задавший новый стандарт партнерских программ в финтехе.

6. «Компания, которая поменяла рынок» – Альфа-Банк с проектом «Свой в Альфе», переосмыслившим клиентский опыт в банковской индустрии.

7. «HR-революция года» – Т2 с проектом «Найм и управление X, Y, Z: другие правила», изменившим подход к межпоколенческому взаимодействию.

8. «Инновационные образовательные практики года» – Группа Совкомбанк с программой «Обучение как инструмент ИИ-трансформации», доказавшей, что развитие сотрудников – ключ к цифровому будущему.

9. «Digital-трансформация HR-практик» – Розничная сеть МТС с проектом «Автоматизированная система геймификации мотивационных программ».

10. «Корпоративная система мотивации года» – Розничная сеть МТС с проектом «Большая игра» – мотивационная Work&Travel-программа.

11. «Компания-трендсеттер» – Лукоморье с Экосистемой ИТ-продуктов «Лукоморье», задающей направление развития российского технологического рынка.

12. «Корпоративная культура инноваций года» – Альфа-Банк с внутренним продуктовым акселератором «Alfa Up».

13. «Социально ответственная компания» – Нетология и спецпроект «Нетология тут рядом» совместно с благотворительным фондом «Антон тут рядом», направленный на развитие инклюзии и поддержку особенных людей.

14. «Компания, поддерживающая молодых специалистов» – МТС Web Services с проектом «ИТ-сообщество True Tech».

15. «Бренд работодателя года» – Комус с проектом «Комус: не только работа». Новое позиционирование HR-бренда.

16. «Прорыв в цифровой эволюции» – ГКУ «Организатор перевозок» (Департамент транспорта Москвы) с проектом «Круглогодичный регулярный речной электротранспорт», впервые реализовавший концепцию устойчивого городского водного трафика.

17. «Образовательная трансформация года» – Московская школа управления «Сколково» и ИИ-преподаватель Роберт, интегрировавший искусственный интеллект в академическую среду.

Грантовая поддержка государства остаётся значимым инструментом развития. В 2025 году в рамках программы «Приоритет-2030» вузы и научные организации получили гранты на разработки в области радиоэлектроники, беспилотных авиационных систем (БПЛА) и систем проектирования для микроэлектроники.

Рассмотрим некоторые факты, подтверждающие роль технологического предпринимательства в развитии экономики в 2024 году [5]:

- объём продаж IT-продуктов и IT-услуг российскими компаниями вырос до 3,6 трлн рублей с 3,07 трлн рублей в 2023 году;

- выручка резидентов «Сколково» в 2024 году увеличилась на 38% по сравнению с 2023 годом и составила 704,3 млрд рублей;

- более 30 % малых технологических компаний (МТК) стали поставщиками крупнейших госзаказчиков в 2024 году, что на 10 % больше, чем в 2023 году;

- по итогам 2024 года суммарная выручка 100 ведущих компаний, являющихся держателями цифровых платформ и экосистем, составила 6,7 трлн рублей, что на 95 % выше показателя 2022 года.

С 2025 года развитие технологического предпринимательства – одно из ключевых направлений государственной политики в рамках национального проекта «Эффективная и конкурентная экономика».

Учитывая природные богатства страны и накопленный потенциал в научно-технической сфере, достижение технологического лидерства выступает ключевым условием устойчивого экономического роста и глобальной конкурентоспособности России. Решение системных проблем – недостаточного финансирования исследований, изношенности инфраструктуры, дефицита инженерных кадров и низкого уровня коммерциализации инноваций – позволит выйти на траекторию устойчивого технологического превосходства. Для этого необходимы наращивание инвестиций в науку и образование, укрепление вузов и научных организаций, модернизация производственной базы и внедрение передовых технологий для выпуска конкурентоспособной продукции, развитие кадрового потенциала через внедрение лучших практик и стандартов, а также реализацию программ стажировок и переподготовки специалистов. Комплексное применение этих мер обеспечит России лидерские позиции в сфере технологий и инноваций.

Оценивая отраслевую структуру технологического развития, важно учитывать, как внутренние факторы (доступность ресурсов и квалификация рабочей силы), так и внешние (конкуренция на международных рынках и экономические санкции).

В ближайшей перспективе в России можно выделить несколько ключевых направлений, которые будут пользоваться наибольшим спросом:

1. Цифровые технологии и ИИ – проекты, связанные с искусственным интеллектом и его отраслевыми приложениями: автоматизация бизнес-процессов, обработка больших данных, ИИ-агенты, ин-

теллектуальная аналитика, роботизация. Активное развитие получат отечественное программное обеспечение и аппаратные решения – национальные ОС, аппаратные платформы, продукты для импортозамещения зарубежных ИТ-решений.

2. Наукоёмкие ориентации – высокоэффективная энергетика, новые материалы, квантовые и биотехнологии, медицинские и агротехнологические разработки, автономный транспорт и беспилотные системы, биомедицина, персонализированная медицина, исследования старения.

3. ИТ-инфраструктура и безопасность – облачные и гибридные инфраструктуры, периферийные вычисления (edge computing), платформенные сервисы, кибербезопасность нового поколения.

4. Производственные и инфраструктурные проекты – государственные инициативы и нацпроекты по созданию и масштабированию производств в сферах электроники, микроэлектроники, фотоники, цифровых и телекоммуникационных инфраструктур.

5. Прикладные разработки – импортозамещение ПО, интернет вещей, отраслевые платформы, решения для транспорта и экологии.

Таким образом, наибольший потенциал имеют проекты, ориентированные на достижение технологического суверенитета, цифровизацию приоритетных секторов экономики, а также инновации на стыке ИИ, новых материалов, энергетики, медицины и безопасности.

Заключение. Технологическое предпринимательство представляет собой процесс создания и масштабирования бизнеса на основе передовых технологических решений и продуктов. Его суть заключается не просто во внедрении технологий в бизнес-процессы, а в принципиально иной модели, где технология выступает ядром бизнес-модели и главным источником конкурентного преимущества. В основе такого предпринимательства, как правило, лежит собственная разработка, патент, ноу-хау либо существенное усовершенствование существующей технологии. Это может быть программное обеспечение, аппаратные средства, биотехнологии, искусственный интеллект, блокчейн или любая иная инновационная разработка.

Экономическая сущность технологического предпринимательства состоит в генерации инновационной ренты через практическое внедрение новых технологий и превращение научных знаний в рыночный продукт, обеспечивающий качественно новые потребительские свойства и/или более высокую эффективность производства. Технологическое предпринимательство выполняет комплекс взаимосвязан-

ных функций, выходящих за рамки традиционной предпринимательской деятельности. Его системообразующая роль проявляется в способности формировать вокруг себя инновационную инфраструктуру и стимулировать развитие смежных секторов экономики.

Специфика технологического предпринимательства как экономического агента заключается в том, что оно функционирует на пересечении науки, технологий и рынка, обладая уникальными характеристиками, отличающими его от всех иных форм предпринимательской активности. Технологический предприниматель – это не просто владелец бизнеса, а агент экономики знаний, деятельность которого направлена на практическое внедрение новых технологий.

2020–2025 годы стали периодом смены драйверов технологического предпринимательства – от потребительских интернет-сервисов к DeepTech и ИИ-решениям, решающим фундаментальные задачи в медицине, промышленности и инфраструктуре. Этот период стал для российского технологического предпринимательства временем структурной трансформации.

Достижение технологического суверенитета в современных условиях требует сильной государственной поддержки и наличия долгосрочных стратегий, обеспечивающих системное взаимодействие науки, бизнеса и власти. Ключевым элементом выступает создание эффективного координационного механизма, позволяющего консолидировать усилия федеральных и региональных органов управления, а также частных компаний для ускоренной реализации инновационных проектов.

Список источников

1. BigTech 100 в РФ: выручка, рыночные тренды и приоритеты компаний [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/bigtech-100-v-rf-vyruchka-rynochnye-trendy-i-prioritety-kompanii / (дата обращения 22.02.2026).

2. Всемирная организация интеллектуальной собственности опубликовала доклад «Глобальный рейтинг инноваций 2025» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://special.azertag.az/ru/xeber/3750863 (дата обращения 22.02.2026).

3. Агентный искусственный интеллект возглавил топ-чарт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.comnews.ru/content/240363/2025-07-25/2025-w30/1008/agentnyy-iskusstvennyy-intellekt-vozglavil-top-chart (дата обращения 22.02.2026).

4. Какие технологии и проекты российских компаний удивили бизнес в 2025 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://companies.rbc.ru/news/wYEH5q3cio/kakie-tehnologii-i-proektyi-rossijskih-kompanij-udivili-biznes-v-2025 (дата обращения 22.02.2026).

5. Высокотехнологичный бизнес – ключевой фактор роста российской экономики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.klerk.ru/blogs/wisoft/649420/ (дата обращения 22.02.2026).

List of sources

1. BigTech 100 in the Russian Federation: Revenue, Market Trends, and Company Priorities [Electronic resource]. – Access mode: https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/bigtech-100-v-rf-vyruchka-rynochnye-trendy-i-prioritety-kompanii (date of access 02/22/2026).

2. The World Intellectual Property Organization published the report "Global Innovation Index 2025" [Electronic resource]. – Access mode: https://special.azertag.az/ru/xeber/3750863 (date of access 02/22/2026).

3. Agent-based artificial intelligence topped the top charts [Electronic resource]. – Access mode: https://www.comnews.ru/content/240363/2025-07-25/2025-w30/1008/agentnyy-iskusstvennyy-intellekt-vozglavil-top-chart (accessed on February 22, 2026).

4. Which technologies and projects of Russian companies surprised business in 2025 [Electronic resource]. – Access mode: https://companies.rbc.ru/news/wYEH5q3cio/kakie-tehnologii-i-proektyi-rossijskih-kompanij- udivili-biznes-v-2025 (accessed on February 22, 2026).

5. High-tech business is a key factor in the growth of the Russian economy [Electronic resource]. – Access mode: https://www.klerk.ru/blogs/wisoft/649420 (date of access 02/22/2026).

Ó Шумахова К.С., Шумахов Д.А., Шумахов Р.А., 2026

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 1. – С. 119–131.
Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026; (3):119–131.

Юриспруденция
Научная статья
УДК 34.01

УЧЕНИЕ С.Е. ДЕСНИЦКОГО О СУДЕ И ПРАВОСУДИИ В КОНТЕКСТЕ АДАПТАЦИИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ИДЕЙ В РОССИИ XVIII ВЕКА

Мурат Владимирович Дышеков[1], Азамат Альбертович Бецуков[2]
[1,2]Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
[1]dugur1@mail.ru
[2]a.betsukov@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые аспекты процесса адаптации западноевропейских идей в России XVIII века, связанные с учением С.Е. Десницкого о суде и правосудии. Особое внимание уделяется теории разделения властей, а также принципам организации судебной власти. Авторы приходят к выводу, что при сохранении неограниченной власти монарха предложения С.Е. Десницкого создавали предпосылки для последующих судебных преобразований, а его учение стало важным этапом формирования отечественной политико-правовой традиции.

Ключевые слова: С.Е. Десницкий, политико-правовое учение, разделение властей, судебная власть, судебная реформа, независимость судей, состязательность судебного процесса, просвещённый абсолютизм, российская правовая традиция, история правовой мысли, XVIII век

***Для цитирования*:** Дышеков М.В., Бецуков А.А. Учение С.Е. Десницкого о суде и правосудии в контексте адаптации западноевропейских идей в России XVIII века // Вестник СКФО: Право и экономика. 2026. № 1. С. 119–131.

Jurisprudence
Originak article

S.E. DESNITSKY'S DOCTRINE OF THE COURT AND JUSTICE IN THE CONTEXT OF THE ADAPTATION OF WESTERN EUROPEAN IDEAS IN XVIIITH-CENTURY RUSSIA

Murat V. Dyshekov[1], Azamat A. Betsukov[2]
[1,2]Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia
[1]dugur1@mail.ru
[2]a.betsukov@bk.ru

Annotation. The article examines the key aspects of the process of adapting Western European ideas in 18th-century Russia, related to S.E. Desnitsky's teachings on the court and justice. Special attention is paid to the theory of the separation of powers, as well as the principles of organizing the judicial system. The authors conclude that, while maintaining the unlimited power of the monarch, Desnitsky's proposals laid the foundation for subsequent judicial reforms, and his teachings became an important stage in the formation of the Russian political and legal tradition.

Keywords: S.E. Desnitsky, political and legal doctrine, separation of powers, judicial power, judicial reform, independence of judges, adversarial nature of the judicial process, enlightened absolutism, Russian legal tradition, history of legal thought, XVIII century

For citation: Dyshekov M.V., Betsukov A.A. S.E. Desnitsky's doctrine of the court and justice in the context of the adaptation of Western European ideas in XVIIIth-century Russia// Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026; (1):120–131.

Введение. Обращение к политико-правовому наследию С.Е. Десницкого сегодня продиктовано не только академическим интересом, но и вполне практическими запросами современной юридической науки. Дискуссии о независимости судебной власти, состязательности процесса, статусе судейского корпуса неизбежно актуализируют исторический опыт судебных преобразований. Именно в этом контексте фигура ученого-правоведа приобретает особое значение: его творчество даёт возможность проследить, как западноевропейские

просветительские концепции (в первую очередь теория разделения властей) адаптировались к реалиям самодержавной России, какие механизмы заимствования и трансформации правовых идей могли быть интегрированы в отечественную систему.

Анализ историко-правовой литературы по исследуемой проблематике позволил сделать вывод об отсутствии единства в оценке проекта Десницкого. Так, одни исследователи видели в нём элементы конституционализма, другие – лишь рационализацию абсолютистской системы. Такая двойственность выводов исследователей подчеркивает не противоречивость самого Десницкого, а скорее сложность его учения, которое могло взаимодействовать с различными политическими установками. Дискуссия, начатая ещё в середине XX века, далека от завершения и требует пересмотра с привлечением как самих текстов Десницкого, так и современных методологических подходов.

Цель исследования – на основе анализа концепции С.Е. Десницкого о суде и правосудии определить ее место в процессе адаптации западноевропейских идей в России XVIII века, а также уточнить степень самостоятельности и оригинальности его учения в контексте формирования отечественной правовой традиции.

Методы исследования. Теоретической основой исследования послужили научные труды С.Е. Десницкого, прежде всего его проект «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи», а также работы, посвящённые его творчеству и концепции государственного управления [1; 2; 3; 4]. Методологическую основу работы составили историко-правовой метод, позволяющий рассматривать учение о суде и правосудии в контексте общественно-политической мысли XVIII века, и сравнительно-правовой – применённый при сопоставлении данной концепции с идеями Ш.Л. Монтескье и последующими судебными реформами в России.

Результаты и дискуссия.

1. Формирование политико-правовых взглядов С.Е. Десницкого. Наиболее последовательное и систематическое развитие идеи западноевропейского Просвещения, включая учение Монтескье, получили в трудах С.Е. Десницкого. Анализ научной литературы по исследуемой проблематике позволил сделать вывод, о том, что существенное влияние на формирование взглядов С.Е. Десницкого оказали труды А. Смита и других представителей шотландской школы моральной философии [5], что обусловило интерес ученого к проблемам собственности, исторической эволюции форм хозяйствования и социального устройства.

Методологической основой своего учения С.Е. Десницкий избрал новаторский для российской юридической мысли XVIII века историко-сравнительный подход. Особенность его концепции заключалась в том, что он рассматривал право не как совокупность произвольных установлений власти, а как результат исторического развития общества, обусловленного изменениями в экономической структуре и социальном укладе. Вслед за А. Смитом Десницкий выделил четыре стадии развития человечества, каждая из которых определялась преобладающим способом существования того или иного народа: от изначального собирательства через пастушество и хлебопашество к вершине – «коммерческому» этапу. Именно на этой ступени («коммерческом» этапе), как отмечал Десницкий, «законодательство получает наибольшее развитие» [5].

Основополагающей идеей своей концепции происхождения государства он считал естественное состояние и постепенный переход к гражданскому обществу. Государство возникает как закономерный результат усложнения общественных отношений, прежде всего имущественных. В отличие от теорий договорного происхождения государства в их радикальном варианте, Десницкий не противопоставлял государство обществу, рассматривая его как необходимую форму организации социальной жизни, исторически обусловленную и функционально оправданную [2].

Центральное место в учении занимала проблема собственности. Он рассматривал собственность не как экономическую категорию, а как правовую основу социальной стабильности, государства и права, связывая формы государственного устройства с характером распределения и закрепления имущественных прав.

2. Проект о разделении властей: «законодательная, судительная и наказательная» власть. Вершиной политико-правового творчества и первой в России доктринальной попыткой реформирования государственного строя стал проект государственных преобразований, изложенный в работе С.Е. Десницкого «Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи» (1768). В этом документе была предложена модель разделения властей, адаптированная к российским условиям. Необходимо отметить, что в отличие от классической триады Монтескье (законодательная, исполнительная, судебная) Десницкий предложил концепцию разделения властей на три иные ветви, а именно «законодательную, судительную (судебную) и наказательную» (исполнительную) [3].

В своём фундаментальном труде Десницкий, как отмечает С.А. Покровский предложил классифицировать государственные учреждения по векторам отправления власти: «законодательной, судительной и наказательной», дополнив эту триаду «гражданской», за каждой из которых должна быть закреплена строго определённая компетенция [4]. По этому проекту Правительствующий сенат превращался в орган представительства, где помимо дворян – «землевладельцев», занимали место «сверх сего купеческие и художественные люди и, наконец, духовные и училищные места» [3].

Согласно проекту Десницкого законодательная власть должна была осуществляться однопалатным Сенатом, состоящим из 600–800 депутатов, избираемых на основе высокого имущественного ценза, исполнение полномочий которых продолжалось в течение пяти лет. При этом за монархом сохранялось право абсолютного вето на любые законодательные решения. Как подчёркивается в исследовании О.Р. Дорохина, Десницкий не отрицал монархическую форму правления, признавая её исторически оправданной для России. Тем не менее он подчёркивал необходимость ограничения произвола через закон и рациональную организацию власти [5].

«Судительная» власть, по Десницкому, должна быть отделена от администрации. К судьям предъявлялись высокие требования: они «должны предварительно сдать экзамен профессорам юридического факультета; иметь несколько лет стажа адвокатской практики; пройти испытания на «факультете адвокатов»; знать латинский, французский, немецкий и английский языки» [3]. Десницкий выступал сторонником суда присяжных и принципа независимости и несменяемости судей.

«Наказательная» власть, выполнявшая полицейские и фискальные функции, должна была осуществляться воеводами, назначаемыми монархом, но подлежавшими судебному контролю; виновность воевод определял Сенат. Такое распределение функций отражало стремление Десницкого создать систему сдержек и противовесов, способную ограничить административный произвол.

Помимо трёх основных ветвей власти, он в своём проекте ввёл четвёртую – «гражданскую», – которая должна была осуществляться самими жителями городов и губерний без получения жалования, что фактически представляло собой проект местного самоуправления [6]. При этом судебная власть, по замыслу мыслителя, обретала независимость и подчиняла себе администрацию через механизм судебного контроля.

Вопрос о том, насколько далеко заходил С.Е. Десницкий в проекте, предлагая ограничение самодержавной власти, остаётся одним из наиболее спорных в историографии. С.А. Покровский в своей монографии настаивал на конституционном характере проекта: по его мнению, «Представление» содержало требование замены абсолютной монархии конституционной, при которой монарх делил бы законодательную власть с представительным органом собственников [4]. Аналогичную позицию заняли и авторы «Очерков по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР», прямо назвавшие Десницкого сторонником конституционной монархии [7].

Однако уже в середине 1950-х годов С.М. Берцинский подверг эту трактовку обоснованной критике. В рецензии на книгу Покровского он обратил внимание на оговорку самого Десницкого, который подчёркивал, что его проект «приноровлен» к «нынешнему возвышающемуся российскому монаршескому состоянию» [1]. Эта оговорка, как убедительно показал Берцинский, несовместима с интерпретацией Десницкого как последовательного конституционалиста.

По проекту Десницкого Сенат сохранял статус органа с законосовещательными функциями. Объём законодательных полномочий Сената не предполагалось расширять. «Сей власти в Российской империи кроме монархов никто в полном значении не может иметь…», – говорится в проекте. Его участники могли иметь в законотворческой деятельности «…столько участия, сколько и ныне правительствующему сенату дозволяется» [3].

Право законодательной инициативы оставалось исключительной прерогативой монарха. В проекте прямо указывалось: «А сенату, правительствующему никаких указаний без изволения и приказания монархов в России отнюдь самому не предпринимать и не делать». Тем самым Сенат ставился в полную зависимость от верховной власти, поскольку монарх определялся как «один всего правительствующего сената надзиратель и судья, от которого приказаний зависит и в его единственном повелении сенат будет завсегда» [3].

В проекте отсутствует характерный для конституционной монархии механизм совместного законотворчества главы государства и представительного органа. Напротив, Десницкий подчёркивал, что в отличие от Великобритании и Франции, где законодательная власть разделена между королём и парламентом, российское государственное устройство, исходя из его самодержавной природы и необходи-

мости сохранения целостности отечества, требует принципиально иного подхода к организации законодательной власти.

Таким образом, как справедливо заключает Берцинский, в проекте Десницкого нельзя видеть отрицание неограниченного самодержавия [1]. Большое прогрессивное значение деятельности Десницкого состоит в том, что, не будучи конституционалистом, он своими работами и предложениями о расширении представительства в Сенате, отделении одних самодержавных учреждений от других по признаку функций власти и т. д. пролагал пути к конституционной монархии. С.А. Покровский, вступая в противоречие со своими утверждениями о конституционализме Десницкого, более правильно характеризует его теорию как «нацеливавшую на переход от абсолютной монархии к конституционной». Он пишет, что «созыв такого сената означал бы начало превращения России в конституционную монархию» [4].

3. Адаптация теории Монтескье в проекте С.Е. Десницкого: общее и особенное. Сравнительный анализ проекта Десницкого с оригинальной концепцией Монтескье позволяет выявить как черты сходства, так и принципиальные различия, обусловленные спецификой российской государственности:

– *общие черты.* Как и Монтескье, Десницкий исходит из необходимости разделения властей как гарантии против злоупотреблений и произвола. Оба мыслителя признают судебную власть особой ветвью, требующей независимости от администрации. Оба подчёркивают значение законности и связывают свободу граждан с правовой определённостью. И тот и другой рассматривают собственность как основу социального порядка и связывают формы правления с экономическим развитием общества;

– *особенности адаптации.* Однако различия между двумя мыслителями более показательны. Монтескье, разрабатывая теорию разделения властей, исходил из необходимости ограничения королевской власти и создания механизмов, способных противостоять абсолютизму. Десницкий же, при всех своих прогрессивных устремлениях, сохраняет в своей модели неограниченную власть монарха. Монарх в его проекте остаётся «одним всего правительствующего сената надзирателем и судьей», обладает правом абсолютного вето и правом назначения глав «наказательной» власти.

Вместо классической триады «законодательная – исполнительная – судебная» Десницкий предлагает триаду «законодательная – судительная – наказательная». Замена «исполнительной» власти на «наказательную» не случайна. Если исполнительная власть в концепции

Монтескье понимается как власть, осуществляющая законы и руководствующаяся ими, то «наказательная» власть Десницкого акцентирует прежде всего карательные и полицейские функции, что отражает более низкий уровень правовой культуры и более высокую степень государственного принуждения, характерные для России XVIII века.

Десницкий не был слепым подражателем западных образцов. Как обоснованно утверждает М.В. Раттур, в своих примечаниях к переводу Блэкстона он прямо указывал на недостатки английской избирательной системы и на то, что «у сокровиществующих миллионщиков даже и самое правосудие может быть нечувствительно на откупе» [8]. Это критическое осмысление чужого опыта позволило ему предложить адаптированную к российским условиям модель разделения властей, сохранявшую самобытность отечественной правовой традиции.

Как отмечается в исследовании О.В. Баркалова, для русских просветителей XVIII века институт разделения властей виделся прежде всего как инструмент рациональной организации монархического правления, а не как средство ограничения власти [9]. Мыслители сводили сущность Просвещения к мирному преобразованию общества. Необходимо отметить, что способы преобразования государства основывались на праве и законе, однако все сферы жизни общества рассматривались просветителями с точки зрения юридических отношений при сохранении самодержавной формы правления.

4. С.Е. Десницкий о правосудии: судебная реформа и независимость суда. Особое место в учении Десницкого занимали вопросы правосудия и судебной реформы. Как отмечает О.Р. Дорохин, ученый предлагал отделение суда от административной власти, введение состязательности процесса, формирование профессионального судейского корпуса, а также участие представителей общества в отправлении правосудия [5]. Для России XVIII века данные идеи носили прогрессивный характер и свидетельствовали о стремлении к формированию принципов законности и правового государства в рамках монархической системы.

В своих предложениях Десницкий исходил из того, что правосудие должно быть не только справедливым, но и скорым, доступным, осуществляемым компетентными лицами. Он подчёркивал необходимость специальной подготовки судей, введения адвокатуры и состязательного процесса, «выступал сторонником суда присяжных и принципа независимости и несменяемости судей» [5].

Однако и здесь проявлялась специфика российской адаптации. Ученый не предлагал полной независимости суда от верховной власти. Судьи должны были назначаться монархом и подлежать высшему контролю со стороны Сената. Предложение о введении суда присяжных также предполагало сохранение за государством возможности контролировать этот институт. Тем не менее сам факт постановки вопроса о независимости суда, состязательности процесса и профессиональной подготовке судей был значительным шагом вперёд в развитии российской политико-правовой мысли.

Система принципов организации судебной власти, обоснованная Десницким, включала ряд взаимосвязанных положений. Прежде всего, это неукоснительное соблюдение законности: любое противоправное деяние должно влечь соразмерное наказание, а ссылки на юридическую неосведомлённость не могут служить основанием для освобождения от ответственности. Как обоснованно отмечает И.В. Упоров, анализируя малоизученную работу Десницкого «Слово о причинах смертных казней по делам криминальным», правовед различал два вида истины при назначении наказания: «исполнительную» (неукоснительное следование закону) и «воздаятельную» (возможность прощения, акт гуманизма). При этом Десницкий однозначно поддерживал смертную казнь за убийство и преступления против «целости государства», полагая её в этих случаях необходимой крайней мерой [10].

Критически оценивая влияние аристократии на правосудие, Десницкий отстаивал независимость судейского корпуса. Гарантией такой независимости, по его убеждению, выступала бы несменяемость судей, позволяющая им выносить решения, руководствуясь исключительно буквой закона и собственной совестью, без оглядки на знатность подсудимых.

Особое внимание ученый-правовед уделял процедурным аспектам. Он являлся сторонником коллегиальности, предлагая передать решение вопросов о виновности (в уголовных процессах) и обоснованности исков (в гражданских) в компетенцию присяжных заседателей, именуемых им «свидетелями». Говоря о форме процесса, мыслитель выступал за переход от существовавшей тогда письменной модели к устному судопроизводству, где показания даются сторонами и свидетелями гласно. Важным условием справедливого разбирательства он считал непосредственность и непрерывность: судьи и присяжные должны лично участвовать в исследовании доказательств («быть самовидцами»), а само разбирательство, однажды начавшись, должно доводиться до конца без неоправданных перерывов, даже если это требует значительного времени.

Десницкий подчёркивал воспитательную роль гласности судебного процесса. Публичное рассмотрение дел и последующее опубликование судебных решений в печати, по его мнению, способствовали бы повышению правовой культуры населения. В противовес канцелярской тайне, он настаивал на открытости заседаний для публики. Кроме того, правовед обосновывал необходимость внедрения состязательного начала. Это подразумевало не только введение института адвокатуры и предоставление обвиняемому права на защиту, но и обязательное наличие прений сторон как механизма, обеспечивающего законность и обоснованность итогового решения.

Для достижения объективности Десницкий требовал всестороннего и полного исследования обстоятельств дела, предостерегая от поспешных выводов, чреватых судебными ошибками. В организационном плане он предлагал внедрить ускоренные процедуры для гражданско-правовых споров, в том числе возможность объединения нескольких исков в одном производстве. Для рассмотрения малозначительных дел им обосновывалось создание мирового суда. Отдельное место в его концепции занимали вопросы языка судопроизводства: ссылаясь на опыт Англии, где использование архаичных латыни и французского затрудняло понимание, Десницкий настаивал на ведении процессов на родном (русском) языке, доступном всем участникам. Завершающим элементом его реформаторской программы было требование о свободной оценке доказательств по внутреннему убеждению судьи, что означало решительный отказ от теории формальных доказательств, а также введение обязательного ценза в виде полноценного юридического образования для лиц, претендующих на занятие судейской должности.

5. Значение концепции для последующего развития российской политико-правовой мысли. Учение Десницкого занимает особое место в истории российской правовой мысли. Он стал одним из первых отечественных учёных, систематически применивших научный подход к анализу государства и права. Его концепция предвосхищает развитие исторической школы права и экономического анализа правовых институтов в России, труды стали интеллектуальной предпосылкой дальнейшего развития отечественной теории государства и права в XIX столетии [2].

Вклад Десницкого в историю российской политико-правовой мысли, по мнению исследователей, включает формирование научной теории государства в России, обоснование связи права с экономическим

развитием общества, разработку проектов судебной реформы, популяризацию идей европейского Просвещения в российском контексте.

Проведенное исследование позволило сделать вывод, что С.Е. Десницкий стал первым русским мыслителем, предложившим использовать концепцию разделения властей как средство реформирования российского самодержавия. При всей ограниченности его проекта (сохранение неограниченной власти монарха, законосовещательный характер Сената, отсутствие у Сената права законодательной инициативы), сам факт постановки вопроса о разделении властей и независимости суда открывал новые горизонты для российской политико-правовой мысли.

Как отмечает О.В. Баркалов, идеи конституционализма в России зарождались в эпоху Просвещения, во второй половине XVIII века [9]. И хотя до практической реализации этих идей оставалось ещё более столетия, именно в трудах Десницкого и его современников были заложены те принципы, которые впоследствии легли в основу Великих реформ Александра II, включая Судебную реформу 1864 года.

Заключение. Анализ учения Десницкого позволяет уточнить характер восприятия западноевропейской просветительской мысли в России XVIII века. Идеи Монтескье проникали в отечественную правовую среду не как готовая доктрина, подлежащая имплементации, а как материал, перерабатываемый в соответствии с устойчивыми особенностями российской государственности. Екатерина II использовала их для легитимации собственной политики, но адаптировала таким образом, чтобы сохранить неограниченную власть монарха. С.Е. Десницкий пошёл дальше: он не просто ретранслировал просветительские концепции, но предложил их систематическую переработку применительно к российским реалиям. Его проект «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти» нельзя назвать конституционным в строгом смысле – Сенат не получал права законодательной инициативы, монарх сохранял абсолютное вето и контроль над ним. Однако сам факт постановки вопроса о разделении властей, отделении суда от администрации, сословном представительстве и профессиональной подготовке судей означал важный шаг в развитии отечественной политико-правовой мысли. Десницкий пролагал путь к тем преобразованиям, которые спустя столетие будут реализованы в Судебной реформе 1864 года.

В адаптации теории Монтескье проявились характерные черты российской правовой традиции: понимание самодержавия как безальтернативной формы правления, использование западных идей для рационализации, а не ограничения власти, восприятие разделения

властей прежде всего как функционального распределения обязанностей между ведомствами. Учение Десницкого о правосудии – с его акцентами на независимость суда, состязательность, гласность, профессиональную подготовку судей – стало не только этапным явлением для своего времени, но и сохранило значение как одна из первых в России систематических концепций судебной реформы.

Список литературы

1. Берцинский С.М. Рецензия на книгу С.А. Покровского «Политические и правовые взгляды С.Е. Десницкого» // Вопросы истории. 1956. № 9. С. 158–160.

2. Грацианский П.С. Десницкий. М.: Юридическая литература, 1978. 192 с.

3. Десницкий С.Е. Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. С. 292–334.

4. Покровский С.А. Политические и правовые взгляды С.Е. Десницкого. М., 1955. 198 с.

5. Дорохин О.Р. Учение о государстве и праве С. Десницкого (Россия, XVIII век) // Молодой ученый. 2025. № 8 (611). С. 167–168.

6. Еременко М.А. Семён Ефимович Десницкий: русский просветитель XVIII века и его учение о государстве // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России): материалы XX международной научно-теоретической конференции. В 2-х ч. СПб., 2023. С. 692–697.

7. Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР / под ред. Г.С. Васецкого, М.Т. Иовчука, А.Н. Маслина и др. В 2-х т. Т. 1. М., 1955. 540 с.

8. Раттур М.В. Политико-правовые воззрения С.Е. Десницкого в контексте идентичности российской государственности // Российский научный вестник. 2026. № 1. С. 30–36.

9. Баркалов О.В. Правовая доктрина русского Просвещения XVIII века // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 3 (95). С. 13–17.

10. Упоров И.В. Смертная казнь как криминальный грех и как наказание в рассуждениях С.Е. Десницкого (1770 год) // Заметки ученого. 2021. № 13. С. 527–530.

List of sources

1. Bertsinsky S.M. Review of the book by S.A. Pokrovsky "Political and legal views of S.E. Desnitsky" // Questions of history. 1956. № 9. P. 158–160.

2. Gratsiansky P.S. Desnitsky. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1978. 192 p. (In Russian)

3. Desnitsky S.E. Representation of the establishment of legislative, judicial and punishing power in the Russian Empire // Selected works of Russian thinkers of the second half of the XVIII century. T. 1. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1952. P. 292–334.

4. Pokrovsky S.A. Political and Legal Views of S.E. Desnitsky. Moscow, 1955. 198 p. (In Russian)

5. Dorokhin O.R. Uchenie o gosudarstve i prave S. Desnitskogo (Rossiya, XVIII vek) [The doctrine of the state and law of S. Desnitsky (Russia, XVIII century)]. 2025. № 8 (611). P. 167–168.

6. Eremenko M.A. Semyon Efimovich Desnitsky: Russian Enlightener of the XVIII Century and His Doctrine of the State // State and Law: Evolution, Current State, Development Prospects (to the 25th Anniversary of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia). Proceedings of the XX International Scientific and Theoretical Conference. In 2 parts. St. Petersburg, 2023. P. 692–697.

7. Essays on the History of Philosophical and Socio-Political Thought of the Peoples of the USSR / Ed. by G.S. Vasetsky, M.T. Iovchuk, A.N. Maslin and others. Moscow, 1955. 540 p. (In Russian)

8. Rattur M.V. Politico-pravovye vozreniya S.E. Desnitskogo v kontekste identichnosti rossiyskoy gosudarstvennosti // Political and legal views of S.E. Desnitsky in the context of the identity of Russian statehood. 2026. № 1. P. 30–36.

9. Barkalov O.V. Pravovaya doktrina russkogo Prosveshcheniya XVIII veka // Legal doctrine of the Russian Enlightenment of the XVIII century. 2017. № 3(95). P. 13–17.

10. Uporov I.V. Death Penalty as a Criminal Sin and as a Punishment in the Reasoning of S.E. Desnitsky (1770) // Notes of a Scientist. 2021. № 13. P. 527–530.

Ó Дышеков М.В., Бецуков А.А., 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 1. – С. 132–138.
Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026; (3):132–138.

Юриспруденция
Научная статья
УДК 343.2/7

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОСОБОЙ ЖЕСТОКОСТИ И СМЕЖНЫХ КОНКУРИРУЮЩИХ КАТЕГОРИЙ

Иван Сергеевич Улезько[1], Александра Александровна Волова[2]
[1,2]Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия
[1]ulezko4@gmail.com
[2]sashhavvol@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится комплексный межотраслевой анализ категории «особая жестокость» как квалифицирующего признака убийства (п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ) через призму ее соотнесения со смежными и конкурирующими криминологическими и уголовно-правовыми понятиями: пыткой, истязанием, мучением, издевательством, глумлением, садизмом. Авторы выявляют как точки пересечения и взаимного усиления этих понятий, так и принципиальные различия в их юридическом содержании, элементах составов преступлений и функциях в уголовном законе. Особое внимание уделяется проблемам квалификационной конкуренции, когда одни и те же действия виновного могут одновременно образовывать признаки как особой жестокости, так и иных составов (например, истязания). Делается вывод о необходимости системного, многофакторного подхода при оценке жестокости в уголовном праве, учитывающего как объективные проявления насилия, так и глубокие субъективные мотивационные механизмы.

Ключевые слова: особая жестокость, пытка, истязание, мучение, издевательство, глумление, садизм, квалификация преступлений, конкуренция норм, умысел

***Для цитирования*:** Улезько И.С., Волова А.А. Взаимосвязь особой жестокости и смежных конкурирующих категорий // Вестник СКФО: Право и экономика. 2026. № 1. С. 132–138.

Jurisprudence
Originak article

INTERRELATION OF SPECIAL CRUELTY WITH RELATED AND COMPETING CATEGORIES

Ivan S. Ulezko[1], Aleksandra A. Volova[2]
[1,2]Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russian
[1]ulezko4@gmail.com
[2]sashhavvol@yandex.ru

Annotation. The article provides a comprehensive interdisciplinary analysis of the category of "special cruelty" as a qualifying feature of murder (clause "d", part 2, article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation) through the prism of its correlation with related and competing criminological and criminal legal concepts: torture, torment, suffering, abuse, mockery, sadism. The authors identify both points of intersection and mutual reinforcement of these concepts and fundamental differences in their legal content, elements of crimes, and functions in criminal law. Special attention is paid to the problems of qualification competition, when the same actions of the perpetrator can simultaneously form signs of both special cruelty and other offenses (for example, torment). The conclusion is made about the need for a systematic, multifactorial approach in assessing cruelty in criminal law, taking into account both objective manifestations of violence and deep subjective motivational mechanisms.

Keywords: special cruelty, torture, torment, suffering, abuse, mockery, sadism, qualification of crimes, competition of norms, intent

For citation: Ulezko I.S., Volova A.A. Interrelation of special cruelty with related and competing categories // Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026; (1):133–138.

Введение. В сложной и многогранной системе уголовного права категория «особая жестокость» представляет собой один из наиболее дискуссионных и емких признаков, влияющих на квалификацию преступлений и степень вины. Её оценка, как правило, требует глубокого анализа не только объективных обстоятельств деяния, но и субъективных мотивов его совершения. Однако на практике именно чёткое определение границ «особой жестокости» зачастую становится камнем преткновения, порождая неоднозначность в правоприменении.

Это обусловлено её тесной связью со множеством смежных и, на первый взгляд, конкурирующих понятий, таких как пытка, истязание, мучение, издевательство, глумление и садизм.

Эти термины, хотя и описывают схожие по своей природе насильственные действия, обладают собственным специфическим содержанием и правовым оттенком. Пытка, например, подразумевает причинение сильной физической или психической боли с определённой целью, часто государственной или иной публичной. Истязание же, как правило, связано с длительным системным причинением страданий. Мучение, издевательство и глумление, в свою очередь, акцентируют внимание на унижении человеческого достоинства и причинении страданий, не всегда обязательно физических. Садизм же как психологическое понятие описывает получение удовольствия от причинения боли.

Без глубокого осмысления диалектической связи и различий между «особой жестокостью» и этими понятиями невозможно достигнуть единообразного и справедливого правоприменения. Данное исследование призвано осветить эту сложную проблематику, проанализировать общие черты и отличия, выявить критерии, позволяющие отграничить одно понятие от другого, и в конечном итоге способствовать более точному пониманию и применению норм уголовного законодательства, касающихся особо тяжких форм насилия.

Цель исследования – построение концептуальной модели взаимосвязи категории особой жестокости и смежных понятияй, выявление их системообразующих признаков, зон перекрытия и принципиальных различий для формирования последовательных критериев правоприменения.

Методы исследования. Методологической основой исследования служат современные теории уголовного права, криминологии, психологии и социологии, позволяющие всесторонне исследовать феномен насилия и его наиболее тяжкие проявления. Особое внимание будет уделено изучению судебной практики (как российской, так и зарубежной), которая служит индикатором правильного применения норм права и формирования единообразия в правоприменении. В процессе исследования авторами последовательно использовались: сравнительно-правовой анализ, системный подход, формально-юридический метод, психологический анализ, методы индукции и дедукции.

Результаты и обсуждение. Понятие «особая жестокость», используемое законодателем в качестве квалифицирующего признака ряда преступлений против жизни и здоровья, не существует в правовом вакууме. Оно тесно переплетается с рядом иных понятий, часть из которых закреплена в уголовном законе в качестве самостоятельных составов преступлений (пытка, истязание), а часть выступает как оценочные криминологические или криминалистические характеристики поведения виновного (мучение, издевательство, глумление, садизм). Эта смысловая и юридическая близость создает на практике значительные трудности при квалификации, приводя либо к расширительному толкованию особой жестокости, либо к ошибкам в разграничении смежных составов. Вопрос о том, является ли, например, «истязание» обязательным элементом особой жестокости или конкурирующим с ней самостоятельным составом, требует четкого доктринального разрешения.

Наиболее тесная и проблемная взаимосвязь существует между особой жестокостью и составами преступлений, предусмотренных ст. 117 ч. 2 п. «д», ответственностью за истязание с применением пытки; ч. 2 ст. 302 УК РФ, устанавливающей ответственность за принуждение к даче с применением насилия, издевательств или пытки; ч. 5 ст. 286, которая предусматривает ответственность за пытки, совершённые сотрудниками правоохранительных органов и должностными лицами.

Пытку (в уголовно-процессуальном контексте) и истязание (в общеуголовном) объединяет систематическое причинение физических или психических страданий. Ключевые различия лежат в субъекте, цели и систематичности. Истязание – это причинение страданий путем систематического нанесения побоев или иными насильственными действиями, но без цели, характерной для пытки. Пытка – это любое действие (бездействие), которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание (физическое или нравственное) с целью получения сведений или признаний, наказания, запугивания, принуждения или по любой причине, основанной на дискриминации.

Особая жестокость при убийстве может включать в себя действия, подпадающие под признаки истязания или пытки, но с двумя принципиальными оговорками: 1) эти действия являются эпизодом, предшествующим или сопутствующим лишению жизни, а не самостоятельной, длящейся формой поведения; 2) их цель или результат

интегрированы в единый умысел на убийство, усиленный желанием причинить особые мучения [1].

Таким образом, если виновный сначала систематически истязал жертву в течение длительного времени, а затем совершил убийство, содеянное требует квалификации по совокупности преступлений (ст. 117 и п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ), так как налицо два самостоятельных умысла и две различные группы общественных отношений. Если же действия, носящие характер пытки или истязания (например, многочасовые избиения, причинение ожогов), были непосредственно способом лишения жизни и не имели самостоятельного, оторванного от убийства протяженного характера, они полностью поглощаются признаком особой жестокости [2].

Понятия «мучение», «издевательство» и «глумление» не имеют в УК РФ статуса самостоятельных составов, но являются важными описательными элементами, раскрывающими содержание объективной стороны особой жестокости [3].

Мучение акцентирует внимание на причинении продолжительной физической боли и страданий.

Издевательство и глумление подчеркивают психический, унизительный аспект: унижение достоинства жертвы, насмешки, моральное терзание, совершение действий, цинично попирающих общепринятые нормы морали и нравственности (например, глумление над телом).

Эти понятия конкретизируют, каким именно образом виновный причиняет те самые особые физические или психические страдания, которые требуются для вменения п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Их наличие является ярким индикатором особой жестокости, но они всегда выступают в связке с основным последствием – смертью потерпевшего.

Садизм (садистские побуждения) – это не объективный способ действия, а особая субъективная мотивация, психологическая склонность получать удовольствие от причинения страданий и унижения другого лица. В УК РФ садистские побуждения указаны в качестве квалифицирующего признака для истязания (п. «д» ч. 2 ст. 117). Однако садизм может быть и мотивом убийства, совершенного с особой жестокостью.

В этом случае возникает конкуренция части и целого. Сами по себе садистские побуждения не образуют самостоятельного квалифицирующего признака убийства. Но если они реализуются в действиях, причиняющих особые страдания, то становятся внутренним содержа-

нием, движущей силой особой жестокости. Установление садистского мотива является для правоприменителя наиболее веским доказательством того, что виновный действовал заведомо, осознавая и желая причинить именно мучения (субъективный критерий особой жестокости). Таким образом, садизм не конкурирует с особой жестокостью, а обогащает и объясняет ее субъективную сторону.

На практике часто возникает ситуация, когда одни и те же действия виновного формально содержат признаки нескольких указанных категорий. Для правильной квалификации необходимо применять следующий алгоритм:

1. Установить основной непосредственный объект посягательства. Если это жизнь – ст. 105 УК РФ является основной.

2. Определить, носят ли действия, образующие пытку, истязание и т. д., самостоятельный характер или являются неотъемлемым способом лишения жизни. В первом случае – совокупность преступлений, во втором – поглощение признаком особой жестокости.

3. Выявить наличие или отсутствие систематичности. Длительное, растянутое во времени истязание, закончившееся убийством, – это совокупность. Интенсивные, но относительно краткосрочные мучения, непосредственно приведшие к смерти, – особая жестокость при убийстве.

4. Установить мотив и цель. Садистские побуждения, издевательство, глумление рассматриваются как проявления особой жестокости, а не как конкурирующие признаки.

Таким образом, взаимосвязь особой жестокости и таких категорий, как пытка, истязание, мучение, издевательство, глумление и садизм, носит сложный, многоуровневый характер. Эти понятия не являются синонимами, а образуют своеобразную понятийную иерархию, где «особая жестокость» выступает как наиболее широкое оценочно-правовое понятие, интегрирующее в себя объективные способы действия (мучение, издевательство) и субъективные мотивы (садизм). Пытка и истязание, в свою очередь, представляют собой самостоятельные юридические составы, которые могут либо предшествовать убийству (образуя совокупность), либо входить в способ его совершения (поглощаясь). Ключом к правильной квалификации служит анализ временной протяженности насилия, единства/множественности умысла и структуры мотивации. Правоприменителю необходимо избегать формального подхода и оценивать поведение виновного целостно, т. е. как единый комплекс действий, направленных на лишение жизни через

причинение максимальных страданий, где смежные понятия лишь детализируют этот криминальный сценарий. Дальнейшее совершенствование практики видится в более активном использовании комплексных судебно-психологических и психолого-психиатрических экспертиз для установления истинной мотивации и характера взаимоотношений виновного и потерпевшего.

Список источников

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412 (дата обращения 19.01.2026).

2. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под общей редакцией А.И. Бастрыкина / под науч. ред. А.И. Чучаева. М.: Юрайт, 2025. 468 с.

3. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / отв. ред. И.А. Подройкина, Е.В. Серегина, С.И. Улезько. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025. 556 с.

List of sources

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 27, 1999, No. 1 "On Judicial Practice in Cases of Murder (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation)" [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412 (accessed 19.01.2026).

2. Criminal Law. Special Part: Textbook for Universities / ed. by A.I. Bastrykin; ed. by A.I. Chuchaev. M.: Yurait, 2025. 468 p.

3. Criminal Law. Special part: textbook for universities / responsible editors I.A. Podroikina, E.V. Seregina, S.I. Ulezko. 6th ed., revised and add. M.: Yurait, 2025. 556 p.

Ó Улезько И.С., Волова А.А., 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 1. – С. 139–144.
Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. *2026; (3):139–144.*

Юриспруденция
Научная статья
УДК 343.9

СУЩНОСТЬ МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА: СТРУКТУРА, ПРОТИВОРЕЧИЯ И ОТГРАНИЧЕНИЕ

Сергей Иванович Улезько[1], Вячеслав Константинович Длужицкий[2]
[1,2]Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону
[1]ulezko4@gmail.com
[2]sampa82@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется сущность молодежного экстремизма как комплексного социально-политического и правового явления. Анализируются его фундаментальные характеристики: идеологическая основа, базирующаяся на радикальном отрицании сложившегося социального порядка; возрастная и социально-психологическая специфика субъекта; а также основные формы проявления – от идеологической пропаганды до насильственных действий. Особое внимание уделяется ключевым признакам, отличающим молодежный экстремизм от иных форм девиантного поведения и политической активности (взрослого экстремизма, радикализма, хулиганства), а также внутренним противоречиям, присущим этому феномену. Делается вывод о двойственной природе молодежного экстремизма, который выступает одновременно как симптом глубоких социальных дисфункций и как самостоятельный деструктивный фактор, угрожающий общественной безопасности и целостности.

Ключевые слова: молодежный экстремизм, сущность, радикальная идеология, социальный протест, деструктивная активность, насилие, отграничение

***Для цитирования*:** Улезько С.И., Длужицкий В.К. Сущность молодежного экстремизма: структура, противоречия и отграничение // Вестник СКФО: Право и экономика. 2026. № 1. С. 139–144.

Jurisprudence
Originak article

THE ESSENCE OF YOUTH EXTREMISM: STRUCTURE, CONTRADICTIONS AND DIFFERENTIATION

Sergey I. Ulezko[1], Vyacheslav K. Dluzhitsky[2]
[1,2]Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russian
[1]ulezko4@gmail.com
[2]sampa82@mail.ru

Annotation. The article examines the essence of youth extremism as a complex socio-political and legal phenomenon. Its fundamental characteristics are analyzed: the ideological basis based on the radical denial of the established social order; the age and socio-psychological specificity of the subject; as well as the main forms of manifestation – from ideological propaganda to violent actions. Special attention is paid to the key features that distinguish youth extremism from other forms of deviant behavior and political activity (adult extremism, radicalism, hooliganism), as well as the internal contradictions inherent in this phenomenon. The conclusion is made about the dual nature of youth extremism, which acts both as a symptom of deep social dysfunctions and as an independent destructive factor threatening public safety and integrity.

Keywords: youth extremism, essence, radical ideology, social protest, destructive activity, violence, differentiation

For citation: Ulezko S.I., Dluzhitsky V.K. The essence of youth extremism: structure, contradictions and differentiation// Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026; (1):140–144.

Введение. Молодежный экстремизм представляет собой одну из наиболее острых проблем современного общества, требующих глубокого теоретического осмысления. Его сущность, понимаемая как совокупность внутренних, устойчивых характеристик, определяющих природу явления, до сих пор является предметом научной дискуссии [1, с. 34]. Сложность анализа заключается в необходимости отграничения данного феномена от смежных понятий, таких как «взрослый» экстремизм, политический радикализм и обычное хулиганство. Актуальность исследования обусловлена потребностью в четких концеп-

туальных рамках для разработки эффективной государственной политики противодействия и профилактики.

Цель исследования – структурный анализ сущности молодежного экстремизма через призму ключевых компонентов понятия и выявление его двойственной социальной природы.

Методы исследования. Исследование феномена молодежного экстремизма требует комплексного применения разнообразных методологических подходов, позволяющих всесторонне охватить его сложность и многогранность. В процессе исследования авторы использовали следующие методы: структурный анализ, направленный на выявление ключевых компонентов экстремистской деятельности, их взаимосвязей и иерархии; анализ противоречий; сравнительный анализ и case study, социологические методы.

Результаты и дискуссия. Молодежный экстремизм представляет собой многогранное и динамично развивающееся явление, глубоко укорененное в социальных, психологических и идеологических процессах современности. Его сущность определяется не только деструктивным характером действий, но и сложной внутренней структурой, а также комплексом противоречий, которые одновременно питают его и ослабляют. Особое значение в исследовании данного феномена приобретает исследование его ключевых компонентов.

Прежде всего это идеологический компонент. Он составляет смысловое ядро молодежного экстремизма. Его основу образует упрощенная манихейская (черно-белая) идеология, предлагающая простое объяснение сложных социальных проблем через поиск и демонизацию «врага» – власти, иной этнической или религиозной группы, социального класса или абстрактной «системы» [2, с. 89].

Ключевыми чертами данной идеологии являются:

1. Абсолютизация одной идеи (националистической, религиозной, политической) и полная нетерпимость к идейному плюрализму.

2. Утверждение превосходства одной группы над другими, что служит основанием для дискриминации.

3. Оправдание насилия как единственно эффективного и морально оправданного средства борьбы для достижения «высших» целей [3, с. 112].

4. Отрицание легитимности существующих государственных институтов и правовых норм.

Важной особенностью является эклектичный и часто поверхностный характер этой идеологии в молодежной среде, где она выступает в большей степени как символ протеста и инструмент групповой идентификации, нежели как система глубоких убеждений.

Субъектный компонент сущности детерминирован возрастными и социально-психологическими особенностями. К ним относятся психологические черты молодого возраста: идеализм, максимализм, поиск идентичности, потребность в групповой принадлежности, склонность к риску и реакция эмансипации. Социальная база часто представлена маргинализированными или дезориентированными молодыми людьми, испытывающими чувство социальной несправедливости и бесперспективности. Мотивационный комплекс не сводится только к идеологии и включает компенсаторные (самоутверждение), протестные (бунт против норм) и даже экзистенциально-игровые мотивы (поиск острых ощущений, смысла) [4, с. 156].

Деятельностный компонент раскрывает сущность через формы активности. Действия выстраиваются в континуум: от вербальной агрессии и пропаганды → к символическим акциям (вандализм) → к прямым насильственным действиям (погромы, теракты). Для молодежного экстремизма характерны публичность и демонстративность, рассчитанные на медиарезонанс, а также групповой характер, где срабатывает механизм деиндивидуализации. В современном мире ключевым пространством деятельности стала цифровая среда, используемая для рекрутинга, координации и кибератак.

Четкое определение сущности требует отграничения молодежного экстремизма от смежных явлений. В отличие от «взрослого» экстремизма, он менее системен идеологически и более эмоционален. От молодежного радикализма его отличает обязательная ориентация на противоправные, насильственные действия, а не только на идейную непримиримость. От хулиганства и вандализма – наличие идеологической подоплеки и политически или социально мотивированной цели, а не просто желания нарушить общественный порядок [5, с. 72].

Внутренняя противоречивость явления раскрывает его двойственную природу. Существует фундаментальное противоречие между декларируемыми высокими целями («справедливость», «светлое будущее») и деструктивными методами их достижения. Кроме того, протест против системы сочетается со стремлением обрести тоталитарную по сути идентичность внутри экстремистской группы.

Таким образом, молодежный экстремизм выступает одновременно:

1. Как симптом – индикатор серьезных просчетов в социальной и молодежной политике, кризиса ценностей и институтов социализации.

2. Как самостоятельная угроза – источник насилия, напрямую подрывающий основы конституционного строя и общественную безопасность.

Заключение. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что сущность молодежного экстремизма заключается в радикальном социальном протесте, реализуемом специфической возрастной группой через призму упрощенной тоталитарной идеологии и выражающемся в широком спектре действий – от пропаганды до насилия, направленных на подрыв существующего общественного порядка. Его понимание невозможно без учета триады: идеология радикального отрицания, психология молодежного возраста и современные технологии коммуникации. Двойственная природа явления – одновременно симптом социальных болезней и самостоятельная угроза – предопределяет комплексный характер борьбы с ним. Эффективное противодействие не может сводиться исключительно к правовому преследованию, но должно быть нацелено на устранение глубинных социальных противоречий и предложение молодежи легитимных, конструктивных альтернатив для гражданского участия и самореализации. Только такой подход позволяет воздействовать не только на следствия, но и на коренные причины этого деструктивного феномена.

Список источников

1. Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. 376 с.

2. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. М.: Академический Проект, 2018. 528 с.

3. Ольшанский Д.В. Психология терроризма. СПб.: Питер, 2002. 288 с.

4. Клейберг Ю.А. Основы психологии девиантного поведения. М.: ИП Петросян, 2022. 446 с.

5. Самыгин П.С., Самыгин С.И., Кротов Д.В. Профилактика девиантного поведения молодежи: учебное пособие для вузов / под общ. ред. П.С. Самыгина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2023. 284 с.

List of sources

1. Drobizheva L.M. Social Problems of Interethnic Relations in Post-Soviet Russia. M.: Center for Universal Values, 2003. 376 p.

2. Giddens A. The Constitution of Society: An Outline of the Theory of Structuration. M.: Academic Project, 2018. 528 p.

3. Olshansky D.V. Psychology of Terrorism. St. Petersburg: Peter, 2002. 288 p.

4. Kleiberg Yu.A. Fundamentals of the Psychology of Deviant Behavior. M.: IP Petrosyan, 2022. 446 p.

5. Samygin P.S., Samygin S.I., Krotov D.V. Prevention of Deviant Behavior of Youth: Textbook for Universities / under the general editorship of P.S. Samygin. 2nd edition, revised and expanded. M.: Yurayt, 2023. 284 p.

Ó Улезько С.И., Длужицкий В.К., 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 1. – С. 145–149.
Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. *2026; (3):145–149.*

Юриспруденция
Научная статья
УДК 343

РАЗБОЙ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Сергей Иванович Улезько[1], Екатерина Валерьевна Макогонова[2]
[1]Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
[2]Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия
[1]litas2011@yandex.ru
[2]makogonova-yekaterina@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные тенденции и количественные показатели разбоя как одной из наиболее опасных форм хищения в современной России. Особое внимание уделяется анализу детерминант данного вида преступности, включая социально-экономические, правовые и криминологические факторы. На основе статистических данных и теоретических подходов исследуются особенности генезиса разбойных нападений, их связь с другими видами преступлений, а также трансформация способов совершения под влиянием технологий. Делается вывод о необходимости комплексного подхода к противодействию, сочетающего правовые, профилактические и социальные меры.

Ключевые слова: разбой, преступность, детерминанты, насилие, хищение, статистика, предупреждение преступлений

***Для цитирования*:** Улезько С.И., Макогонова Е.В. Разбой: уголовно-правовой и криминологический анализ // Вестник СКФО: Право и экономика. 2026. № 1. С. 145–149.

Jurisprudence
Originak article

ROBBERY: CRIMINAL-LEGAL AND CRIMINOLOGICAL ANALYSIS

Sergey I. Ulezko[1], Ekaterina V. Makogonova[2]
[1]Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russia
[2]Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russian
[1]litas2011@yandex.ru
[2]makogonova-yekaterina@yandex.ru

Annotation. The article examines current trends and quantitative indicators of robberies as one of the most dangerous forms of theft in modern Russia. Special attention is paid to the analysis of the determinants of this type of crime, including socio-economic, legal, and criminological factors. Based on statistical data and theoretical approaches, the genesis of robberies, their connection with other types of crimes, and the transformation of modus operandi under the influence of technology are studied. The conclusion is made about the need for a comprehensive approach to counteraction, combining legal, preventive, and social measures.

Keywords: robbery, crime, determinants, violence, theft, statistics, crime prevention

For citation: Ulezko S. I., Makogonova E. V. Robbery: criminal-legal and criminological analysis // Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026; (1):146–149.

Введение. Разбой (ст. 162 УК РФ) традиционно занимает особое место в структуре тяжких и особо тяжких преступлений против собственности. Его повышенная общественная опасность обусловлена сочетанием корыстной цели с непосредственным применением или угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевшего. Изучение современного состояния разбоев, их количественной динамики, структурных характеристик и, что наиболее важно, детерминант (причинно-следственных комплексов) является актуальной задачей юридической науки и правоприменительной практики.

Цель исследования – на основе изучения и анализа действующего законодательства, статистических данных и теоретических подходов раскрыть особенности генезиса разбойных нападений, взаимосвязь с другими видами преступлений, а также влияние технологий на способы их совершения.

Методы исследования. Основу исследования составили общенаучные положения диалектического материализма, на базе которого использовались общенаучные и частные методы познания (системно-структурный анализ, сравнительный, формально-логический, статистический социологический и т. д.).

Результаты и дискуссия. Эффективная разработка стратегий противодействия невозможна без глубокого понимания факторов, порождающих и стимулирующих данный вид преступности в конкретных социально-исторических условиях. Согласно официальным данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в последние годы наблюдается устойчивая тенденция к снижению числа зарегистрированных разбоев. Однако эта положительная динамика требует критического осмысления. Во-первых, уровень латентности разбоев остается высоким, особенно в случаях, когда потерпевшие не заинтересованы обращаться в правоохранительные органы (например, при совершении преступления в маргинальной среде). Во-вторых, произошла качественная трансформация: на смену уличным «классическим» разбоям все чаще приходят более организованные и изощренные формы. К ним можно отнести разбойные нападения на инкассаторов, сотрудников ювелирных магазинов, а также киберразбои, связанные с хищением денежных средств с применением насилия для получения информации (например, пин-кодов от карт) [1, с. 112].

Структурно отмечается рост доли разбоев, совершаемых с использованием оружия или предметов в качестве оружия. Также актуальной проблемой остается совершение разбоев группами лиц по предварительному сговору, что повышает их общественную опасность и затрудняет раскрытие.

Детерминанты разбоев носят комплексный, системный характер и могут быть классифицированы на несколько групп.

Социально-экономические факторы остаются фундаментальными. К ним относятся: имущественное расслоение общества, бедность и социальное неравенство; безработица, особенно среди молодежи; деформация потребительских стандартов в условиях культа материального

успеха. Эти условия создают питательную среду для формирования корыстно-насильственной мотивации [2, с. 78].

Правовые и криминальные факторы включают в себя: недостатки в деятельности правоохранительных органов по профилактике и раскрытию преступлений против собственности; наличие устойчивых криминальных групп, специализирующихся на разбоях; взаимосвязь разбоев с другими видами преступности (наркобизнес, незаконный оборот оружия). Нередко разбой является способом «быстрого заработка» для лиц, уже вовлеченных в криминальную среду [3, с. 23].

Социально-психологические и ситуационные факторы: распространение алкогольной и наркотической зависимости, снижающей уровень самоконтроля; агрессивизация общества; виктимное поведение потерпевших (демонстрация ценностей, нахождение в ночное время в безлюдных местах в состоянии опьянения); конфликтные ситуации, трансформирующиеся в корыстно-насильственные действия.

Технологические факторы: развитие цифровых технологий породило новые формы разбоев, где насилие применяется не в момент завладения имуществом, а для принуждения к его электронной передаче. Это усложняет квалификацию и требует адаптации следственной практики [4, с. 56].

Борьба с разбоями не может сводиться только к ужесточению уголовной репрессии (которая и так является значительной по ст. 162 УК РФ). Необходима система мер, воздействующих на детерминанты:

1. *Общесоциальный уровень* – повышение уровня жизни, реализация программ поддержки занятости, особенно в депрессивных регионах и среди молодежи.

2. *Специально-криминологический уровень* – совершенствование оперативно-розыскной деятельности, усиление контроля за оборотом оружия и средств самообороны, повышение эффективности охраны объектов, подверженных риску нападения.

3. *Виктимологическая профилактика* – информирование населения о мерах безопасности, минимизация ситуаций, способствующих совершению разбоев.

4. *Правовое совершенствование* – уточнение диспозиции ст. 162 УК РФ в части квалификации новых способов совершения разбоя с использованием цифровых технологий.

Заключение. Современное состояние разбоев характеризуется не только снижением абсолютных цифр, но и качественным усложнением,

сращиванием с новыми технологиями и организованными формами преступности. Основные детерминанты лежат в плоскости социально-экономических противоречий, правовых пробелов и криминальной субкультуры. Успешное противодействие данному виду преступности возможно только на основе комплексного подхода, сочетающего социальную политику, направленную на снижение базовых причин, эффективную работу правоохранительных органов по всем звеньям и активную виктимологическую профилактику. Дальнейшие исследования должны быть сосредоточены на криминологическом анализе новых, высокотехнологичных форм разбойных нападений и разработке адекватных правовых механизмов их пресечения.

Список источников

1. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности: (экономические преступления). СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 369 с.

2. Иншаков С.М. Зарубежная криминология. М.: Юриспруденция, 2003. 376 с.

3. Антонян Ю.М. Криминология: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2025. 388 с.

4. Долгова А.И. Криминология: учебник для вузов. М.: Юнити-Дана, Закон и право, 2013. 1008 с.

List of sources

1. Volzhenkin B.V. Crimes in the Sphere of Economic Activity: (Economic Crimes). St. Petersburg: Juridical Center Press, 2002. 369 p.

2. Inshakov S.M. Foreign Criminology. Moscow: Jurisprudence, 2003. 376 p.

3. Antonyan Yu.M. Criminology: Textbook for Universities. Moscow: Yurait, 2025. 388 p.

4. Dolgova A.I. Criminology: Textbook for Universities. Moscow: UNITY-DANA, Law and Right, 2013. 1008 p.

Ó Улезько С.И., Макогонова Е.В., 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 1. – С. 150–155.
Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026; (3):150–155.

Юриспруденция
Научная статья
УДК 343.2/.7

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВАНДАЛИЗМ В РОССИИ

Сергей Иванович Улезько[1], Никита Юрьевич Окишев[2]
[1,2]Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия
[1]ulezko4@gmail.com
[2]nikas9595@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные этапы развития и трансформации уголовной ответственности за вандализм в российском законодательстве. Особое внимание уделяется аспектам, связанным с формированием самостоятельного состава преступления «вандализм» (ст. 214 УК РФ), выделением его из смежных составов (хулиганства, повреждения имущества) и последующими изменениями, отражающими социальные вызовы и судебную практику. Акцентируется значимость понимания юридической природы вандализма как деяния, посягающего не только на имущество, но и на общественный порядок и нравственность; а также выявления закономерностей его криминализации в зависимости от трансформации охраняемых социальных ценностей.

Ключевые слова: вандализм, история уголовного права, уголовная ответственность, общественная нравственность, эволюция состава, публичное имущество

Для цитирования: Улезько С.И., Окишев Н.Ю. История развития уголовной ответственности за вандализм в России // Вестник СКФО: право и экономика. 2026. № 1. С. 150–155.

Jurisprudence
Originak article

HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF CRIMINAL LIABILITY FOR VANDALISM IN RUSSIA

Sergey I. Ulezko[1], Nikita Yu. Okishev[2],
[1,2] Rostov State University of Economics (RINH) Rostov-on-Don, Russian
[1]ulezko4@gmail.com
[2]nikas9595@mail.ru

Annotation. The article examines the main stages of the development and transformation of criminal liability for vandalism in Russian legislation. Special attention is paid to the aspects related to the formation of an independent crime of vandalism (Article 214 of the Criminal Code of the Russian Federation), its separation from related crimes (hooliganism, damage to property), and subsequent changes that reflect social challenges and judicial practice. The article emphasizes the importance of understanding the legal nature of vandalism as an act that infringes not only on property, but also on public order and morality, as well as identifying the patterns of its criminalization depending on the transformation of protected social values.

Keywords: vandalism, history of criminal law, criminal liability, public morality, evolution of corpus delicti, public property

For citation: Ulezko I.S., Okishev N.Y. History of the development of criminal liability for vandalism in Russia // Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026; (1):151–155.

Введение. Понятие «вандализм», восходящее к имени германского племени вандалов, вошло в правовой лексикон как синоним бессмысленного уничтожения культурных и материальных ценностей относительно недавно. Историческое развитие норм об ответственности за подобные деяния в России представляет собой наглядный пример эволюции охраняемых социальных ценностей: от религиозных чувств и авторитета власти к общественному порядку и социалистической собственности, а затем – к общественной нравственности и эстетике городской среды. Изучение этой истории не только имеет самостоятельную научную ценность, но и позволяет глубже понять специфику

современного состава ст. 214 УК РФ, причины его выделения из смежных правонарушений и стоящие перед правоприменением проблемы.

Цель исследования – системный анализ основных этапов формирования и трансформации уголовной ответственности за вандализм в российском законодательстве.

Методы исследования. Основой исследования послужила материалистическая диалектика, рассматривающая все явления общественной действительности в их взаимосвязи, взаимодействии и развитии. В процессе исследования были использованы следующие методы: динамический, системно-структурный, исторический, сравнительно-правовой, контекст-анализ документов, содержащих информацию об актах вандализма.

Результаты и дискуссия. В средневековом русском праве (Русская Правда, Судебники) отдельного состава, аналогичного вандализму, не существовало. Ответственность за порчу имущества носила преимущественно гражданско-правовой, деликтный характер и сводилась к возмещению причиненного ущерба. Однако святотатственные действия (осквернение икон, храмов) жестоко карались как преступления против веры, что указывает на первостепенную охрану религиозных ценностей.

Соборное уложение 1649 года ознаменовало появление норм, охраняющих «общественное благочиние». Статьи о «богохульстве» и «церковной татьбе» (краже, сопряженной с осквернением), а также о «бесчинстве» или «буйстве», сопровождавшемся повреждением имущества, можно считать прообразом будущей уголовной ответственности за вандализм [1, с. 178]. Акцент делался на защите государственной религии и общественного спокойствия.

Дальнейшая кодификация и детализация произошла в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (ред. 1885 г.). Ответственность была структурирована: глава «О преступлениях против веры» предусматривала суровые наказания за «кощунство» и осквернение мест богослужения, а глава «О нарушении постановлений для ограждения общественного благоустройства и благочиния» – за повреждение публичных памятников, зданий и «учинение неприличного бесчинства» [2, с. 203]. Ключевой чертой стало осознание связи таких деяний с нарушением общественного порядка, а не только

с имущественным вредом [3, с. 203]. Уголовное уложение 1903 года продолжило эту линию, систематизировав нормы о повреждении имущества, имеющего публичное значение, что свидетельствовало о выделении деяния в преступление против общественного интереса.

В раннесоветских уголовных кодексах (УК РСФСР 1922, 1926 гг.) концепция «вандализма» как самостоятельного преступления отсутствовала. Основной формой борьбы с асоциальными проявлениями в общественных местах являлась статья о хулиганстве, которая могла охватывать и акты осквернения или порчи. Отдельно с повышенной строгостью охранялась социалистическая (общественная и государственная) собственность от повреждений.

УК РСФСР 1960 года консолидировал этот подход: хулиганство (ст. 206) оставалось основным «собирательным» составом для уличных бесчинств, а порча имущества квалифицировалась в зависимости от формы собственности (ст. 98 и 149) и размера ущерба, без специального акцента на публичность или нравственный аспект. Однако правоприменительная практика постепенно выявила пробел: многие деяния, подрывавшие общественную нравственность и благоустройство, но не являвшиеся грубым хулиганством и не причинявшие значительного имущественного ущерба, оставались вне уголовно-правовой репрессии либо искусственно подводились под иные составы.

Социально-правовые реалии 1990-х годов (рост асоциальных явлений, распространение граффити, массовые повреждения общественного транспорта и памятников) остро поставили вопрос о необходимости специальной нормы. Ответом стало введение ст. 214 «Вандализм» в Уголовный кодекс РФ 1996 года, вступивший в силу в 1997 году. Это явилось принципиально новым шагом:

- объектом преступления была определена общественная нравственность;

- объективная сторона закрепила альтернативные действия – осквернение (вводящее нравственный критерий) и порча имущества в общественных местах или на транспорте, объединенные признаком публичности [4, с. 90].

Данная конструкция позволила криминализировать массовые, но не всегда опасные в классическом хулиганском смысле, посягательства на общественное пространство. Последующая эволюция статьи (введение квалифицирующего признака «группой лиц») и судебное

толкование, особенно Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 № 45, способствовали единообразию практики. Современные проблемы применения ст. 214 УК РФ связаны с расширительным толкованием «осквернения», включением в него политических и экстремистских надписей (граница со ст. 282 УК РФ), сложностью разграничения с легальным стрит-артом и появлением новых форм, таких как кибервандализм.

Заключение. Исторический путь уголовной ответственности за вандализм в России демонстрирует четкую эволюцию охраняемого социального блага: от сакрального (религия) через государственное (порядок и собственность) к социально-психологическому (общественная нравственность и эстетика среды). Выделение самостоятельного состава «вандализм» в УК РФ 1996 года стало закономерным и адекватным ответом правовой системы на новые социальные вызовы, позволив более точно и дифференцированно подходить к квалификации посягательств на публичное пространство. Дальнейшее развитие нормы будет зависеть от способности уголовного права гибко реагировать на новые формы девиантного поведения (цифровые, идеологические), сохраняя при этом четкие границы с административными правонарушениями и смежными преступлениями. История ответственности за вандализм служит ярким свидетельством того, как уголовное право адаптируется к меняющимся общественным ценностям и представлениям о допустимом в публичной сфере.

Список источников

1. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М.: Юрайт, 2025. 653 с.

2. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века. М.: Юридическая литература, 1988. 432 с.

3. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая: в 2 т. М.: Наука,1994. Т. 1. 818 с.

4. Подройкина И.А. и др. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / отв. ред. И.А. Подройкина, Е.В. Серегина, С.И. Улезько. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025. 556 с.

List of sources

1. Vladimirsky-Budanov M.F. Overview of the History of Russian Law. M.: Yurayt Publishing House, 2025. 653 p.

2. Russian Legislation of the 10th-20th Centuries: In 9 Volumes. Vol. 6: Legislation of the First Half of the 19th Century. M.: Yuridicheskaya Literatura, 1988. 432 p.

3. Tagantsev N.S. Russian Criminal Law. Lectures. Part General: in 2 vol. M.: Nauka, 1994. Vol. 1. 818 p.

4. Criminal Law. Special Part : textbook for universities / responsible editors I.A. Podroikina, E.V. Seregina, S.I. Ulezko. 6th ed., revised. and added. M.: Yurayt Publishing House, 2025. 556 p.

Ó Улезько С.И., Окишев Н.Ю., 2026

Вестник СКФО: Право и экономика. – 2026. – № 1. – С. 156–161.
Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026; (3):156–161.

Юриспруденция
Научная статья
УДК 335

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ ВОЕННЫХ САНКЦИЙ: ОТ ТОТАЛЬНОЙ БЛОКАДЫ К «КИБЕРОРУЖИЮ» И ОПЕРАЦИЯМ ПО ПРИНУЖДЕНИЮ К МИРУ

Даниял Казимович Эттеев
Российский государственный университет правосудия (РГУП) имени В.М. Лебедева, Москва, Россия, daniyal_977@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается эволюция форм военных санкций в контексте трансформации международных отношений и средств ведения вооруженной борьбы. Делается вывод о формировании новой парадигмы санкционного воздействия, основанной на технологизации военных конфликтов и постепенном смещении акцента с физического разрушения на системную дестабилизацию инфраструктуры и управления.

Ключевые слова: международное право, военные санкции, принуждение к миру, блокада, международная безопасность, гибридная война

Для цитирования: Этеев Д.К. Эволюция форм военных санкций: от тотальной блокады к кибероружию и операциям по принуждению к миру // Вестник СКФО: Право и экономика. 2026. № 1. С. 156–161.

Jurisprudence
Originak article

EVOLUTION OF FORMS OF MILITARY SANCTIONS: FROM TOTAL BLOCKADE TO "CYBERWEAPONS" AND PEACE-ENFORCEMENT OPERATIONS

Daniyal K. Etteev
Russian State University of Justice (RSUP) named after V.M. Lebedev, Moscow, Russia, daniyal_977@bk.ru

Annotation. The article examines the evolution of forms of military sanctions in the context of the transformation of international relations and means of armed struggle. It is concluded that a new paradigm of sanctions is being formed, based on the technologicalization of military conflicts and the gradual shift from physical destruction to the systemic destabilization of infrastructure and management.

Keywords: international law, military sanctions, peace enforcement, blockade, international security, hybrid war

For citation: D.K. Etteev Evolution of forms of military sanctions: from total blockade to "cyberweap-ons" and peace-enforcement operations // Bulletin of the North Caucasus Federal District: Law and Economics. 2026; (1):156–161.

Введение. Проблема военных санкций занимает особое место в теории международного права, поскольку отражает соотношение силы и права в системе международных отношений. Санкции исторически выступали в качестве инструмента давления на государство, являющееся нарушителем международных обязательств, чем существенно ограничивали его экономическую и политическую независимость [1]. Вместе с тем, формы и методы их реализации существенно изменялись. Так, уже в XXI веке наблюдалась качественная трансформация санкционных механизмов.

Цель исследования заключается в проведении системного научного осмысления генезиса и трансформации институтов военных санкций и операций, осуществляемых под концептуальной эгидой «принуждения к миру», в условиях современных изменений парадигм международно-правового регулирования и глобальной безопасности.

Материалы и методы. В ходе научного изыскания был проведён анализ существующих теоретических и экспериментальных работ, затрагивающих данную проблему, а также осуществлён обзор действующей нормативно-правовой базы, регламентирующей исследуемую сферу.

В рамках данного исследования был применён комплекс методических подходов, включающий аналитический, описательный и сравнительный методы.

Результаты и дискуссия. В доктрине международного права военные санкции анализируются как особый вид принудительных мер. Так, Т.Ж. Зейнешев, Г.А. Машимбаева, классифицируя виды санкций в международном праве, подчеркивают, что военные санкции могут

варьироваться от тщательно спланированных ударов по военному потенциалу государства до менее агрессивных форм, таких как эмбарго на поставки вооружений и военной техники [2]. Дополняя данный подход, Э.В. Джалилов и З.А. Тохаева рассматривают санкции в более широком экономико-политическом контексте, отмечая их влияние на структурные преобразования национальной экономики, включая процессы импортозамещения [3]. Их исследование подтверждает междисциплинарный характер санкционного механизма и взаимосвязь военных и экономических форм давления.

Во второй половине XX века происходит переход от тотальных форм воздействия к более дифференцированным механизмам давления.

Концепция «принуждения к миру» получает развитие как в практике международных организаций, так и в деятельности отдельных государств. Формально соответствующие операции обосновываются необходимостью прекращения вооружённого конфликта либо предотвращения гуманитарной катастрофы.

Отметим, что характерной особенностью современного этапа выступает институционализация санкционных режимов, а также возрастание роли международных организаций в их формировании и легитимации. Вместе с тем усиливается проблема политизации санкций и их использования вне универсальных процедур коллективной безопасности, предусмотренных Уставом ООН [4]. Доктринальное осмысление категории «принуждение к миру» во многом связано с программным докладом Генерального секретаря ООН Б. Бутрос-Гали «Повестка дня для мира» (1992) и последующим Дополнением к нему (1995), в которых была концептуализирована возможность применения как правовых, экономических, финансовых и других невоенных санкций, так и исключительно военных мер для прекращения межгосударственных и внутригосударственных конфликтов.

Н.И. Безлепкин и В.И. Бажуков предлагают рассматривать войну в определённых условиях как средство принуждения к миру, акцентируя внимание на диалектической взаимосвязи войны и мира в современных международных отношениях. В их интерпретации принуждение к миру может включать как санкционные, так и силовые инструменты воздействия, если они направлены на прекращение конфликта и устранение угрозы международной безопасности [5].

Начало XXI века ознаменовано принципиально новым этапом эволюции военных санкций, связанным с цифровизацией междуна-

родных отношений. Киберпространство стало самостоятельной сферой противоборства, в которой возможны действия, сопоставимые по последствиям с применением традиционного оружия. Кибератаки на объекты критической инфраструктуры, системы управления, финансовые и энергетические сети способны вызвать дестабилизацию без физического вторжения на территорию государства. Рост количества атак на промышленную и иную критическую инфраструктуру обусловил формирование специального нормативного массива, направленного на защиту критической информационной инфраструктуры (далее – КИИ). Как отмечает Х.А. Аккаева, кибератаки на объекты КИИ представляют повышенную общественную опасность ввиду того, что перебои в их функционировании способны создать угрозу жизни и здоровью населения, а также подорвать основы экономической и государственной безопасности [6]. В ответ на рост подобных угроз в РФ был принят Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» [7], которым были закреплены правовые и организационные основы обеспечения безопасности КИИ. Дополнительные гарантии были введены посредством изменения уголовного законодательства и добавления соответствующей статьи в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) [8]. Кроме указанных моментов, следует отметить, что в настоящее время в мировом пространстве формируется феномен кибероружия как инструмента стратегического сдерживания и давления. Его применение позволяет государствам воздействовать на противника в рамках концепции управляемой эскалации, минимизируя риск прямого военного столкновения.

Современные операции по принуждению к миру представляют собой синтез военных и невоенных инструментов воздействия, которые включают в себя ограниченное применение силы, установление беспилотных зон, демонстрацию военного присутствия, морское патрулирование, а также установление параллельных экономических и информационных мер.

Особенность данной формы состоит в её нормативной двойственности. С одной стороны, такие операции декларируются как направленные на поддержание международной безопасности и предотвращение эскалации конфликта. Вместе с тем они могут также служить и инструментом геополитического давления и перераспределения сфер влияния. Таким образом, операция по принуждению к миру

становится промежуточной формой между классической войной и санкционным режимом, отражая тенденцию к гибридизации международных конфликтов.

Выводы. В перспективе формирование устойчивого международного порядка требует разработки универсальных норм, регулирующих применение киберсредств и ограничивающих использование принудительных мер вне рамок коллективной безопасности. Без этого санкционные механизмы могут трансформироваться из инструмента стабилизации в фактор постоянной нестабильности мировой системы. Кроме того, полагаем, что необходима разработка универсального соглашения о запрете кибероперациий против объектов критической гражданской инфраструктуры в мирное время.

Список источников

1. Бежанов А.А. Санкции: с античных времен до XX века // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 8–1 (95). С. 136–140.

2. Зейнешев Т.Ж., Машимбаева Г.А., Ильяшевич М.В. Виды санкций в международном праве // Евразийский научный журнал. 2017. № 4. С. 115–119.

3. Джалилов Э.В., Тохаева З.А. Импортозамещение в условиях санкций: проблемы и перспективы Российской Федерации // Деловой вестник предпринимателя. 2023. № 4 (14). С. 24–26.

4. Устав Организации Объединённых Наций. 1945. Организация Объединённых Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (дата обращения: 25.02.2025).

5. Безлепкин Н.И., Бажуков В.И. Война как принуждение к миру. К вопросу о диалектике войны и мира в современных международных отношениях // Управленческое консультирование. 2025. № 1. С. 58–71.

6. Аккаева Х.А. Кибератаки на критическую информационную инфраструктуру // Право и управление. 2023. № 9. С. 347–351.

7. Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26.07.2017 № 187-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (ч. 1). Ст. 4736.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/(дата обращения: 25.02.2025).

List of sources

1. Bezhanov A.A. Sanctions: from ancient times to the 20th century // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. No. 8–1 (95). P. 136–140.

2. Zeineshev T.Zh., Mashimbaeva G.A., Ilyashevich M.V. Types of sanctions in international law // Eurasian Scientific Journal. 2017. No. 4. P. 115–119.

3. Dzhalilov E.V., Tokhaeva Z.A. Import substitution under sanctions: problems and prospects of the Russian Federation // Business Bulletin of the entrepreneur. 2023. No. 4 (14). P. 24–26.

4. Charter of the United Nations. 1945. United Nations [Electronic resource]. – Access mode: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (date of access: 25.02.2025).

5. Bezlepkin N.I., Bazhukov V.I. War as Coercion to Peace. On the Dialectics of War and Peace in Modern International Relations // Management Consulting. 2025. No. 1. P. 58–71.

6. Akkaeva H.A. Cyberattacks on Critical Information Infrastructure // Law and Management. 2023. No. 9. P. 347–351.

7. Federal Law "On the Security of Critical Information Infrastructure of the Russian Federation" of July 26, 2017, No. 187-FZ (as amended on April 7, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 31 (Part 1). Article 4736.

8. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 20.02.2026) [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (date of access: 25.02.2025).

Ó Этеев Д.К., 2026

ВЕСТНИК СКФО
ПРАВО И ЭКОНОМИКА

Научно-практическое издание
№ 1 (37), 2026

BULLETIN OF THE NORTH CAUCASUS FEDERAL DISTRICT: LAW AND ECONOMICS

Scientific and practical publication

№ 1 (37), 2026

Редактор: ***М.А. Ашхотова***
Технический редактор: ***Н.И. Золотарева***
Корректор: ***Л.М. Хакулова***

В печать _____. Формат 60×84 $^{1}/_{8}$.
10,0 усл.п.л. 11,0 уч.-изд.л.
Дата выхода в свет _____.

Адрес издателя: 360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173,
Кабардино-Балкарский государственный университет.

Печать трафаретная. Бумага офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ № _____. Распространяется бесплатно.

Адрес типографии: 360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173,
Кабардино-Балкарский государственный университет.

Производственно-техническое управление. Полиграфический участок
Кабардино-Балкарский государственный университет.